Предварительный отчетъ о результатахъ снаряженной съ Высочайшаго соизволенія Императорскою Академіею Наукъ экспедиціи для археологическаго изслѣдованія бассейна р. Орхона.

В. В. Радлова.

Орхонская экспедиція въ полномъ своемъ составѣ собралась въ началѣ Іюня на русской границѣ въ Кяхтѣ.—По общему соглашенію мы рѣшили, что выгоднѣе снарядить окончательно экспедицію изъ г. Урги и поэтому отправились 16 Іюня въ 4 экипажахъ по монгольской почтѣ до Урги. Прибывъ 20 Іюня въ г. Ургу (), я немедленно приступилъ къ пріобрѣтенію всѣхъ необходимыхъ для экспедиціи запасовъ и къ найму лошадей и верблюдовъ. Такъ какъ до этого времени еще не было получено изъ Пекина извѣщенія о нашей поѣздкѣ, то возникли нѣкоторыя затрудненія со стороны китайскихъ властей, которыя впрочемъ были устранены энергичнымъ вмѣшательствомъ исправляющаго должность консула. Я упоминаю объ этомъ только потому, что эти затрудненія принуждали насъ оставаться въ Ургѣ до 27 Іюня. Караванъ нашъ состоялъ изъ 22 человѣкъ, 4 телегъ съ съѣстными припасами и 12 верблюдовъ. Я, капитанъ топографъ И. И. Щеголевъ, Д. А. Клеменцъ, С. М. Дудинъ, и мой сынъ отправились съ караваномъ по Улясутайской уртонской дорогѣ () до Угей-нора (), между тѣмъ какъ Н. М. Ядринцевъ и прикомандированный отъ Ботаническаго Сада натуралистъ П. П. Левинъ шли къ Юго-западу по Толѣ () прямо на монастырь Эрденицзу.

Нашъ путь совпадалъ съ путемъ, описаннымъ ранѣе г. Пѣвцовымъ, по направленію къ развалинамъ, посѣщеннымъ Н. Ядринцевымъ въ 1889 году.

Отъ 5 станціи (Хара-нидунь) мы оставили уртонскую дорогу и шли по солончакамъ на Сѣверъ до рѣки Толы, гдѣ находятся развалины, извѣстныя подъ именемъ Цаганъ-байшинъ (). Эти раз-

валины находятся на лѣвомъ берегу Толы въ полуверстѣ отъ рѣки на возвышеніи. Долина рѣки здѣсь образуетъ широкую площадь, покрытую въ особенности на правомъ берегу прекрасной травой, такъ что она несомнѣнно могла служить пастбищемъ для большихъ стадъ и мѣстомъ жительства монгольскихъ князей.

Развалины носятъ совершенно оригинальный характеръ. На четырехугольномъ искусственномъ возвышеніи, облицованномъ стѣной изъ дикаго камня, находятся остатки высокихъ стѣнъ цѣлаго ряда различныхъ строеній, окруженныхъ довольно хорошо сохранившейся стѣной изъ кирпичей. На одной изъ сторонъ находится широкая лѣстница изъ гранитныхъ ступеней и остатки воротъ. Всѣ постройки по своему расположенію указываютъ больше на то, что это было скорѣе жилье какого-то богатаго монгола, чѣмъ развалины монастыря. При болѣе точномъ разсмотрѣніи оказалось, что здѣсь была старая постройка, которая впослѣдствіи была значительно исправлена и перестроена. Шаговъ 100 на Югъ отъ развалинъ стояла высокая гранитная плита на большомъ гранитномъ же фундаментѣ, имѣвшая надписи на обѣихъ сторонахъ монгольскимъ и тибетскимъ шрифтами. Мы стояли здѣсь до 8-го Іюля. Д. А. Клеменцъ составилъ точное описаніе развалинъ, капитанъ Щеголевъ снялъ планы самыхъ развалинъ и составилъ карту прилегающей мѣстности, въ тоже время мой сынъ и г. Дудинъ занимались фотографированіемъ развалинъ, а послѣдній рисовалъ тѣ части зданія, которыя не поддавались фотографированію и также детали и украшенія, которыя были находимы въ развалинахъ. Я самъ занимался снятіемъ эстампажей съ надписей указанной выше плиты, что составило не мало трудностей въ виду ея значительныхъ размѣровъ. При разборѣ надписи на мѣстѣ оказалось, что Чокту-тайджи () построилъ здѣсь въ теченіе 17 лѣтъ отъ года «Желѣзной коровы» () до года «Огненной змѣи» () монастырь.

Повидимому указанная надпись относится къ послѣдней перестройкѣ зданія Цаганъ-байшинъ и вѣроятно Чокту-тайджи построилъ монастырь изъ находившихся на этомъ мѣстѣ древнихъ развалинъ упомянутаго въ Мэн-гу-ю-му-цзы древняго дворца хана на Толѣ. Это подтверждается и народнымъ преданіемъ, которое не говоритъ ничего о монастырѣ, а напротивъ того приписываетъ это жилище монгольскому хану.

Отъ Цаганъ-байшина мы возвратились къ уртонской дорогѣ и вышли на неё вблизи уртона Чинъ-тологой (). Этотъ уртонъ получилъ свое имя отъ громаднаго «обо» ()[1]), 4—5 саженъ вышиной, находив-

1) Подъ именемъ «обо» извѣстно возвышеніе изъ камней, сооружаемое шаманистами и ламаистами.

шагося на вершинѣ одинокаго холма въ долинѣ р. Баракчинъ () и состоящаго изъ снесеннаго сюда изъ различныхъ мѣстъ крупнаго камня. По разсказамъ монголовъ «обо» это сооружено по приказанію Чингизъ-хана (), приказавшаго каждому воину многочисленнаго войска проходившему черезъ это мѣсто — положить по камню.

Вблизи слѣдующаго уртона на мѣстности называемой Хада-сынъ () находятся на правомъ берегу р. Харухи () невѣрно названной на картѣ Пѣвцова — Хадасыномъ) развалины громаднаго монастыря, извѣстныя монголамъ подъ названіемъ «Харухынъ-хара-балгасунъ» () Монастырь этотъ стоитъ среди широкой долины покрытой пашнями монголовъ; онъ окруженъ громаднымъ валомъ изъ битой глины и выстроенъ весь изъ дикаго камня замѣчательной кладки. Постройки монастыря состоятъ изъ нѣсколькихъ кумирень и домовъ для житья ламъ. Кромѣ стѣнъ и на рѣдкихъ мѣстахъ оставшейся штукатурки, никакихъ украшеній ни надписей, указывающихъ на время постройки не было найдено. Состояніе вала и стѣнъ указываетъ на то, что со времени его оставленія прошло гораздо болѣе ста лѣтъ. За сѣверной стѣной вала находятся два субургана (), очень искусно выстроенныхъ изъ дикаго же камня. Мы удовольствовались снятіемъ точнаго плана развалинъ и рисунками ихъ.

Между р. Харухой и ст. Тахыльте (), мы встрѣтили въ горахъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ значительныя могилы состоящія изъ круглыхъ кучъ дикаго камня. За станціей Тахыльте на хребтѣ къ Е. отъ Угей-нора () былъ намъ встрѣченъ стоячій камень въ видѣ 4-хъ угольнаго бруска съ пояснымъ украшеніемъ.

Прибывши 12 Іюля къ Угей-нору мы остановились лагеремъ на сѣверномъ берегу озера между этимъ послѣднимъ и монастыремъ Оронбо-гегена (). Здѣсь мы должны были оставаться нѣсколько дней, такъ какъ капитану Щеголеву необходимо было измѣрить базисъ для полуинструментальной съемки долины Орхона ().

Къ S отъ нашего лагеря видно было вдали за озеромъ искусственное возвышеніе называемое монголами «Дашинъ-джиль' Обо». Такъ какъ рѣка Орхонъ благодаря дождямъ была такъ высока, что монголы отказались насъ переправить, то я съ Д. А. Клеменцемъ и С. М. Дудинымъ отправился вокругъ озера. До восточнаго края озера мы шли его берегомъ а отсюда проводникъ провелъ насъ по хребтамъ, спустившись съ которыхъ мы отправились къ Югу отъ маленькаго озерка Цаганъ-нора ()

(въ высокую воду сливающагося съ Угей-номомъ) и проѣхали черезъ р. Кокшинъ-Орхонъ () до «Дашинъ-джиль обо». Обо поставлено среди высокаго 4-хъ угольнаго вала высотой до 5 саж. и около 50 саж. длиной по сторонѣ.

На сѣверномъ краѣ внутри было возвышеніе сложенное изъ пластовъ глины, на которомъ находились слѣды разбитыхъ черепицъ крыши, что указываетъ на то что тамъ находилось зданіе. Вблизи мѣста нахожденія кирпичей на возвышеніи и у подошвы вала на сѣверной сторонѣ находились 7 каменныхъ плитъ съ высѣченными на нихъ кругами, для установки на нихъ деревянныхъ колоннъ [1]).

На южной сторонѣ вала — находились ворота и къ нимъ примыкалъ другой 4-хъ угольный низенькій валъ образующій какъ бы продолженіе перваго. Вся постройка повидимому служила когда-то укрѣпленіемъ для военнаго лагеря. Камней съ надписями по тщательномъ разслѣдованіи мѣстности не оказалось. Снявъ планъ и рисунки мы переночевали на этомъ мѣстѣ и утромъ возвратились въ нашъ лагерь, такъ какъ вода ночью сильно упала и мы могли переправиться на верблюдахъ черезъ рукавъ соединяющій озеро Угей-норъ съ Орхономъ.

15 Іюля мы выѣхали съ озера Угей-нора и, переправившись черезъ Орхонъ, доѣхали до озерка «Тойтенъ-цаганъ-норъ», окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими холмами. На слѣдующій день мы отправились прямо на урочище Хара-балгасунъ (). На высокомъ холмѣ лежащемъ къ Югу отъ Тойтенъ-нора мы встрѣтили развалины зданія называемаго монголами Тойтенъ-тологой или Тойтенъ-тологойнъ-эбдерсынъ (развалины на Тойтенъ-тологой). Въ настоящее время онѣ представляютъ большой курганъ, засыпанный обломками кирпичей и черепицъ съ очень искустной глазировкой, вблизи котораго мы нашли такія же гранитныя плиты (постаменты колоннъ), какъ и въ Дашинъ-джиль-обо, и множество обтесанныхъ гранитныхъ плитъ и столбовъ на которыхъ при самомъ тщательномъ осмотрѣ надписей нигдѣ не оказалось.

Прибывъ на развалины Хара-балгасунъ находящійся отъ Угей-нора на разстояніи не болѣе 35 верстъ, мы стали лагеремъ среди громаднаго 4-хъ угольнаго вала и оставались здѣсь до 28 Іюля. — Развалины Хара-балгасунъ двоякаго рода: 1) остатки древняго города уйгуровъ (и тукюсцевъ?), лежащіе къ W дальше отъ рѣки Орхона, и 2) развалины древняго дворца монгольскаго хана, лежащія къ востоку ближе къ р. Орхону. Между ними находятся остатки громаднаго памятника изъ гранита, вдребезги раз-

1) Такіе постаменты для колоннъ находятся и нынѣ въ монгольскихъ монастырякъ.

битаго варварскимъ образомъ. Памятникъ этотъ, какъ оказалось изъ разбора китайской надписи, былъ поставленъ во 2-й половинѣ VIII в. китайскимъ императоромъ «(въ честь) мудрыхъ гражданскихъ доблестей и необыкновенныхъ военныхъ подвиговъ хана 9-ти уйгурскихъ фамилій Айденъ-ли-ло-гу-мо-ми-ши-хэ-йой-лу». Онъ состоялъ изъ гранитной плиты 180 стм. въ ширину, 200 стм. въ длину и 90 стм. въ толщину. Эта плита была поставлена на гранитной подставкѣ въ видѣ льва. На плиту сверху было поставлено полукруглое украшеніе, образованное 6 драконами, среди которыхъ на каждой сторонѣ находился 5-ти угольный щитъ для заглавной надписи. Сверхъ него былъ прикрѣпленъ каменный шаръ съ круглой опоясной; на одной сторонѣ плиты была надпись китайскимъ и уйгурскимъ шрифтомъ, а на другой — надпись такъ называемыми рунообразными знаками, найденными въ первые въ Минусинскомъ округѣ и въ верховьяхъ Енисея.

Плита съ надписями, какъ я сказалъ уже, разбита на куски, изъ которыхъ на трехъ большихъ кускахъ сохранилась почти вся китайская надпись и почти половина уйгурской; на остальныхъ мелкихъ кускахъ, изъ которыхъ 4 были вырыты нами изъ земли, высѣчены части нижней половины уйгурской надписи. Заглавный щитъ этой половины почти совершенно вывѣтрился, отъ рунообразной надписи сохранились только заглавный щитъ и 4 мелкіе куска. На обратной сторонѣ большихъ кусковъ рунообразная надпись совершенно стерта кромѣ 3—4 знаковъ. Все время нашего пребыванія на Харабалгасунѣ я исключительно занимался снятіемъ эстампажей съ этихъ надписей. Изготовленіе послѣднихъ стоило большого труда, такъ какъ поверхность камней сильно вывѣтрилась и кромѣ того во многихъ мѣстахъ была покрыта слоемъ извести, удаленіе которой потребовало много работы.

Два обломка камня съ китайской надписью и камни привезенные г. Ядринцевымъ въ С.-Петербургъ повидимому не принадлежатъ къ описанному памятнику, но представляютъ собой остатки другого памятника, находившагося вѣроятно когда-то здѣсь же.

Развалины уйгурскаго города занимаютъ обширную площадь въ 8 верстъ длины и здѣсь видны ряды болѣе или менѣе значительныхъ холмовъ и образующихъ ряды улицъ, канавы или рвы и валы, на которыхъ вездѣ разбросаны куски черепицъ и кирпичей и обтесанныя гранитныя плиты — пьедесталы мелкихъ памятниковъ и т. д.; но самыя тщательныя разысканія нигдѣ не показали плитъ съ надписями. Произведенныя на нѣкоторыхъ мѣстахъ раскопки были сдѣланы только для вынииманія находившихся въ землѣ плитъ, другія же раскопки при нашихъ средствахъ не имѣли смысла.

Шагахъ въ 150 къ востоку отъ памятника находятся развалины монгольскаго дворца, окруженныя громаднымъ валомъ изъ глиняныхъ плас-

тинъ, укрѣпленныхъ деревянными балками. Въ валу находились 2 воротъ, изъ которыхъ одни выходили на р. Орхонъ, другія на р. Джирмантай (), протекающую верстахъ въ 3 къ N отъ развалинъ. Внутри вала сохранился фундаментъ громадной башни, битый изъ глины, образующей возвышенность раза въ 2 превышающую стѣны вала его окружающаго. Остатки фундамента образуютъ теперь усѣченный конусъ, заросшій дересуномъ, изъ котораго выступаетъ средняя часть башни въ видѣ столба, верхняя площадка котораго имѣетъ около 4 саж. въ діаметрѣ. Средняя часть башни до того размыта, что кажется составленной изъ базальтовыхъ столбовъ, разбитыхъ поперечными трещинами и пещерообразными ямами. По ней вездѣ можно ясно различать слои кирпичей и глиняныхъ пластинъ, скрѣпленныхъ прежде рядомъ деревянныхъ скрѣпъ (балокъ), которыя по имѣющимся и до нынѣ гдѣздамъ были по нѣскольку саженей длиной и лежали въ горизонтальныхъ плоскостяхъ по различнымъ направленіямъ. Кромѣ башни внутри вала были видны еще слѣды цѣлаго ряда зданій, а внѣ вала, на сторонѣ обращенной къ городу, замѣтенъ ровъ и за нимъ невдалекѣ рядъ маленькихъ башенъ (можетъ быть остатки субургановъ).

Общее впечатлѣніе, производимое этими развалинами, позволяетъ думать, что онѣ относятся къ гораздо позднему времени чѣмъ развалины самого города.

По моему мнѣнію постройка эта есть остатокъ громадной пагоды съ 5-яруснымъ теремомъ, выстроенная Мэнкэ-ханомъ () въ 1256 году.

Точное описаніе всѣхъ развалинъ исполнено г. Клеменцемъ, остававшимся до 28 іюля при экспедиціи. Сынъ мой и г. Дудинъ совмѣстно сдѣлали фотографическіе снимки и рисунки. — Капитанъ Щеголевъ въ это время занимался съемкой полуинструментальной части Орхонской долины, а потомъ — и плана Хара-балгасуна.

Когда мы 28 іюля покинули Хара-балгасунъ, онъ остался еще на нѣсколько дней для окончанія работъ. 17 іюля гг. Ядринцевъ и Левинъ пріѣхали изъ Эрдени-цзу. Они прошли совершенно неизслѣдованной мѣстностью внизъ по р. Толѣ по направленію къ г. Уланъ-Хатъ, прослѣдовали болѣе до истоковъ Джиргаланту (), вытекающихъ изъ хребта, который отдѣляетъ Гоби отъ сѣверной Монголіи. Потомъ они прошли долину Караленъ () и Шараленъ (), истоковъ Харухая, и оттуда горами вышли къ Эрдени-цзу (). — Дорогой они встрѣтили различныя могилы и памятники такого же типа, какъ и Тукюескія могилы, видѣнныя нами впослѣдствіи на Кошо-Цайдамѣ (), (см. прибавленіе III и IV).

Въ концѣ работъ на Хара-балгасунѣ, по общему совѣщанію всѣхъ членовъ экспедиціи, рѣшено было раздѣлиться на 3 группы. Д. А. Клеменцъ съ человѣкомъ, проводникомъ и 5 лошадьми отправился на западъ черезъ верховье Джирмантая и Ханыпа до Урянхайской земли и вышелъ въ предѣлы Минусинскаго округа. (Описаніе этой поѣздки см. прибавленіе I). Н. М. Ядринцевъ съ проводникомъ монголомъ и переводчикомъ отправился на югъ въ Хангай (), съ цѣлью предварительно изслѣдовать южныя горы до Гоби. (О результатѣ этой поѣздки смотри прибавленіе III).

Я самъ съ гг. Дудинымъ, Левинымъ и сыномъ моимъ отправился для изслѣдованія Кошо-Цайдама () и монастыря Эрденицзоу (). Капитанъ же Щеголевъ съ 3 казаками и монголомъ долженъ былъ изслѣдовать въ это время остальныя части средней Орхонской долины.

Проѣзжая черезъ Орхонъ, мы пересѣкли поперекъ мѣстность между Орхономъ и Кокшинъ-Орхономъ и вышли на долину озера Цайдамшинъ-норъ () для изслѣдованія находящихся тамъ Тукюескихъ памятниковъ. Лагерь нашъ оставался здѣсь до 7 августа.

Такъ называемые Кошоцайдамскіе памятники состоятъ изъ четырехъ могильниковъ, лежащихъ на правомъ берегу Кокшинъ Орхона. На сѣверѣ находятся два могильника, состоящихъ изъ поставленныхъ въ землю ребромъ плитъ съ узорами, при одномъ изъ нихъ находится предстоящій камень со знакомъ на груди, у этихъ двухъ могильниковъ нѣтъ надписей, болѣе интересны южные два могильника изъ которыхъ сѣверный принадлежитъ извѣстному Кюй-Тегину (闕特勤). На немъ поставленъ памятникъ китайскаго императора во время династіи Танъ (唐) въ 30-й годъ правленія Кай-юань (開元) 7-го числа 12-й луны (732 г. нашей эры). На могильникѣ, лежащемъ отъ 1-го въ 400 саженяхъ къ SSE, находится плита, поставленная годомъ позже первой. Устройство этихъ двухъ тукюескихъ могилъ слѣдующее: на W сторонѣ поставленъ квадратный жертвенникъ изъ гранита толщиной болѣе метра и длиной болѣе 2 метровъ, правильно отесанный, въ срединѣ котораго находится глубокое круглое углубленіе, за нимъ по направленію къ востоку слѣдуетъ возвышеніе съ мраморными фигурами людей и львовъ китайской работы; здѣсь повидимому находился маленькій храмъ поставленный, какъ говорится въ китайской исторіи, китайскимъ императоромъ. Мраморныя статуи всѣ безъ головъ и повидимому разбиты нарочно; онѣ сработаны схематично безъ особаго искусства, но важны въ томъ отношеніи, что онѣ намъ ясно показываютъ одежду Тукюецевъ. На S отъ храма находится мраморныя черепахи, какъ постаменты для памятниковъ а возлѣ нихъ упавшія громадныя мраморныя же плиты съ надписями. Далѣе къ E — 2 мраморныхъ оленя. Вся эта часть могилы повидимому устроена китай-

цами. Далѣе къ Е отсюда начинаются памятники собственно Тукюскіе. У одной могилы 2 каменныя бабы, у другой вывѣтрившійся отчасти камень съ рунообразной надписью на одномъ изъ боковъ. Оттуда въ направленіи на Е идетъ рядъ стоящихъ и лежащихъ въ землѣ камней, на разстояніи болѣе 2-хъ верстъ заканчивающійся стоящимъ камнемъ. Плита у могилы Кюй-Тегина сохранилась вполнѣ. Она украшена вверху драконами; на одной сторонѣ — надпись китайская, надъ которой на заглавномъ щитѣ писано: «Памятникъ умершаго Кюй-Тегина». На другой сторонѣ рунообразная надпись въ 40 вертикальныхъ строкъ, а на заглавномъ щитѣ высѣченъ знакъ, какъ видно, тамга Тукюескихъ хановъ, большого размѣра. Этотъ же знакъ находится и на груди у одной каменной бабы и у предстоящаго камня. Боковыя стороны плиты также сверху до низу исписаны тѣсными строками рунообразныхъ надписей.

Плита другого могильника разбита на три части; на одной сторонѣ ея — китайская надпись сильно поврежденная, такъ что возможно читать только незначительную часть ея. На заглавномъ щитѣ этой стороны тѣсно писано заглавіе рунообразными знаками. На щитѣ обратной стороны находится тотъ же знакъ, что и на 1 памятникѣ, а остальная плоскость, равно какъ и боковыя стороны, покрыты строчками рунообразныхъ надписей, почти также прекрасно сохранившимися какъ и на 1-мъ памятникѣ. Раскопки, произведенныя у 2-го памятника, показали, что храмъ построенъ былъ на фундаментѣ изъ битой слоями глины и что вся мѣстность послѣ 8-го вѣка покрыта наноснымъ слоемъ песку до 1 арш. мощностью. Олени у 2-го памятника (южнаго) были вырыты нами изъ песку и всетаки головы у нихъ были отбиты; значитъ варварское избіеніе статуй было давнишнее.

Китайскія и монгольскія власти, слѣдившія за нами, помѣшали намъ въ дальнѣйшихъ раскопкахъ, такъ что мы не имѣли возможности разыскать могильную яму и изучить ея внутреннее строеніе. Изслѣдованіе этихъ могилъ ясно показало во 1) внѣшнее устройство тукюескихъ могилъ, во 2) что обычай ставить каменныя бабы у могилъ распространенъ былъ у Тукюецевъ (древнихъ Тюрковъ), что и изъясняетъ распространеніе бабъ до Южной Россіи; 3) что рунообразное письмо до VIII в. распространено было у тукюецевъ; это и изъясняетъ распространеніе этой письменности до Енисея и Тарбагатая.

Изъ Кошо-Цайдама г. Левинъ отправился по моему порученію на NE отъ Кошо-Цайдама и нашелъ невдалекѣ отъ Хабуръ-нора () плиту съ изображеніями 3-хъ лицъ и рунообразной надписью, снимки съ которыхъ и были привезены г. Ядринцевымъ. Кромѣ того гг. Дудинъ и Левинъ отправились на Угей-норъ для отысканія руническихъ надписей, слухъ о которыхъ дошелъ до насъ, но монголы по приказанію своего

начальства на отрѣзъ отказались показать эти камни, и имъ были только найдены камень, подобный Угей-норскому, и могила изъ плитъ съ небольшой гранитной статуей подобной Кошо-Цайдамской и тоже безъ головы. Такое недружелюбное отношеніе китайскихъ властей къ нашимъ разысканіямъ объясняется тѣмъ, что распространился слухъ, будто мы подъ предлогомъ научныхъ разысканій, хотимъ откопать драгоцѣнные металлы, закопанные въ землѣ.

7-го августа мы отправились къ монастырю Эрдени-цзу () лежащему верстахъ въ 40 къ SE отъ Кошо-Цайдама и верстахъ въ 30 на S отъ Хара-балгасуна, невдалекѣ отъ праваго берега Орхона. Мы расположились лагеремъ вблизи N воротъ монастыря. Монастырь окруженъ стѣной, образующей квадратъ, стороны котораго имѣютъ около 250 саж. въ длину. На каждой сторонѣ находится по 22 субургана, а по срединѣ ворота облицованныя кирпичемъ. Новая стѣна не широка и выдѣлана изъ старой стѣны, которая была сбита изъ слоевъ глины, какъ и валы въ Хара-балгасунѣ. Старая стѣна болѣе 3-хъ саженъ шириной и образуетъ теперь обросшій травой валъ, на которомъ и выстроена новая. Уже это ясно показываетъ, что монастырь построенъ на мѣстѣ какого-то древняго зданія, какъ разсказываютъ монахи, — какой-то крѣпости. Къ N отъ монастыря находятся развалины стараго города, окруженнаго съ 3-хъ сторонъ незначительнымъ валомъ. Сторона вала, обращенная къ N, имѣетъ около 1 в. въ длину, а къ W — 600 саж. У восточныхъ воротъ города было маленькое предмѣстье и далѣе въ окрестностяхъ находятся слѣды заимокъ (хуторовъ). Въ самомъ городѣ замѣтны маленькіе валы и холмы — остатки прежнихъ домовъ, между которыми ясно видны двѣ главныя, перекрещивающіяся улицы. На SE углу города громадная гранитная черепаха съ четыреугольнымъ отверстіемъ въ спинѣ для вставленія громадной могильной плиты, подобной памятнику Кюй-Тегина. Отъ плиты съ надписями не осталось слѣдовъ; вокругъ черепахи — валъ и 5 значительныхъ кургановъ, изъ которыхъ средній — громаднаго объема. Повидимому здѣсь похоронены знатные особы (ханской фамилія). На W отъ города изъ русла Орхона отведены 2 канала. Одинъ, у подошвы южныхъ горъ, до настоящаго времени снабжаетъ водой мѣстности, лежащія къ S отъ Эрдени-цзу. Сѣверный каналъ проведенъ отъ р. Орхона до Кокшинъ-орхона и у выхода его изъ рѣки сохранились остатки громаднаго сооруженія, служившаго для отведенія воды изъ Орхона. Этотъ послѣдній каналъ служилъ для орошенія полей, лежащихъ къ N отъ города. Капитанъ Щеголевъ снялъ точный планъ города и монастыря. Въ монастырѣ мы нашли 16 камней съ надписями, отчасти стоящихъ предъ кумирнями, причемъ на нихъ были высѣчены буддійскія надписи, отчасти вдѣланныхъ въ зданія и ворота монастыря. Повидимому монахи Эрдени-цзускаго монастыря привозили эти камни изъ окрестностей и употребляли

ехъ для своихъ цѣлей. Изъ камней 2 были покрыты монгольскими письменами, причемъ одинъ очень древенъ, изъ временъ первыхъ монгольскихъ хановъ. 2 камня, одинъ съ монгольской, другой съ тибетской надписями, стояли передъ одной изъ кумирень и относились къ постройкѣ монастыря. Одинъ камень имѣлъ персидскую надпись, на всѣхъ же другихъ—болѣе или менѣе обширныя китайскія надписи, въ которыхъ встрѣчаются часто знаки: «хо линь» (和 林) и «та-хо-линь (大 和 林)» (китайское названіе города Каракорума). На вышеупомянутой персидской надписи ясно читаются слова «Шэхръ Ханбалыкъ» (персидское названіе монгольскаго города Каракорума).

Всѣ эти камни, привезенные въ монастырь изъ близъ лежащаго города, доказываютъ, что этотъ городъ былъ столицею первыхъ Чингизъ-хановъ — Каракорумъ, что и вполнѣ совпадаетъ съ извѣстіемъ китайцевъ, что Каракорумъ находился въ 100 ли къ S отъ Угей-нора. — Окончивъ свои роботы (планы, эстампажи, рисунки и фотографіи) къ 15 августа, мы по причинѣ наступающей осени не могли двинуть нашъ караванъ къ S въ Хангай, поэтому мы рѣшили окончить совокупныя свои работы здѣсь и раздѣлили нашъ караванъ на три части. Одна часть, состоящая изъ 2 козаковъ, осталась въ Эрденицзу ожидать возвращенія г. Ядринцева, который долженъ былъ возвратиться прямо на Кяхту по дорогѣ между Харухой и Орхономъ (см. приложеніе III). Капитанъ Щеголевъ, С. М. Дудинъ и Н. П. Левинъ отправились съ верблюдами по р. Орхону до р. Горигинъ-голъ, гдѣ на картѣ Клапрота показаны развалины, и оттуда черезъ Джирманту, Цецырлыкъ-голъ (ᠴᠡᠴᠡᠷᠯᠢᠭ ᠭᠣᠣᠯ) и Ханыпу должны были пройти по Селенгѣ до Кяхты. (См. приложенія II и IV).

Я самъ съ сыномъ, на двухъ телѣгахъ и 8 лошадяхъ, поѣхалъ на SE до почтовой станціи Саиръ-усу (ᠰᠠᠶᠢᠨ ᠤᠰᠤ), а оттуда по почтовой дорогѣ черезъ Калганъ въ Пекинъ.—Путь мой пересѣкалъ тотъ самый горный проходъ въ верховьяхъ Джиргаланту (ᠵᠢᠷᠭᠠᠯᠠᠨᠲᠤ), по которому проѣхали гг. Ядринцевъ и Левинъ изъ Урги въ Эрдени-цзу. Маршрутный дневникъ г. Ядринцева и мой доказываютъ, что карта Монголіи къ югозападу отъ города Урги совершенно не точна и требуетъ большихъ исправленій. На моемъ пути до перехода Джиргаланту не встрѣтилось слѣдовъ древнихъ могилъ. Отъ Джиргаланту я отправился въ восточную Гоби, которая въ этой части состоитъ изъ широкихъ равнинъ, пересѣкаемыхъ рядами болѣе или менѣе пологихъ холмовъ и хребтовъ, простирающихся съ SW на NE Оставляя Тухумъ-норъ (ᠲᠤᠬᠤᠮ ᠨᠤᠭᠤᠭᠠ) по правую руку, мы вышли, слѣдуя по ряду колодцевъ, на караванный путь, идущій изъ г. Урги прямо на югъ на уртонъ Лоссъ ᠯᠤᠰᠤ, и перешли его около колодца «Уцзунъ». До Уля-

сутайской уртонской дороги мы дошли нѣсколько къ востоку отъ уртона Шабуктай (), и отъ него уже въ Сапръ-усу.

На всемъ этомъ пути мы не встрѣтили никакихъ древностей, слышали только о развалинахъ, существующихъ вблизи горы Ихе-гачжарынъ-чоло, ошибочно названной на картѣ Ихе-гачжаръ-ула. Но такъ какъ верблюды были наняты нами прямо до Сапръ-усу, я не имѣлъ возможности разыскать ихъ. — Отъ Сапръ-усу я поѣхалъ уже по монгольской почтѣ до Калгана.

Оттуда я поѣхалъ прямо на Пекинъ и остановился только въ Нанкаускомъ ущельи для снятія эстампажа уйгурской надписи, находящейся въ воротахъ Цію-юнь-куань, построенныхъ въ 1326 году Кубилай-ханомъ. Въ Пекинѣ нашъ членъ-корреспондентъ П. С. Поповъ съ помощью одного китайскаго ученаго сдѣлалъ списокъ значительной части китайскихъ надписей эстампажа и передалъ мнѣ предварительный переводъ Карабалгасунской надписи. На возвратномъ пути изъ Пекина въ Шанхай два ученые китайца, списали тексты съ остальныхъ китайскихъ надписей подъ наблюденіемъ извѣстныхъ китаистовъ Д-ра Эдкинса и г. фонъ Мёллендорфа, и послѣдніе обѣщали выслать мнѣ нѣкоторыя свои соображенія по этимъ надписямъ.

Изъ выше изложенныхъ дѣйствій экспедиціи академическое собраніе можетъ видѣть, что экспедиція вполнѣ исполнила программу задачъ, составленную Академіей: во 1) Составлена не только карта долины средняго Орхона (полуинструментальной съемки), съ обозначеніемъ всѣхъ развалинъ и памятниковъ на ней находящихся, но и новой маршрутной съемки: a) Отъ Урги прямо на Эрденицзу. b) Отъ Эрденицзу вверхъ до Горингынъ-голъ, и отсюда черезъ Джирманту по Ханыпу и Селенгѣ до Кяхты. c) Отъ Эрденицзу на S черезъ Хангай, Тунъ-голъ на Онгинъ и обратно черезъ Эрденицзу на монастырь Су-гынъ до Орхона. d) Отъ Хара-балгасуна черезъ Джирмантой и Хануй на западъ по Урянхойской землѣ до р. Енисея, и e) Отъ Эрденицзу черезъ Джиргаланту на Сапръ-усу. Во 2) составлены точныя карты мѣстности и планы развалинъ: a) Цыганъ-Байшина на р. Толѣ, b) Монастыря Харуханынъ-хара-балгасунъ на Харухѣ. c) Развалинъ Дашинъ-джиль къ S отъ Угей-нора. d) Урочища Хара-балгасунъ на Орхонѣ съ точными планами развалинъ города и дворца. e) Могильниковъ на Кошо-Цайдамѣ, и f) Монастыря Эрденицзу и близлежащихъ развалинъ. Въ 3) собраны матеріялы для точнаго описанія всѣхъ упомянутыхъ выше развалинъ. Въ 4) сняты эстампажи со всѣхъ надписей, встрѣченныхъ членами экспедиціи во время ихъ разъѣздовъ и въ 5) сняты необходимыя фотографіи и рисунки всѣхъ памятниковъ и развалинъ, встрѣченныхъ экспедиціей.

Кромѣ исполненія задачъ, данныхъ намъ отъ академическаго собранія,

членами экспедиціи велись дневники, содержащіе значительный матерьялъ по географіи и этнографіи пройденныхъ экспедиціей мѣстностей; гг. Клеменцомъ и Левинымъ собраны коллекціи горныхъ породъ и необходимыя свѣдѣнія для составленія геологической карты этихъ мѣстностей, и наконецъ былъ собранъ гербарій г. Левинымъ, для Ботаническаго Сада, а г. Ядринцевымъ гербарій на склонахъ южнаго Хангая, переданный Левину. При маршрутной съемкѣ капитаномъ И. И. Щеголевымъ, Н. М. Ядринцевымъ, О. А. Клеменцомъ и О. М. Дудинымъ производились метеорологическія наблюденія и записывались опредѣленія высотъ по анероидамъ. Н. М. Ядринцевымъ сняты планы всѣхъ памятниковъ и развалинъ, встрѣченныхъ имъ въ южномъ Хангаѣ, и фотографированы памятники, развалины и виды монастырей.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Письмо Д. А. Клеменца на имя академика Радлова.

г. Минусинскъ 7 октября 1891 г.

Окончивъ возложенное на меня порученіе, считаю своимъ долгомъ ознакомить Васъ съ результатами моихъ работъ на первый разъ въ самой краткой формѣ, впредь до представленія отчета.

По предположенію я долженъ былъ отъ Хара-Балгасуна на Орхонѣ пройдти въ Урянхайскую землю, на верхній Енисей и собрать данныя для рѣшенія вопроса — существуетъ ли непрерывная связь между памятниками долины Орхона и давно извѣстными остатками древней культуры на верхнемъ и среднемъ Енисеѣ. Если Вы припомните, мы, читая совмѣстно находившіеся въ нашемъ распоряженіи выписки изъ различныхъ китайскихъ и западныхъ авторовъ о древностяхъ средней Азіи, пришли къ тому заключенію, что «городъ драгоцѣнностей» долженъ находиться гдѣ-то къ сѣверу отъ Хара-Балгасуна въ бассейнѣ рѣки Селенги. Къ этому присоединились и разсказы одного изъ нашихъ рабочихъ о развалинахъ на рѣкѣ Тельгиръ-Муренъ. Я долженъ былъ замѣтить и описать памятники, которые встрѣтятся мнѣ на пути, снять надписи, если таковыя будутъ, и въ то же время собирать свѣдѣнія о топографіи мѣстности.

Простившись съ Вами на Хара-Балгасунѣ, караванъ нашъ, состоящій изъ 5 лошадей, меня, рабочаго-переводчика, кяхтинскаго мѣщанина Иннокентія Наквасина при монголѣ-провожатомъ, выступилъ вечеромъ 28-го іюля вверхъ по рѣчкѣ Джермантаинъ-голъ, лѣвому притоку Орхона.

Съ первыхъ же шаговъ нашего пути встрѣтились разногласія между свѣдѣніями о топографіи мѣстности, собранными мною и опубликованными свѣдѣніями экспедиціи Н. М. Ядринцева, внесенными въ карту пограничной полосы Азіятской Россіи. На этой картѣ, согласно даннымъ г. Ядринцева [1]), *Джермантаинъ-голъ* принимаетъ съ лѣвой стороны рѣчку

1) Карта составлена не Ядринцевымъ а Исправлявшимъ обязанность топографа Смысловскимъ.

Куксеинъ-голъ; но по всѣмъ свѣдѣніямъ такой рѣчки не существуетъ, да это названіе и звучитъ какъ-то странно. Что за слово Кукса или Куксе, отъ котораго родительной падежъ Куксеинъ? Кромѣ ничтожнаго ручья Шараинъ-голъ у Джермантаинъ-гола нѣтъ лѣвыхъ притоковъ: небольшіе пересыхающіе ручьи не имѣютъ даже особыхъ названій, а проблематическій Куксеинъ, судя по картѣ, долженъ имѣть minimum 40 верстъ длиною. Противорѣчіе это я разъясняю слѣдующимъ образомъ.

Верстахъ въ 15-ти отъ Бейсы-хуре [1]) вверхъ по Джермантаинъ-голу въ него впадаетъ съ *правой* стороны довольно значительная рѣчка *Цаганъ-Сумеинъ-голъ*. По размѣрамъ она не меньше самаго Джермантаинъ-гола, течетъ прямо на юго-западъ, тогда какъ Джермантаинъ-голъ, сдѣлавъ небольшое колѣно къ сѣверу течетъ потомъ съ запада на востокъ и только въ вершинѣ своей, принимаетъ направленіе съ ЮЮЗ на ССВ. Сравнивая на картѣ изображенія Джермантаинъ, и Куксеинъ-гола, приходишь къ тому заключенію, что Кукеспинъ-голъ есть Джермантай, а Джермантаинъ-голъ—Цаганъ-Сумеинъ. Къ этому прибавляется еще слѣдующее: развалины въ вершинахъ Джермантаинъ-гола на картѣ называются Цаганъ-сумэ; на Джермантаинъ, по Ядринцеву, имѣются горячія воды — они лежатъ на Цаганъ-Сумеинъ-голъ,—мы встрѣтили цѣлую партію больныхъ, отправлявшихся туда. Какъ же объяснить происхожденіе имени Куксеинъ-голъ?—Очень просто: по словамъ мѣстныхъ жителей Джермантаинъ-голъ удерживаетъ свое названіе только до поворота съ ЮЮЗ. на ССВ, до того мѣста, гдѣ находятся развалины небольшаго монастыря, носящія названіе Кукусумэ. Выше этого мѣста Джермантаинъ-голъ называется *Куку-сумэинъ-голъ* — или рѣка Синяго сумэ, подобно тому какъ правый притокъ Джермантая носитъ названіе рѣки Бѣлаго сумэ. По моему Куксеинъ — просто испорченное Кукусумэинъ. Разумѣется, логичнѣе было-бы удержать это названіе за всѣмъ верхнимъ теченіемъ Джермантаинъ-гола, вплоть до слія-нія съ Цаганъ-сумеинъ-голъ; тогда-бы можно было сказать, что Джермантаинъ-голъ образуется изъ слиянія двухъ рѣкъ Цаганъ-и Куку-сумеинъ; но съ народными обычаями не спорятъ.

Я остановился такъ долго на этой мелочной топографической подробности потому, что разногласіе моихъ свѣдѣній съ показаніями г. Смысловскаго относится къ мѣстности, сосѣдней съ тою, которая была обслѣдована всей экспедиціей, которую, послѣ г. Смысловскаго подвергъ съемкѣ нашъ многоуважаемый товарищъ по работѣ, капитанъ топографовъ Илья Ивановичъ Щеголевъ; относительно этого раіона наука вправѣ требовать отъ

1) Маленькій монастырь, въ которомъ бывали многіе изъ членовъ экспедиціи.

насъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, болѣе тщательнаго разбора деталей. Зная съ какой тщательностью нашъ сотоварищъ, капитанъ Щегловъ, изучаетъ топографію проходимой имъ мѣстности, я полагаю, что среди картографическихъ данныхъ, собранныхъ имъ, и такая мелочь найдетъ свое мѣсто и не будетъ излишней среди другихъ подробностей.

Берега Джермантаинъ-гола и вся долина его усѣяны — керексурами [1]). Кстати сказать — г. Ядринцевъ напрасно утверждаетъ, что для выдѣлки надгробныхъ плитъ строители ихъ брали матеріалъ гдѣ-то въ вершинахъ Цаганъ-сумепнъ-голъ (по его номенклатурѣ Джерманты); — въ этомъ не было никакой надобности. При сліяніи Цаганъ-сумепнъ-гола и Джермантаинъ-гола находится урочище Цаганъ-хоше; оно сплошь состоитъ изъ гранита, подобнаго Хара-балгасунскому; отдѣльность его пластовая, очень удобная для выломки плитъ. Слѣдовъ каменоломни я не искалъ, такъ какъ выходы гранита встрѣчаются всюду, закладывать карьеровъ не было надобности и строители выламывали камень въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ находили на дневной поверхности хорошую плиту. Развалины Куку-сумэ, ради которыхъ собственно я и предпринялъ кружный путь чрезъ Джермантаинъ-голъ, состоятъ изъ остатковъ фундамента, сложеннаго изъ грубыхъ плитокъ метаморфическихъ сланцевъ и песчаниковъ, а также обломковъ изверженныхъ породъ, подобно развалинамъ Цаганъ-балгасунъ по р. Толѣ. Надъ фундаментомъ сохранились обломки кирпичей. Къ югу отъ главнаго зданія небольшой керексуръ, къ сѣверо-западу ямки съ остатками кирпичей; на одной сохранились довольно хорошо остатки деревянныхъ столбовъ. Это одно уже показываетъ, что постройка не изъ очень древнихъ. Это былъ вѣроятно небольшой дугунъ, пришедшій въ запустѣніе потому, что лишился богатыхъ покровителей, и рядомъ съ нимъ возникли новыя кумирни. Подобныя явленія не рѣдкость въ Монголіи.

Съ Джермантая мы двинулись на сѣверо-сѣверо-западъ и шли по маленькой рѣчкѣ Цохётонпъ-голъ, теряющейся въ степи. Рядъ степныхъ хребтовъ отдѣлятъ ее отъ долины Джермантая. Вышли мы чрезъ равнину, верстахъ въ 25 ниже устья рѣчки Цицерликъ, пр. притока Орто-Тамира. По дорогѣ мы встрѣтили, верстахъ въ 5 отъ Орту-Тамира, большое соляное озеро — Буйланъ-норъ, неизвѣстное до настоящаго времени и неозначенное

---

1) Для краткости вмѣсто описанія могилъ я въ этомъ письмѣ буду держаться терминологіи, принятой Вами въ Вашемъ сочиненіи Aus Sibirien. Керексурами, это слово со временъ путешествій гг. Потанина и Ядринцева утвердилось въ археологической литературѣ, я называю то, что Вы называете Киргизскими могилами или сооруженія надгробныя, подобныя тѣмъ, которыя Вы причисляете къ памятникамъ новаго желѣзнаго вѣка на Абаканѣ. Курганы съ плитами я называю каменными могилами, а курганы съ насыпью изъ земли земляными курганами. Своей классификаціи я не держусь здѣсь, такъ какъ на нее въ литературѣ не было обращено вниманія и теперь черезъ 5 лѣтъ врядъ-ли кто помнитъ ее!

на картахъ. На Орту-Тамирѣ мы потеряли три дня, благодаря разливу рѣки. Устроить переправу вплавь, по урянхайскому способу, привязавъ багажъ на маленькомъ плотикѣ къ хвосту лошади, не удалось, благодаря недостатку въ пригодномъ для постройки плота лѣсѣ. За Орту-Тамиромъ мы прошли по степному ключу Убухъ-Худжиръ на перевалъ Даше-дундукъ и спустились къ Хонту-Тамиру по рѣчкѣ Ара-Худжиръ. Въ этихъ мѣстностяхъ, кромѣ керексуровъ, начинаютъ встрѣчаться уже и каменныя могилы со стоячими плитами. Видѣлъ свѣже-разрытую могилу на Ара-Худжирѣ. Значитъ, разграбленіе кургановъ практикуется и понынѣ въ Монголіи.

Близъ Хонту-Тамира мы пересѣкли маршрутъ Пѣвцова верстахъ въ 10 западнѣе слiянія Орту-и Хонту-Тамировъ и мимо небольшой кумирни Худжиртеинъ-суме направились на сѣверъ. Здѣсь постоянно во множествѣ встрѣчаются керексуры. Переваливъ черезъ горный проходъ Харцатъ-даба, мы пересѣкли рѣчку Арю—послѣднюю на нашемъ пути, принадлежащую къ бассейну Орхона; слѣдующая рѣчка Цорюинъ-голъ принадлежитъ уже къ системѣ Селенги, она впадаетъ въ Хунейнъ-голъ или въ разговорномъ языкѣ Хуни-голъ. На Цорюѣ въ нижнемъ его теченіи мы встрѣтили керексуры и остатки обширнаго земляного вала. Хуни-голъ мы только пересѣкли и по лѣвому притоку его, Талаинъ-Булыкъ, черезъ перевалъ того же имени спустились къ озеру Ихи-Ханынъ-норъ, лежащему около рѣчки Ханынъ-голъ, или Хануй.

Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ qui pro quo въ топографіи мѣстности. На картахъ Хунеинъ-голъ не существуетъ, а показаны Ханынъ-голъ и притокъ его Хасуй. Пѣвцовъ очевидно смѣшалъ Хуни и Ханынъ-голъ. Тамъ, гдѣ на картахъ стоитъ Ханынъ-голъ, слѣдуетъ поставить Хуни-голъ или Хунеинъ-голъ какъ угодно, Хасуй изгнать вонъ и на мѣсто него поставить Ханынъ-голъ или Хануй, такъ какъ Хасуй въ дѣйствительности не существуетъ, а всѣ притоки его именные и безъименные принадлежатъ Хануе.

Верстахъ въ 4-хъ отъ озера и въ ½ верстѣ отъ рѣки Хануй мы нашли громадныя развалины, къ которымъ нестыдно пріурочить и городъ драгоцѣнностей. Изъ всѣхъ видѣныхъ мною въ Монголіи эти развалины самымъ яснымъ образомъ доказываютъ, что здѣсь былъ нѣкогда городъ.

Самый выдающійся предметъ среди этихъ развалинъ — высокая земляная стѣна ввидѣ четыреугольника съ четырьмя воротами изъ плинѳяка тибетскій архитектуры. Внутри четыреугольника остатки большого зданія, сложеннаго изъ кирпича, и нѣсколькихъ зданія меньшаго размѣра. Всѣ зданій были возведены изъ кирпича, мѣстами сохранились гранитные, отлично вытесанные постаменты отъ колоннъ, подобные тѣмъ, которые мы видѣли съ Вами на Угей-норѣ и близъ Цаганъ-нора: квадратная плита, на которой

лежитъ плоскій кругъ. Есть постаменты угловыхъ ко[illegible] примыкавшихъ къ стѣнамъ зданія,—на нихъ вмѣсто цѣльнаго круга высѣченъ полукругъ. Внѣ земляной ограды, версты на двѣ къ сѣверу и на 100 саж. къ западу, всюду встрѣчаются остатки зданій среди валовъ прямоугольной формы. На холмахъ съ плоской вершиной, имѣющихъ форму вытянутыхъ прямоугольниковъ, встрѣчаются постаменты колоннъ и обтесанные камни ввидѣ тумбъ. Изъ Ханынъ-гола былъ проведенъ къ городу водопроводный каналъ. Это не естественный протокъ, какъ на Джирмантаѣ около Хара-балгасуна, такъ какъ оба борта канавы имѣютъ одинаковый наклонъ къ горизонту и довольно крутой, чего въ каналахъ естественныхъ и протокахъ никогда не бываетъ.

Верстахъ въ 5 отъ развалинъ, недалеко отъ сѣвернаго конца Иха-Ханынъ-норъ, двѣ каменныя могилы, два орона, какъ говорили монголы. Могила огорожена сплошными плитами изъ метаморфическаго сланца, внутри изгороди каменныя бабы безъ головъ, очень грубо выдѣланныя. На наружныхъ сторонахъ плитъ высѣченъ орнаментъ ввидѣ составленныхъ рядами вытянутыхъ шестиугольниковъ, подобныхъ встрѣченнымъ на Конo-Цайдамѣ, *о чемъ я сужу по рисункамъ* г. Ядринцева [1]). На одной изъ плитъ на этихъ могилахъ находится небольшая руническая надпись, которую я, разумѣется, тотчасъ же снялъ посредствомъ эстампажа. За рѣкой Ханынъ-голомъ, по рѣчкѣ Дзунъ-Модо нашелъ я еще два подобныхъ же кургана, но безъ надписей. Больше подобныхъ кургановъ въ Монголіи и въ Урянхайской землѣ, хорошо извѣстныхъ и часто встрѣчающихся въ Минусинскомъ округѣ, я нигдѣ не видалъ.

Долина Ханынъ-гола одно изъ самыхъ привольныхъ и удобныхъ для поселенія мѣстъ, видѣнныхъ мною въ Монголіи. По обилію прекрасныхъ пастбищъ и луговъ она смѣло можетъ соперничать въ воспѣтой въ стихахъ и въ прозѣ долиной Орхона.

Съ Хануя, пересѣкши его притоки Наринъ-Худжиръ, Ихи Худжиръ и Дзу-Сана, мы перешли на рѣчку Ачинъ — (Очанъ на картахъ и у Г. Н. Потанина). Рѣчка эта очень богата керексурами, а противъ кура Банди-гегена, лежащей въ 20 верстахъ выше устья рѣки, цѣлое кладбище. Здѣсь же видны остатки старыхъ оросительныхъ каналовъ, но они новѣе керексуровъ, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ каналъ прорѣзываетъ старую могилу. Остатки пашенъ видны во многихъ мѣстахъ; но на Селенгѣ и монголы мѣстами занимаются земледѣліемъ. Остатковъ древнихъ сооруженій намъ нигдѣ не удалось встрѣтить и никто не слыхалъ объ нихъ. Въ курѣ мы

1) Любопытно, что подобный орнаментъ встрѣтилъ я на одномъ изъ храмовъ въ курѣ Банди-гегена на рѣчкѣ Ачинъ, только не высѣченный, а нанесенный краской.

сдѣлали визитъ Банди-гегену. Это очень молодой, здоровый, хорошо упитанный и красивый монголъ. Мы застали его на работахъ при постройкѣ новой кумирни, которыми онъ руководилъ самъ. Онъ очень заинтересовался моей бородой, распросилъ насъ о дорогѣ, извинился, что не можетъ принять насъ у себя самъ, такъ какъ занятъ работой, и пригласилъ безъ него ужъ напиться у него чаю. Любезность господина-бога дошла до того, что онъ прислалъ намъ, когда мы у него сидѣли и закусывали, лоскуточки шелковой матеріи съ совѣтомъ носить ихъ на шеѣ въ предупрежденіе могущаго случиться въ дорогѣ несчастья. Этотъ гегенъ не признанъ китайскимъ правительствомъ—онъ не имѣлъ ни тамги, ни богдоханской грамоты.

Съ Ачинъ-гола мы перешли на Селенгу и поднялись по ней до того мѣста, гдѣ три рѣки Этеръ, Буксуй и Тельгиръ-Муренъ даютъ начало величайшей рѣкѣ Монголіи. Буксуй на картахъ поставленъ очень далеко отъ сліянія Этера и Тельгиръ-Мурена. Въ сущности всѣ эти три рѣки слѣдуетъ считать вершинами Селенги.

Развалины по Тельгиръ-Мурену, о которыхъ говорилъ Федоръ Осокинъ, лежали по разсказамъ въ трехъ дняхъ пути въ сторону отъ нашей дороги вверхъ по рѣкѣ. Принимая во вниманіе, что время года напоминало уже объ осени и что намъ такимъ образомъ пришлось бы на 150 верстъ отклониться отъ прямого пути, я отказался отъ осмотра ихъ. По разсказамъ онѣ состоятъ изъ простого земляного вала и мѣстность эта лежитъ въ трехъ дняхъ пути отъ озера Тери-норъ, гдѣ также, какъ извѣстно, имѣются остатки какого-то города. Удобнѣе будетъ осмотрѣть Тельгиръ-Муренскія развалины тому, кто возьметъ на себя осмотръ береговъ Косогола, Тери-нора и провѣрку показаній г. Дуброва «о китайскихъ городкахъ», близъ линіи монгольскихъ карауловъ. Передо мной же лежалъ путь слишкомъ въ 700 верстъ до первыхъ русскихъ факторій въ Урянхайской землѣ и тамъ предвидѣлось не мало работы и разъѣздовъ. Отправившись на Тельгиръ-Муренъ, я долженъ былъ бы выйдти на Косоголъ и въ Тугену. Этотъ путь былъ бы короче пѣшели на Минусинскъ, но не соотвѣтствовалъ условленому между нами плану моей поѣздки.

Съ Тельгиръ-Мурена мы двинулись вверхъ по Буксую и далѣе на большое озеро Сангинъ-Далай. — Здѣсь мы пересѣкли маршрутъ г. Потанина. Берега Сангинъ-Далая усѣяны керексурами и каменными могилами. Очевидно, что когда-то здѣсь было значительное населеніе; но теперь, благодаря отсутствію прѣсной воды, берега его почти не обитаемы. Къ западу отъ Сангинъ-Далая лежитъ Тунемулъ-норъ, также соленое. Съ него мы перешли къ р. Тесъ и, минуя Цзурскій караулъ, прямо горами прибыли 31-го августа на Дзинзилыкскій караулъ, а оттуда на Енисей. Въ Урянхайской землѣ работы мои затянулись благодаря наступившему не-

настью. Кромѣ того рунические камни такъ разбросаны по странѣ, что пришлось сдѣлать слишкомъ тысячу верстъ для переѣздовъ съ мѣста на мѣсто. Здѣсь снято мною 14 камней — изъ нихъ четыре совершенно новые найдены въ первый разъ мною. Нѣкоторыхъ изъ камней, снятыхъ финляндскими учеными, я не могъ найдти. Конечно, я нашелъ бы ихъ, еслибъ имѣлъ въ распоряженіи больше времени, но я долженъ былъ торопиться такъ какъ на горахъ выпалъ глубокій снѣгъ и скоро всякія сношенія съ Минусинскимъ краемъ должны были прекратиться. Перваго октября я уплылъ на плотѣ внизъ по Енисею, благополучно прошелъ чрезъ Енисейскіе пороги и въ настоящее время нахожусь въ Минусинскѣ. Въ нынѣшнемъ году уже невозможно снимать надписи съ рунических камней. Работать надъ промерзшимъ камнемъ невозможно: онъ не сохнетъ. Камни же, собранные въ Минусинскомъ музеѣ, помѣщаются прямо на дворѣ, безъ всякой прикрыши. Переноска этихъ монолитовъ въ теплое помѣщеніе потребовало бы крупныхъ издержекъ, да и сверхъ того мои обязанности зовутъ меня въ Иркутскъ. Вмѣсто 15-го сентября — времени открытія засѣданія В. С. отдѣла, я попаду туда не ранѣе 20-го октября и то если не встрѣтится какихъ либо задержекъ въ дорогѣ.

Для съемки Минусинскихъ надписей, какъ находящихся въ музеѣ, такъ и въ округѣ, я съ своей стороны предложилъ бы воспользоваться мѣстными Минусинскими силами. Для этой цѣли я могу рекомендовать мѣстнаго любителя археологіи, молодого человѣка, Николая Петровича Евстифеева. Со способомъ съемки надписей, практикуемымъ нами, онъ ознакомленъ достаточно. Инструменты, по имѣющимся у насъ образцамъ, заказаны Минусинскимъ музеемъ. Если бы Академія Наукъ нашла возможнымъ дать ему небольшое пособіе въ размѣрѣ отъ 150 до 200 рублей, онъ будущимъ лѣтомъ аккуратно исполнилъ бы возложенное на него порученіе.

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о новомъ способѣ снимания надписей. При всѣхъ своихъ хорошихъ свойствахъ онъ нуждается въ усовершенствованіяхъ. Нами было признано почти за аксіому, что чѣмъ рѣже ткань, тѣмъ она удобнѣе для эстампажа. Это заключеніе можно принять не иначе какъ съ большими оговорками. Разумѣется, плотная какъ кожа и толстая ткань не годится для эстампажа; но и рѣдкіе, неплотные сорта миткаля не даютъ хорошихъ результатовъ. Рѣдкій миткаль набивается скорѣе плотнаго, но чистая выбивка буквъ почти невозможна: отъ ударовъ щеткой матерія становится еще рѣже, края буквъ принимаютъ нерѣзкій видъ и самый рельефъ не имѣетъ надлежащей стойкости, особенно если приходится работать, какъ напр. мнѣ — безъ талька. Въ Урянхайской землѣ я нашелъ только миткаль фабрики Коновалова № 6; благодаря его неплотности на плохо вырѣзанныхъ камняхъ матерія разбп-

валась какъ рѣшето прежде нежели удавалось оттиснуть буквы. Благодаря этому приходилось приноровляться, снимать одинъ камень по нѣсколько разъ раньше нежели получался сносный оттискъ. Для пробы я одинъ изъ самыхъ плохихъ камней снялъ на лоскутокъ миткаля, который остался у меня отъ Васъ — чистота снимка сразу дало себя знать. Необходимо имѣть цѣлый рядъ щеточекъ разныхъ размѣровъ. Иногда на камняхъ надпись находится въ узкихъ углубленіяхъ, куда, напримѣръ, нашей большой щеткой проникнуть чрезвычайно трудно. Маленькой же щеткой необходимо было бы проходить надпись, такъ какъ на грубыхъ камняхъ не всѣ буквы выбиты одинаково глубоко и особенно во впадинахъ камня. Кромѣ большихъ угловичковъ необходимы совершенно миніатюрные и сверхъ того маленькіе полусферическіе валики. Ничего подобнаго намъ не приходило въ голову, пока мы работали съ хорошими надписями, выбитыми на полированномъ гранитѣ, когда же пришлось имѣть дѣло съ Урянхайскими надписями, выбитыми то на грубомъ песчаникѣ, то на истрескавшемся сланцѣ, мысль о новыхъ инструментахъ явилась сама собой. Забылъ Вамъ сказать, что цилиндрическій валикъ, котораго у меня не было, въ Солотахъ я смастерилъ самъ при помощи кузнеца-урянхайца — онъ не изященъ, но работать имъ было возможно. Это показываетъ, на сколько наши инструменты просты по своей идеѣ. Въ холодное время необходимо подогрѣвать краску и палитру — иначе она отдираетъ полотно отъ камня. Здѣсь никакихъ указаній кромѣ личнаго опыта дать нельзя: перегрѣтая краска пачкаетъ, а не краситъ надпись, дѣлаетъ валикъ шероховатымъ; холодноватая отдираетъ надпись. Одной щеткой работать очень неудобно на большомъ камнѣ — трудно одной рукой достигнуть равномѣрной пробивки. Сверхъ того — сама щетка отъ употребленія быстро портится. Когда у насъ не хватило гуммиарабика, мы замѣняли его густымъ растворомъ сахара.

Набойка выходитъ, но какъ только надпись начнетъ просыхать — полотно отстаетъ. Опытъ показалъ, что въ этомъ случаѣ надобно красить надпись еще сыроватую. Въ этомъ случаѣ, конечно, можно работать только угловикомъ и только одними прикосновеніями срединой выпуклой поверхности. Снимки получаются, но нѣсколько грязноватые.

До послѣдняго времени полагали, что остатковъ какихъ-либо зданій или сооруженій нечего искать въ Урянхайской землѣ. Теперь мы можемъ утверждать противное: 1) въ вершинахъ рѣчки Джеданъ, праваго притока Кемчика, я нашелъ земляной валъ въ 450 шаговъ узкая и 670 длинная сторона съ остатками глинобитной стѣны, подобной Хара-балгасунской. Внутренность четыреугольника заросла кустами черемухи и карагана; но видно, что она вся покрыта ямами, какъ бы остатками строеній. Произвести бли-

жайшее разслѣдованіе было невозможно, благодаря выпавшему глубокому снѣгу. 2) Близъ устья рѣчки Аксукъ, лѣваго притока Кемчика, есть четыреугольный земляной валъ. 3) Во время прежнихъ моихъ путешествій по Урянхайцамъ въ верхнемъ теченіи Аксука встрѣтилъ и остатки низенькаго вала, идущаго отъ лѣваго берега рѣчки до увала хребта. 3) Въ тоже время на рѣчкѣ Манжурекъ, лѣваго притока Аксука, нашелъ я небольшое странное зданіе, сложенное изъ битой глины. Оно имѣетъ форму прямоугольнаго параллелопипеда безъ крыши, длина каждой стороны параллелопипеда $1\frac{1}{2}$ саж. (мѣру беру я на память, такъ какъ старыхъ записныхъ книжекъ у меня съ собой нѣтъ). Русскіе называютъ эту развалину стойломъ. Вѣроятно это было помѣщеніе для бурхановъ или молитвенной мельницы.—Этихъ свѣдѣній о развалинахъ я нигдѣ еще не опубликовалъ, равно какъ и другихъ результатовъ своихъ двукратныхъ странствованій по Урянхайской землѣ. 4) Выше рѣчки Цаганъ-арыхъ, лѣваго притока Улукема течетъ по той-же долинѣ небольшой ручей, теряющійся въ степи благодаря тому, что вся вода изъ него разбирается на орошеніе Солотскихъ пашенъ, встрѣтилъ я земляной валъ шаговъ 300 длиною и 200 шириною. Внутри этого вала другой маленькій, размѣромъ 150 и 90 шаговъ. Высота внѣшняго вала 8 футовъ, онъ обнесенъ неглубокой канавой, съ востока имѣетъ ворота для проѣзда. 5) На Уюнской степи, въ разстояніи трехъ верстъ другъ отъ друга, близъ небольшого озера Буга-норъ имѣются довольно загадочныя сооруженія. Представьте себѣ прямоугольную площадь въ 200 шаговъ шириною и въ 450 длиною, на которой въ высоту $1\frac{1}{2}$ аршина навалены и настланы камни. Края этой настилки окружены валомъ изъ такого же щебня высотою въ аршинъ, по угламъ вала возвышаются щебневыя пирамидки. Урянхайцы называютъ эти сооруженія Тамъ-обо, хотя ничего общаго съ обыкновенными обоами они не имѣютъ. Добавлю кстати, что на томъ же Уюнѣ встрѣтилъ я земляные курганы безъ малѣйшей примѣси камней. Высота насыпи доходитъ до 2 саженъ, окружность до 60. Такихъ кургановъ нашелъ я тамъ 17 штукъ, недалеко одинъ отъ другого. Въ другихъ мѣстахъ Урянхайской земли такихъ кургановъ нѣтъ, да и въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ они встрѣчаются какъ рѣдкость. Я раскапывалъ одинъ такой въ Ачинскомъ округѣ — это была коллективная могила, гдѣ около покойниковъ, вмѣсто утвари настоящей, были положены символическія, миніатюрныя изображенія предметовъ домашняго обихода. Кромѣ археологическихъ наблюденій, о которыхъ, думаю, сказано для предварительнаго сообщенія (не отчета!) довольно, я резюмирую свои остальныя работы въ краткихъ словахъ.

Маршрутная съемка велась въ теченіи всей дороги до Минусинска. Такъ какъ она примыкаетъ съ одной стороны къ съемкѣ капитана Щего-

лева, съ другой спутника г. Потанина, топографа Орлова, и пересѣкаетъ одинъ маршрутъ Пѣвцова и два маршрута г. Рафаилова (Сангинъ-далай и Дзинлилыко), то я думаю, что она доступна провѣркѣ и имѣетъ нѣкоторое картографическое значеніе. Наблюденія съ термобарометромъ велись ежедневно до Гандинъ-хуре на р. Теси, гдѣ у меня вышелъ весь спиртъ. Мною собрано 250 образцовъ горныхъ породъ и 240 видовъ растеній. Геологическая коллекція сама говоритъ о своей недостаточности. Для болѣе или менѣе полнаго представленія мѣстности необходимо было бы сутокъ по двоѣ останавливаться около каждаго горнаго перевала и дѣлать боковыя экскурсіи; но тогда я не исполнилъ бы своей главной задачи, да и для подобныхъ наблюденій у меня не хватало бы ни денежныхъ средствъ, ни перевозочныхъ для доставки коллекцій. Мнѣ пришлось проходить по Монголіи въ раіонѣ преобладанія кристаллическихъ и метаморфическихъ породъ, осадочныхъ образованій вплоть до Урянхайской земли я не встрѣчалъ нигдѣ. Въ небольшой ботанической коллекціи знатокъ вѣроятно найдетъ мало новаго для себя. Я не гонялся за рѣдкостями, собиралъ болѣе всего самые распространенные виды. Она можетъ подтвердить только лишній разъ, что, несмотря на тройную цѣпь Саянъ и высокіе хребты Алтая, флора степей сѣверной Монголіи чрезвычайно близка къ флорѣ степей Алтая и Минусинскаго округа.

Мнѣ неизвѣстны результаты работъ всей нашей экспедиціи, да еслибъ я и зналъ ихъ, я не рѣшился бы производить имъ оцѣнку; относительно своей работы я позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Бѣглая экскурсія эта доказываетъ, что между памятниками Орхонскими и Минусинскими существуетъ непрерывная связь. Обиліе археологическихъ памятниковъ въ бассейнѣ Селенги даетъ надежду, что наукѣ удастся возстановить бытъ того замѣчательнаго народа, который оставилъ намъ несомнѣнные слѣды своего существованія на всемъ пространствѣ отъ границъ Манчжуріи до южныхъ предгорій Алтая. Будемъ надѣяться, что рѣшеніе этой благородной задачи выпадетъ на долю русской науки. Призванные распространять общечеловѣческую культуру среди племенъ центральной Азіи, мы можетъ быть напишемъ исторію ихъ собственной культуры и укажемъ ей мѣсто въ исторіи культуры общечеловѣческой.

Для представленія подробнаго отчета я въ настоящее время не могу опредѣлить точнаго срока для описанія развалинъ, я долженъ подождать рисунковъ г. Дудина и плановъ капитана Щеголева. Относительно обработки матеріаловъ — мои маршрутныя съемки взялся разсмотрѣть Илья Ивановичъ Щеголевъ, но я пришлю Вамъ мой собственный отдѣльный маршрутъ, такъ какъ нужно нанести особо археологическіе памятники, замѣченные на пути. Растенія обѣщалъ обработать проф. Томскаго универ-

ситета Д-ръ Ботаники Коржинскій. Относительно обработки петрографическихъ коллекцій я нахожусь въ затрудненіи относительно выбора спеціалиста. Къ Томскому профессору Зайцеву я нахожу неудобнымъ обращаться; такъ какъ у него уже лежитъ довольно обширный матеріалъ изъ моихъ прежнихъ путешествій, онъ вѣроятно не возьмется за новую работу, если не окончитъ старой. Петербургскій университетъ богатъ петрографами, м. б. при Вашемъ посредствѣ удалось бы пристроить мою небольшую коллекцію? Личныхъ связей и сношеній съ Петербургскими геологами я не имѣю. Выпускать описаніе пути безъ опредѣленія горныхъ породъ мнѣ бы не хотѣлось, такъ какъ большая часть его посвящена вопросамъ геологическимъ. Долгомъ считаю сказать напередъ, что лицу, которое взялось бы за мои коллекціи, я не могу обѣщать ни дневника, ни предварительнаго отчета. Все что я могу сдѣлать для него — прислать списокъ породъ и обозначить положеніе ихъ на картѣ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній не могу дать, такъ какъ не имѣю на работу свободнаго времени.

Я считаю своимъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность за оказанное содѣйствіе русскимъ купцамъ Андрѣю Павловичу Сафьянову; Леонтію Ивановичу Бякову и Шарыну Садыковичу Садыкову, въ особенности читаю я себя глубоко обязаннымъ Усинскому пограничному Начальнику, Николаю Федоровичу Талызинину. Его предупредительность и заботливость о томъ, чтобы экспедиція могла безпрепятственно дѣлать свое дѣло, положительно трогали меня. Получивъ мое письмо, гдѣ я просилъ его дать мнѣ свѣдѣнія о томъ, какіе пути сообщенія возможны въ настоящее время между Уромхайской землей и Минусинскимъ округомъ, онъ самъ выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу. «Вы сдѣлали длинный и трудный путь» — сказавъ отъ мнѣ, — «послѣ такой дороги часто встрѣчается надобность въ разныхъ предметахъ, за дорогу многое истрачивается и теряется, я и выѣхалъ помочь Вамъ чѣмъ могу». Какъ человѣкъ образованный онъ горячо заинтересовался моей работой, а когда онъ по своимъ служебнымъ дѣламъ не могъ участвовать въ экскурсіяхъ вмѣстѣ со мною, онъ посылалъ своего переводчика и казака.

Дмитрій Клеменцъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Предварительный отчетъ поѣздки изъ Эрденицзу въ Кяхту С. М. Дудина.

Вечеромъ 15 августа нашъ караванъ, состоящій изъ И. И. Щеголева, Н. П. Левина, меня, трехъ казаковъ, одного вольнонаемнаго русскаго рабочаго, двухъ монголъ и монгола-проводника, выѣхалъ изъ Эрденицзу и направился вверхъ по *Орхону*. Мы должны были проѣхать до р. *Каркуинъ-голъ*, чтобы осмотрѣть развалины, показанныя на картѣ Клапрота. Не смотря на краткость этого пути, мы прошли его только къ утру 21 августа, такъ какъ сперва насъ задерживали дожди, а у горы *Голынъ-берхе* — разливъ Орхона, который намъ необходимо было перейти въ этомъ мѣстѣ. По дорогѣ мы встрѣчали много древнихъ могилъ (керексуровъ). Особенно было много ихъ на послѣднемъ переходѣ между р.р. *Нарынъ-голъ* и *Горигинъ-голъ*; здѣсьже мы встрѣтили и 1-й камень съ изображеніями оленей. Керексуры встрѣченные нами — такого-же типа какъ и тѣ, которые мы видѣли по р.р. Харухѣ и Орхону (у Хара-балгасуна), т. е. они представляютъ собой кучи камней обнесенныя каменными же кругами или четырехъугольниками; величина ихъ разнообразна: отъ нѣсколькихъ шаговъ въ діаметрѣ или сторонѣ до 80, 100 и. болѣе лошадиныхъ шаговъ. Одиночныя могилы почти не попадаются, чаще же встрѣчаются группы могилъ расположенныя безъ видимаго порядка вокругъ немногихъ большихъ керексуровъ. — Утромъ 21 августа мы прибыли на р. *Горигинъ-голъ* (неправильно названную на картѣ — Каркуинъ-голъ), но никакихъ развалинъ на ней не нашли. Жители монголы на наши разспросы по этому поводу заявили, что въ этой мѣстности они никакихъ развалинъ не знаютъ кромѣ развалинъ на р. Джирмантѣ у Хури Дзасыгынъ. — По Горигинъ-голу мы уже не встрѣчали керексуровъ, но нашли каменную бабу безъ головы и полузасыпанный камень (въ видѣ бабы) съ какими-то изображеніями сильно впрочемъ попорченными.

Переѣхавъ въ этотъ же день р. Джирманту, мы подошли къ развалинамъ у монастыря Дзасыгынъ-хуря. Развалины эти представляютъ собой четырехъугольный валъ (напоминающій валы хара-балгасунскихъ развалинъ), имѣющій около 5 саженъ въ вышину и 200 съ лишкомъ шаговъ въ сторонѣ; со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ другимъ менѣе высокимъ валомъ. Въ срединѣ центральнаго вала можно было видѣть также небольшіе валики и ямы. Судя по сохранившимся еще остаткамъ стѣнъ, весь центральный валъ былъ сложенъ изъ пластовъ глины перемѣшанной съ галешникомъ, скрѣпленныхъ бревнами, отъ которыхъ сохранились только дыры.—

Осмотрѣвъ развалины и снявъ планъ ихъ, я и Н. П. Левинъ осмотрѣли монастырь и, не найдя въ немъ никакихъ камней съ надписями, отправились на «Холонъ-оршанъ» (горячіе ключи), отстоящіе версты на 2 ниже по Джирмантѣ, считая отъ монастыря. Здѣсь мы нашли два гранитныхъ обломка, изъ которыхъ одинъ представлялъ собой корыто или желобъ, а другой вѣроятно обкладку одного изъ ключей.

Отъ Джирманты нашъ караванъ отправился вверхъ по ручью *Холтъ-голъ* (впадающему въ Джирманту) и перейдя перевалъ *Цыцырлыкъ-Дабанъ*, вышелъ на долину р. *Цыцырлыкъ-голъ*. Здѣсь монголы сообщили намъ, что по Цыцырлыку невдалекѣ отъ *Урту-Тамира* есть писанный камень. 23 августа я и Н. П. Левинъ, взявъ проводника, отправились къ камню, но вмѣсто надписей нашли на немъ изображенія оленей. Могилъ вблизи него не оказалось. 23-го же августа мы переѣхали *Урту-Тамиръ*, въ 5 верстахъ отъ котораго на древнемъ берегу расположены двѣ большія кумирни — Дзунъ-гегенъ-хуря и Хатъ-хуря. Осмотрѣвъ ихъ, я не нашелъ нигдѣ камней съ надписями, хотя видѣлъ въ послѣдней изъ нихъ много старыхъ камней обтесываемыхъ наново китайцами и могло статься, что на нихъ до отески были надписи. 24 августа мы перешли *Хойту-Тамиръ*, 25-го — Хасуй и только 26-го прибыли на *Ханынъ-голъ*. Невдалекѣ отъ *Хасуя* намъ опять встрѣтились керексуры громадной величины и совершенно такого же типа какъ по Нарынъ-голу. — 26 августа, обогнувъ озерки Ихе-ханынъ-норъ и переваливъ черезъ небольшой хребетъ, мы вышли на долину р. Ханынъ-гола прямо къ развалинамъ. Развалины эти расположены въ 2 верстахъ отъ рѣки и представляютъ невысокій четырехсторонній валъ, вѣроятно битый изъ глины. Въ срединѣ каждой стороны его сохранились ворота обложенныя плитами сланца. Среди площади окруженной этимъ валомъ расположенъ фундаментъ какого-то зданія битый изъ глины и облицованный кирпичемъ; нѣсколько къ S и N отъ него — еще два фундамента меньшихъ размѣровъ и менѣе сохранившихся. На южномъ фундаментѣ уцѣлѣли еще кирпичи пола, а также и кирпичи ведущіе къ центральному фундаменту. На сѣверномъ фундаментѣ сохранились гранитные базисы колоннъ (грубо высѣченныхъ и вполнѣ похожихъ на базисы деревянныхъ колоннъ, видѣнныхъ мною въ монастырѣ Хатъ-хуря и др.). Два такихъ же фундамента расположены и у W стѣны вала. Къ N и E отъ развалинъ можно было видѣть ряды низкихъ валовъ и нѣсколько возвышеній съ остатками постаментовъ для колоннъ, то тесанныхъ, то нетесанныхъ вовсе. И по площади среди вала и внѣ его я находилъ обломки черепицъ и лѣпныхъ украшеній изъ глины покрытыхъ глазурью и безъ нея совершенно такого-же типа какъ въ Цаганъ-байшинѣ или, еще лучше, какъ въ современныхъ монастыряхъ вродѣ Эрденицзу, Хатъ-хуря и др., угловые камни зданій и

обломки необдѣланныхъ кусковъ гранита. — Нѣсколько къ востоку отъ N конца озеръ Ихе-ханынъ-норъ я и Н. П. Левинъ видѣли 2 большихъ могилы, сложенныхъ изъ громадныхъ (до сажени и болѣе) гранитныхъ и гнейсовыхъ плитъ, покрытыхъ изображеніями оленей.

Обѣ могилы какъ видно были уже разрыты кѣмъ-то, на что указывали между прочимъ ямы среди могилъ и то обстоятельство, что камни были выведены изъ своего первоначальнаго положенія. — 29-го августа Н. П. Левинъ, взявъ съ собой казака, уѣхалъ впередъ, мы же продолжали нашъ маршрутъ не мѣняя быстроты хода. — Мы шли правымъ берегомъ Ханынъ-гола и 30-го августа, не доѣзжая 15—17 верстъ до небольшого озерка *Шаргынг-нора* перешли на лѣвый берегъ. На этомъ пути мы снова встрѣтили два камня съ изображеніями оленей. Одинъ изъ нихъ (встрѣченный 29 августа) стоялъ одиноко на возвышенной надъ уровнемъ рѣки равнинѣ и интересенъ только тѣмъ, что составляетъ переходный типъ отъ камней, встрѣченныхъ экспедиціей на Угей-норѣ и Хобуръ-норѣ, къ камнямъ на Цыцырлыкъ-голѣ и Нарынъ-голѣ; другой (встрѣченный 30 августа) стоялъ у края могилы сложенной изъ узорчатыхъ плитъ (сохранилось (?) только двѣ подъ прямымъ угломъ другъ къ другу) и представлялъ собой камень вполнѣ похожій на Нарынъ-гольскій. — Невдалекѣ отъ него на громадныхъ обломкахъ распространенной въ этомъ мѣстѣ (какъ и вообще по Ханыну) лавы мной были замѣчены мелкія изображенія оленей и др. грубо высѣченныя.

31 августа мы перешли высокій перевалъ *Дутлург-дабанг* и подошли къ *Селенгѣ*. На слѣдующій день, пройдя нѣсколько верстъ въ низъ мы перешли Селенгу у большого монастыря (не нанесеннаго почему-то на карту) *Хошу-хуря*, осмотрѣвъ который я также не нашелъ камней съ надписями. Въ 15 верстахъ отъ этого монастыря мы встрѣтили небольшія развалины представляющія собой четырехъугольный валъ, среди котораго построенъ небольшой монастырь Бай-балигынъ-суме; на западной, сѣверной и части восточной стѣны сохранились высокія (около 3-хъ саж. считая отъ видимаго основанія, а не отъ почвы) глинобитныя стѣны Хара-балгасунскаго типа; южная же стѣна и часть восточной разрушены. Среди вала и на немъ я не нашелъ никакихъ обломковъ, ни камней, ни черепицъ, ни кирпичей.— Нѣсколько къ югу отъ этихъ развалинъ и ближе къ Селенгѣ расположены другія развалины поменьше въ видѣ незамкнутаго на Е сторонѣ вала съ круглымъ холмомъ въ этой незамкнутой части и круглой же ямой въ центрѣ. Здѣсь я также не нашелъ никакихъ обломковъ. 2-го сентября мы пришли къ р. Эгинъ-голу, 3-го перешли его и, обогнувъ горы, прошли въ урочищѣ Балисхынъ. 5-го сентября мы снова вышли на Селенгу и все время шли ея берегомъ мимо кумирень Барунъ-Дзасака, Номонъ-хана, озерка Цаганъ-норъ и

кумирни Дзунъ-Дзасака и 11-го сентября караванъ нашъ прибылъ въ г. Троицкосавскъ. — На всемъ этомъ пути мы продолжали иногда встрѣчать керексуры, но уже далеко не въ прежнемъ количествѣ и значительно меньшихъ размѣровъ.

Весь путь отъ Эрденицзу до Троицкосавска прошелъ весьма благополучно. Насъ безпокоили только морозы, начавшіеся на р. Ханынъ-голъ, продолжавшіеся почти безъ перерывовъ до Селенги и доходившіе по утрамъ до 10°—11° по Ц.

С.-Петербургъ, 24-го ноября 1891 г. *Самуилъ Дудинъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ по р. Толѣ, Орхону и въ Южномъ Хангаѣ члена экспедиціи Н. М. Ядринцева.

Закончивъ путешествіе свое за лѣто 1891 г. и 15 сентября возвратясь съ караваномъ въ Кяхту, я считаю себя обязаннымъ представить краткій предварительный отчетъ о пройденныхъ мною маршрутахъ и археологическихъ изслѣдованіяхъ въ раіонахъ р. Толы, Орхона и южнаго Хангая.

Согласно данному мнѣ порученію и условленному плану при снаряженіи экспедиціи, я взялъ на себя задачу рекогносцировокъ и развѣдокъ въ мѣстностяхъ доселѣ непосѣщенныхъ и потому въ то время, когда экспедиція направилась отъ Урги по сѣверному Ургинско-улясутайскому тракту къ Угей-нору я избралъ южный путь отъ Урги по р. Толѣ и затѣмъ хребтами въ Ю.-З. направленіи къ Эрдени-цзу.

Маршрутъ этотъ представилъ особый интересъ какъ въ географическомъ отношеніи, такъ и въ историко-археологическомъ. Р. Тола была столь же важной исторической рѣкой, какъ и Орхонъ, а распространеніе памятниковъ и могильниковъ по ней могло пролить свѣтъ на самое расположеніе и передвиженіе древнихъ племенъ по направленію къ Орхону съ Востока.

27 іюля съ двумя проводниками-монголами, изъ которыхъ одинъ былъ крещеный и жилъ въ Кяхтѣ, и съ двумя вьючными верблюдами я вышелъ изъ Урги и двинулся на Ю.-З. правымъ берегомъ Толы. Спутникомъ и сотоварищемъ моимъ въ этомъ пути былъ натуралистъ учитель Кяхтинскаго училища Н. П. Левинъ. Въ то время, когда я велъ маршрутную съемку и отмѣчалъ встрѣчающіяся древности, Н. П. Левинъ велъ метеорологическія наблюденія, дѣлалъ опредѣленія высотъ по анероиду и занимался естественно,

историческими экскурсіями. По мѣрѣ нашего движенія р. Тола представляла расширяющуюся долину, изрытую множествомъ протоковъ, берега ея поросли кустарникомъ, долина ея, горныя плато и распады горъ представляли удобныя пастбища. Рѣка эта по своему характеру давала всѣ удобства для кочевниковъ и несомнѣнно съ древняго времени была обитаема. Во время пути по Толѣ съ перваго шага по выходѣ изъ Урги я началъ искать слѣдовъ историческихъ древностей и могильниковъ. Съ этою цѣлью, когда спутники мои двигались по берегу рѣки, я объѣзжалъ террассы горъ, ущелья и распады, гдѣ обыкновенно ютятся каменные могильники или керексуры. Могильники эти тянутся по Орхону и всѣмъ его притокамъ отъ русско-китайской границы. Уже въ 1889 г., совершая экспедицію на Орхонъ отъ русской границы по Хара-голу, а затѣмъ выйдя хребтами на р. Толу около Харухи на Хадасынъ, я слѣдилъ распространеніе могилъ въ долинахъ и составилъ себѣ представленіе о различныхъ типахъ ихъ. Я надѣюсь въ связи съ нынѣшнимъ отчетомъ о путешествіи представить и предшествовавшіе матерьялы и наблюденія на усмотрѣніе Императорской Академіи Наукъ. Керексуры и могильники различныхъ формъ попадались намъ по пути отъ Кяхты до Урги въ долинахъ рѣкъ, они подходили къ самой Ургѣ, въ Ургѣ близъ монастыря въ раіонѣ жилищъ осмотрѣнъ былъ мною и г. Клеменцемъ земляной курганъ, на которомъ лежало грубое каменное изваяніе или «каменная баба». Надо сказать, что каменныхъ бабъ въ этой части Монголіи доселѣ не находилось или не описывалось, какъ и за Байкаломъ. Только одинъ экземпляръ статуи въ 1889 г. нашли мы въ Троицкосавскѣ близъ гостиннаго двора; эта баба привезена была съ Гусиннаго озера и описана Геденштромомъ. Слѣдуя по Толѣ, мы на второй день пути начали встрѣчать керексуры, которые ютились на склонахъ горъ, терассахъ, долинахъ и роспадахъ горъ, спускавшихся къ Толѣ. Обиліе ихъ было замѣчательное, могильники группировались десятками и представляли грандіозныя сооруженія. Эти памятники мы прослѣдили по всѣму теченію р. Толы до поворота ея къ Сѣверу около монастыря Наванъ-Церена. Кромѣ того намъ удалось напасть на слѣдующіе оригинальные памятники. 1 іюля у подножія горы Арцитъ на правой сторонѣ Толы мы встрѣтили четыре правильныя плиты, поставленные другъ къ другу на подобіе гробницы высотою до 1 метра 14 с. и шириною 2 метр. 8 сант. Около этой гробницы находилось двѣ гранитныя статуи въ сидячемъ положеніи, безъ головъ и съ отломленной рукой, которыя тутъ же валялась. Въ отверстіи плеча видно, что рука прикрѣплена была желѣзнымъ прутомъ, здѣсь же найдена была черепица. 2 іюля встрѣченъ среди плоскогорья памятникъ на Онгытѣ, ему предшествовалъ рядъ камней, одинъ отъ другаго на нѣсколько шаговъ, такая аллея занимала пространство 3000 шаговъ. Камни направлялись отъ В. къ могильнику, который пред-

ставлялъ четыре плиты или гробницу съ начерченными узорами, высота плитъ 75 с. и ширина 227 с., гробница находилась на возвышеніи и окружена валомъ, имѣвшимъ эллептическую форму. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гробницы стояли каменныя бабы и изваянія, одна изъ нихъ, обращенная къ гробницѣ лицомъ, была 2 метр. 27 с., другія каменныя бабы были позади, нѣкоторыя въ лежачемъ положеніи; всѣхъ этихъ статуй около могильника насчитывалось до 17. У горы Хоинты мы встрѣтили также гробницу съ ромбическимъ узоромъ. Наконецъ 5 іюля переправясь на лѣвый берегъ Толы, по пути къ горамъ Уланъ-хатъ мы натолкнулись опять на гранитную гробницу изъ плитъ, на сей разъ около нея были сидячія статуи изъ гранита, и также изъ земли виднѣлось большое изваяніе черепахи, понобно тѣмъ, какія находятся около Эрдени-цзу, откопавъ черепаху, мы сняли планъ и рисунки могильника. Кромѣ этихъ памятниковъ безпрестанно около могилъ попадались большіе стоячіе камни отъ 1 метра и болѣе въ высоту, они имѣли видъ четырехъ-гранныхъ призмъ, у подножія лежали всегда 4 плиты. Значеніе ихъ опредѣлить трудно, но судя по тому, что они попадаются одиноко близь переваловъ, или въ распадахъ горъ, можно подумать, что они были указателями пути или границами владѣній. Съ Толы мы направились на Ю. З. къ скаламъ Уланъ-Хата, гдѣ по указанію монголовъ были письмена. 6-го іюля въ 30 в. отъ Толы мы приблизились къ Уланъ-Хату, гдѣ нашли колодецъ выложенный камнемъ, множество керексуръ, а на скалахъ начертанные знаки. Это не были буквы, но скорѣе тамги, и только одно слово попалось написанное монгольскимъ или уйгурскимъ шрифтомъ. Кромѣ знаковъ было изображеніе и животнаго. Всѣ знаки тщательно скопированы. 7-го іюля мы перевалили вершину большаго хребта Онгонъ-Хаирхана, при перевалѣ мы встрѣтили керексуры и стоячіе камни въ видѣ колонны до 2 метровъ высоты, но особенно бросилась въ глаза лежащая колонна въ 4 метр. 21 с. высоты, какъ бы нѣкоторое подобіе обелиску, впереди этой колонны были два столба также изъ гранита въ 2 метр. 9-го іюля мы вступили въ долину озеръ Ихе-Тукушъ-Норъ, нанесенныхъ по топографической картѣ гораздо южнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, это была обширная котловина, изрѣзанная стоками рѣкъ съ Запада, которыя текли въ озеро.

Здѣсь на равнинахъ около озеръ не встрѣчалось могилъ, но онѣ тотчасъ появились съ приближеніемъ предгорій Бату-Хана, хребта, носящаго историческое имя. Съ той и другой стороны хребта текутъ рѣки Джергалындъ 1-ый и 2-ой. Въ долинѣ Джиргалында мы нашли типическую каменную бабу изъ гранита, а затѣмъ перешли на рѣчки Шарлингъ и Харлингъ, изъ которыхъ образуется Харуха. Въ ущельи Хуше-Нуру былъ встрѣченъ большой стоячій камень, но не было на немъ никакихъ надписей 14 іюля мы вышли на Кокшинъ-Орхонъ близь Эрдени-Цзу и стали близь

развалинъ «Дорбельджина и Ханзынъ-Хото»; это были остатки китайской крѣпости, ранѣе нами видѣнной. Здѣсь же были и слѣды пашень, а также валялись гранитные жернова съ боковыми продушинами. За Кокшинъ-Орхономъ къ Ю.-В. отъ Эрдени-Цзу верст. въ 15 нами найденъ былъ камень съ китайскою надписью, который мы въ концѣ лѣта сняли эстампажемъ.

Путешествіе по Толѣ и затѣмъ чрезъ горную мѣстность къ верховью Орхона доказало непрерывное распространеніе древнихъ могильниковъ отъ Вост. къ Западу и существованіе когда-то одноплеменнаго населенія въ этихъ мѣстахъ. Затѣмъ изслѣдованіе памятниковъ на Толѣ показывало несомнѣнное родство и сходство съ памятниками находящимися на Орхонѣ, плиты и гробницы, сидячія статуи, черепахи, львы, самый орнаментъ плитъ походили на Кошо-Цайдамскіе, точно то же показывали и керексуры.

Памятники на р. Толѣ однако были болѣе попорчены и гранитъ болѣе вывѣтрился. Обиліе «каменныхъ бабъ» въ этой мѣстности рядомъ съ изваяніями сидячихъ статуй было характерно и показывало, что созидатели гробницъ и четыреугольныхъ могилъ, а также статуй были тѣмъ же народомъ, которому принадлежали керексуры и каменныя бабы какъ выраженіе первобытнаго искусства. Распространеніе керексуръ и каменныхъ могилъ отъ Забайкалья, по всѣмъ притокамъ Селенги и Орхона было очевидно. Верховья Орхона и р. Джирмантай изобиловали ими такъ же какъ и хребты между р. Хара-Голомъ и Толой. По Толѣ могильники шли непрерывно. Оставался вопросъ на сколько далеко распространяются эти памятники къ Югу отъ верховьевъ Орхона по Хангаю и какого характера эти памятники. Послѣднія открытія на Орхонѣ развалинъ и надписей естественно возбуждали любознательность прослѣдить ихъ на Югѣ и получить понятіе о раіонѣ распространенія древнихъ племенъ по направленію къ Гоби. Поэтому, окончивъ экскурсію и розыски по Толѣ, я задался мыслью проникнуть за Хангай и осмотрѣть мѣстность южныхъ его склоновъ съ направляющимися къ Югу рѣками Онгиномъ, Таца-Голомъ и Туинъ-Голомъ. Планъ мой былъ одобренъ начальникомъ экспедиціи. Но прежде чѣмъ его выполнять я соединился 17-го іюля съ главнымъ отрядомъ экспедиціи около развалинъ Хара-Балгасуна, гдѣ и принималъ участіе въ общихъ работахъ до 29 іюля. Въ то время, когда начальникъ экспедиціи окончивъ здѣсь работы двинулся къ Кошо-Цайдаму, я съ двумя прежними проводниками и съ 2-мя верблюдами направился къ вершинамъ Кокшинъ-Орхона. Планъ моей экскурсіи былъ указанъ начальникомъ экспедиціи и обусловливался другими маршрутами. Верховья Орхона долженъ былъ изслѣдовать капитанъ топографовъ Щеголевъ, я же долженъ былъ двинуться по Кокшинѣ-Орхону, затѣмъ на южномъ Хангаѣ выйти на р. Онгинъ къ ставкѣ

Сайнъ-Нойёна гобійскаго губернатора и потомъ прослѣдовать по Тацa-Голу и Туинъ-Голу до развалинъ Боро-Хото, лежащихъ близь Гоби. Всё это было мною выполнено безъ измѣненій. Надо прибавить, что маршрутъ, который я взялъ себѣ, былъ совершенно новый, а верховья Кокшинъ-Орхона были совершенно неизвѣстны.

Пройдя мимо горъ Шанхо къ Югу отъ Эрдени-Цзу я 2-го августа достигъ значительнаго ламайскаго монастыря Баронъ-Хуре, а затѣмъ мы начали постепенно переходить Хангай, который въ этой мѣстности не представлялъ высокихъ переваловъ. Мѣстность была волнообразная и безлѣсная, кое-гдѣ виднѣлись соленыя озера и болота, жилища монголовъ располагались въ долинахъ. Около самаго Онгина начинались хошуны Сайнъ-Нойена, ихъ было 25 и въ каждомъ хошунѣ насчитывается отъ 200 до 500 юртъ. Перейдя плоскогорьемъ съ р. Харцита и Хабцила на ту сторону Хангая, мы увидѣли при подъемѣ на терассахъ горъ ряды камней, сопутствующіе керексурамъ, а вслѣдъ за тѣмъ встрѣтили величественный керексуръ у горы Ацъ. Тѣ же характерныя рамы и четыреугольныя обкладки вокругъ насыпей, выложенные наугольники и кольцеобразныя украшенія изъ камней, какъ и на сѣверныхъ керексурахъ. Существованіе здѣсь керексуръ указывало ясно путь передвиженія древнихъ племенъ чрезъ Хангай. Пройдя чрезъ живописное ущелье горъ Дуланъ и двигаясь по пологимъ переваламъ и долинамъ, 3-го августа мы достигли монастыря Ильденъ-бели-хуря, а 4-го августа чрезъ перевалъ Бурдинъ-даба вышли на р. Онгинъ. По пути въ долинахъ рѣкъ могильники встрѣчались довольно часто и заносились нами при маршрутной съемкѣ, около Баинъ-Улана, скалы стоящей на Онгинѣ, керексуры были громадны. На берегу Онгина при переправѣ мы увидѣли остатки какого-то древняго сооруженія, валъ тянулся на 140 саж., стороны были квадратныя, одна сторона вала состояла изъ сплошныхъ камней какъ у керексуръ, валъ былъ до 1 арш. высоты, внутри видны были возвышенія, холмы и обломки гранитныхъ плитъ, можетъ быть остатокъ памятника, плиты до того были неправильно разбиты и камень вывѣтрился, что нельзя было составить представленія о егоформѣ. Въ полуверстѣ отъ берега Онгина стоялъ закругленный столбъ съ символическимъ знакомъ круга съ поперечными линіями, другіе знаки стерлись. Переправясь въ бродъ чрезъ Онгинъ, который представляетъ здѣсь ширину до 10 саж., мы начали огибать горы къ ставкѣ и монастырю Сайнъ-Нойена, въ 5 верстахъ за Онгиномъ мы остановились у горячихъ ключей, гдѣ находятся ванны и лечатся больные монголы. Ключи были сѣрные. Проходя чрезъ ущелье, мы видѣли причудливыя гранитныя разрушенія, около которыхъ были нагромождены керексуры изъ того же камня, здѣсь какъ бы сама природа учила соору-

жать каменные памятники. Между гранитовъ и керексуръ встрѣчались гладко обдѣланные стоячіе камни безъ надписей. Цѣлый день 5-го іюля мы употребили на переходъ къ хуреню Сайнъ-Нойена, къ нему пришлось пробираться чрезъ узкое ущелье, по дорогѣ лежавшей въ скалахъ, что было очень трудно для нашихъ верблюдовъ. Лошади наши разбили ноги на этой трудной дорогѣ. Поздно вечеромъ мы достигли хуреня и стали въ палаткѣ близь монастыря. Около находилось нѣсколько жалкихъ юртъ и нѣсколько китайскихъ лавокъ. До ставки Сайнъ-Нойена мы не встрѣчали особыхъ неудобствъ и непріятностей въ пути, но здѣсь намъ совѣтовали явиться къ властямъ, дабы обезопасить себѣ дорогу. Продолжать путь мнѣ приходилось теперь въ мѣстности, которую почти не посѣщали русскіе путешественники. Наконецъ Сайнъ-Нойеновскія подданные не отличаются благосклоннымъ отношеніемъ къ русскимъ, а владѣнія безопасностью. Чтобы гарантировать себя отъ случайностей въ родѣ похищенія лошадей и избѣжать недоразумѣній, я отправился въ *ямунъ*, полицейское управленіе, и предъявилъ свои бумаги. Ямунскими чиновниками я былъ принятъ вѣжливо; мнѣ сказали, что о нашей экспедиціи находится уже бумага съ приказаніемъ оказанія содѣйствія и приняты будутъ мѣры къ безопасному моему передвиженію. Въ тотъ же день дѣйствительно къ намъ прислано было три ямунскихъ полицейскихъ. Сайнъ-Нойенъ не изъявилъ желанія меня видѣть, отговорившись болѣзнью, хотя въ тотъ же день я видѣлъ пышный поѣздъ губернатора, провожавшаго Ламынъ-Гегена. На другой день съ гобійскимъ губернаторомъ мы однако обмѣнялись подарками и онъ прислалъ намъ кумысу, барана и монгольское печенье изъ хлѣба. Сайнъ-Нойенъ жилъ въ монастырѣ въ особомъ кирпичномъ домѣ. Когда я попросилъ позволенія осмотрѣть монастырь, то мнѣ передали, что иностранцы сюда не допускаются и даже китайцы, торгующіе здѣсь, не ходятъ въ монастырь. Я замѣтилъ, что насъ доселѣ допускали и приглашали во многіе ламайскіе монастыри, тогда чиновникъ, послав справиться у настоятеля монастыря, сказалъ, что посмотрѣть внутренность монастыря будетъ можно, но только нельзя проникать въ кумирни. На другой день я явился къ монастырю съ ямунскимъ полицейскимъ, обошелъ пѣшкомъ улицы и снялъ моментальной фотографіей много зданій и сабурганов. Древнихъ сооруженій и камней я здѣсь однако не видѣлъ.

Во всѣ время пребыванія около ставки Сайнъ-Нойена чрезъ монхъ людей я старался узнать о существованіи древнихъ камней и надписей. Люди мои, оба монгола, были весьма опытны на этотъ счетъ, но разпросы не приводили ни къ чему, такъ какъ насъ видимо опасались. При видимой вѣжливости я извѣдалъ здѣсь всю недовѣрчивость монгольскихъ властей, такъ какъ рядомъ съ внѣшней любезностью отданъ былъ при-

казъ и разосланъ по ямунамъ не говорить и не сообщать намъ ничего относительно мѣстности. Пріѣздъ русскихъ путешественниковъ въ подобныя мѣста предполагалъ какія-то тайныя политическія цѣли. Владѣнія Сайнъ-Нойена доселѣ не были доступны для иностранцевъ. И монгольскія власти, усвоивъ китайскую политику недовѣрія и предубѣжденія къ иностранцамъ, въ то-же время находились подъ вліяніемъ тибетскаго религіознаго фанатизма. Здѣсь мы видѣли самую пышную обстановку ламъ и гегеновъ. Пріемъ ламынъ-гегена, караванъ съ багажемъ котораго состоялъ изъ 70 верблюдовъ, служилъ свидѣтельствомъ того вліянія и значенія, какимъ пользуется духовенство. Монастыри и доцаны живутъ замкнуто, не допуская къ себѣ никого. Монгольскіе администраторы подъ вліяніемъ этихъ ламъ, подобно Сайнъ-Нойену, живутъ при монастырѣ. Чиновники въ ямунахъ или полицейскихъ управленіяхъ—ламы, также какъ полицейскіе служителя. Что касается остальнаго населенія, то оно пугливо подобно дикарямъ и безусловно слушаетъ внушенія своихъ ламъ. Ни монгольскія власти, ни ламы не могли понять научныхъ задачъ, они не понимали даже той скромности и миролюбиваго поведенія, которое составляетъ достоинство европейскаго путешественника. Монгольскія власти обставляютъ себя пышностью и блестящей обстановкой, для чиновниковъ приготовляются особыя юрты или они путешествуютъ въ роскошныхъ палаткахъ, и пріѣзду чиновника предшествуетъ поѣздъ мелкихъ чиновниковъ, которые всѣ приготовляютъ для проѣзда и наводятъ страхъ на народъ, расправляясь съ нимъ нагайками. Въ ямунахъ, какъ мы убѣдились, существуютъ жестокія наказанія. Обыкновенно такъ путешествуютъ по Монголіи важныя лица, такъ ѣздятъ и наши консула. Что касается путешественниковъ съ научной цѣлью, то они лишены подобныхъ привилегій, поэтому къ нимъ не питается никакого уваженія и желанія ихъ не всегда удовлетворяются. Я убѣдился, что насъ хотятъ только скорѣе сбыть и какъ нибудь отдѣлаться отъ насъ. Удобствами никакими мы не пользовались и помѣщались въ своихъ скромныхъ палаткахъ въ верстѣ отъ нынѣшняго монастыря, рядомъ съ юртами жалкаго монгольскаго пролетаріата, такъ какъ богатые монголы кочевать около монастырей избѣгаютъ въ виду жадности ламъ. Осмотрѣвъ мѣстность около монастыря по Онгину, верховье котораго находилась верстахъ въ 20-ти отъ ставки Сайнъ-Нойена, мы рѣшились двинуться на Югъ и производить сами изысканія, не надѣясь на указанія и содѣйствіе. Мнѣ нужно было однако еще разъ обратиться къ монгольскимъ властямъ, лошади наши были изнурены и плохи на ноги, одинъ верблюдъ хворалъ, двигаться въ горахъ при такихъ условіяхъ было невозможно, поэтому я просилъ позволенія брать на станціяхъ перемѣнныхъ лошадей и верблюдовъ до тѣхъ поръ, пока лошади наши отдохнутъ: конечно и обѣщалъ за это

плату. Монгольскія власти оттягивали свой отвѣтъ, тогда я послалъ переводчика объявить, что выхожу на своихъ лошадяхъ и буду искать перемѣны на дорогѣ, послѣ этого явился чиновникъ и передалъ мнѣ, что разрѣшеніе пользоваться почтовыми лошадьми дано, и извинился, что задерживалъ насъ. 8-го августа мы вышли изъ долины Онгина на Ю.-З. по направленію къ Харциту, притоку Таца-Гола, насъ повели чрезъ горные перевалы. Во время этихъ переходовъ я сильно страдалъ ревматизмами, полученными на Онгинѣ, такъ какъ мы стояли въ болотистой мѣстности; я рѣшился однако продолжать путь и не отказываться отъ намѣченной цѣли, хотя монгольскіе проводники меня отговаривали идти далѣе. На пути обнаружилось, что провожатые насъ провели чрезъ гору Хорчелотъ и намѣренно скрыли отъ насъ другой путь, близъ котораго находились древніе памятники съ надписями. Узнавъ объ этомъ коварствѣ, я рѣшился перехитрить монголовъ и противъ дикарской хитрости дѣйствовать обдуманной европейской тактикой. Не распрашивая болѣе и не показывая вида, чего мы добиваемся, я рѣшилъ продолжать путь по притокамъ Таца-Гола, пройти на Тунгъ-Голъ до намѣченныхъ развалинъ и потомъ на возвратномъ пути, успокоивъ монголовъ и отпустивъ проводниковъ, на своихъ лошадяхъ, которыя къ тому времени справятся, сдѣлать поворотъ и направить розыски въ тѣ мѣста, которыя отъ насъ скрывали. Осмотръ на Онгинѣ убѣдилъ меня въ существованіи древнихъ памятниковъ, и керексуровъ въ этихъ мѣстахъ. Близъ монастыря Сайнъ-Нойена и его ставки я видѣлъ обширное лавовое поле, на которомъ громоздились керексуры изъ лавы. На перевалахъ къ Таца-Голу они попадались изрѣдка въ долинахъ, передъ переваломъ въ Харцетай мы встрѣтили гладкія чоло, стоячіе камни, какъ и на другой сторонѣ перевала на Наринъ-Голѣ. Эти стоячіе камни были какъ бы маяками. Не спускаясь по Таца-Голу, 12-го августа мы были на Норинъ-Голѣ (который на картѣ не обозначенъ), притокѣ Шарагольджина. При впаденіи Норинъ-Гола въ Шара-Гольджинъ встрѣтилось уже множество керексуровъ. На лѣвой сторонѣ Шора-Гольджина я нашелъ четыре плиты гробницей и аллею предстоящихъ камней на 250 шаговъ. Здѣсь я узналъ, что на Шарагольджинѣ есть также развалины и направился по этой рѣкѣ, хотя полицейскіе проводники отъ монгольскихъ властей хотѣли во что бы то ни стало, чтобы мы шли къ монастырю Ламынъ-Гегена, гдѣ находится ямунъ или попутное полицейское правленіе. Я долженъ былъ рѣшительно отказаться слѣдовать по ихъ указаніямъ и отправилъ ихъ къ властямъ, тогда новые проводники нагнали насъ уже на дорогѣ около Шарагольджина. 13-го августа послѣ утомительнаго перехода въ 40 в. мы вышли къ впаденію Шарагольджина въ Тунгъ-Голъ. Керексуры по дорогѣ попадались чаще и въ одной изъ поперечныхъ долинъ на плоскогорьи мы натолкнулись на замѣчательный

по высотѣ обелискъ, заостренный къ верху, состоящій изъ гранита въ 3 метра съ половиной высоты, окруженный тремя плитами, по направленію съ З. на В. Тотчасъ за в...ѣденіемъ Шарагольджина мы нашли новыя развалины, непоказанныя на картѣ. У подножія горъ на склонахъ онѣ представляли видъ замка. Осмотрѣвъ ихъ мелькомъ и положивъ возвратиться къ нимъ, мы направились поскорѣе къ Боро-Хото, цѣли нашего путешествія. Въ той мѣстности горы понизились и раскидывались отдѣльныя сопки, завершавшія Хангайскія возвышенія, скалы разсыпались въ щебень и усѣвали равнину, палящій жаръ изсушилъ почву и уничтожилъ растительность, это было предверіе Гобійской пустыни, за послѣдними сопками она растилалась во всей ширинѣ, но въ то время, когда онѣ горы исчезали, а заними разстилось море пустыни съ солеными озерами вдали поднимались новые хребты Большаго Алтая еще болѣе грандіозные и среди нихъ выступали снѣжныя вершины Богдо-Богда и Ихе-Богдо. На этой-то границѣ при—Гобійской пустыни стояли развалины какъ бы значительной крѣпости, сохранившей еще стѣны. Высота ихъ была до $2\frac{1}{2}$ сажень, длина стѣнъ 350 шаговъ, кругомъ стѣнъ въ 55-ти шагахъ былъ валъ въ $\frac{1}{2}$ ар. высоты и около нихъ ровъ въ 1 саж. ширины. По бокамъ остались слѣды четыреугольныхъ башень и на задней стѣнѣ родъ бруствера, ворота были одни, въ 15 шаг. ширины. Внутри крѣпости, какъ видно, помѣщалось нѣсколько зданій, отъ которыхъ остались возвышенія и только мѣстами уцѣлѣли остатки стѣнъ, одно изъ центральныхъ зданій было въ 35 шаг. длины и 36 ширины, другія менѣе, въ 200 шагахъ отъ крѣпости находились слѣды и фундаменты какихъ-то зданій, постройки созидались глинобитныя изъ сырцеваго кирпича. Внутри развалинъ никакихъ камней кромѣ жернова не найдено, около воротъ находился гранитный кусокъ съ отверстіемъ подобіе чаши или ступы. Планъ Боро-хото мною снятъ съ подробностями. Что это была за крѣпость и кому она принадлежала я не берусь входить въ объясненія гораздо любопытнѣе были другія развалины на Шара-Гольджинѣ, къ которымъ я возвратился на 2-й день. При самомъ впаденіи Шара-гольджина въ Тунъ-Голъ находится скала Номогонъ, на южной сторонѣ ел, на склонѣ возвышаются живописныя развалины подъ названіемъ Эберхе-Хитъ (разрушенный монастырь), это двѣ постройки отдѣльно стоящія другъ отъ друга; одна окружена стѣной въ 135 шаговъ и заключаетъ четыре зданія, одно изъ нихъ значительное, подобіе большаго двухъэтажнаго дома, у котораго, видны большія окна слѣды деревянныхъ, стропилъ, вложенныхъ въ стѣны; высота стѣнъ, окружающихъ зданіе равнялось 2 саж., стѣны зданія до 5 саж. высоты, около этихъ развалинъ было еще нѣсколько зданій. Шагахъ въ 50 на Сѣв., къ вершинѣ скалы на уступѣ была вторая постройка 43 шаг. длины и 35 шаг. ширины, съ большимъ окномъ или дверью, выходящей на Югъ. лѣстницы у входа не сохранилось.

высота стѣнъ равна была 3 саженяхъ. Это зданіе вполнѣ соотвѣтствуетъ кумирнѣ. Постройка возведена на фундаментѣ изъ дикаго камня въ 1 саж. высоты. Стѣна возвышающаяся надъ фундаментомъ въ $1^1/_2$ саж. выведена изъ сырцоваго кирпича. Архитектура этого пригобійскаго монастыря была чрезвычайно замѣчательна какъ и способъ постройки. Въ постройку входилъ, во первыхъ, дикій камень, рядами цементируемый глиной и щебнемъ, далѣе глинобитный кирпичъ, обожженный кирпичъ, камень плитнякъ, дерево и доски входили также въ постройку, наконецъ часть стѣнъ была выведена изъ настоящаго конгломерата, то есть смѣси глины и щебня, скрѣпленнаго иногда травой, стеблями, костями, щепами и всякимъ мусоромъ. Часть этихъ стѣнъ разсыпалась и представляла кучи немало не напоминающія построекъ, но сохранившіяся стѣны изъ этой смѣси, искусно цементированной, возбуждаютъ доселѣ удивленіе. Описавъ съ подробностями Эберхе-Хитъ, снявъ планъ и нѣсколько типическихъ фотографій, мы оставили развалины. Съ ними связано слѣдующее преданіе; когда-то здѣсь жилъ Намоедзинъ, гонитель шамановъ; онъ былъ жестокъ и закопалъ въ землю своего единственнаго сына, предъ смертью тотъ проклялъ это мѣсто, съ тѣхъ поръ монастырь разрушился и здѣсь живутъ только злые духи, пугая монголовъ въ бурныя ночи. Эти красивыя развалины носятъ такимъ образомъ легенду о Монгольскомъ Ченчи.

Изслѣдовавъ мѣстность въ послѣднихъ предгорьяхъ Хангая, мы узнали чрезъ своихъ людей, дѣлавшихъ розыски, что на послѣднихъ сопкахъ Тепшекъ-Корума, въ 15 в. къ Ю.-В. отъ Боро-хото, находятся еще каменныя бабы съ чашами въ рукахъ и керексуры съ плитами. Далѣе изслѣдованіе уже завело бы насъ въ Гоби и къ Большому Алтаю. Мы узнали только, что озера, въ которыя впадаютъ Таца-Голъ, Туинъ-Голъ и др., направляющіяся къ Югу съ Хангая, есть соленыя озера, а самый Онгинъ, протекая верстъ 400, исчезаетъ въ пескахъ. Озеро же Уланъ-Норъ находится въ сторонѣ отъ него на западъ. Мы не беремся судить о распространеніи памятниковъ и керексуръ по направленію къ Гоби, но керексуры, по указанію г-на Потанина встрѣчаются и у Большаго Алтая. Изслѣдованіе Б. Алтая было бы поэтому очень важно. Судя потому, что нынѣшнее населеніе монголовъ, занимающее Хангай, прикочевываетъ въ горы только лѣтомъ, а на зиму откочевываетъ въ Гоби, можно допустить, что и древнее населеніе кочевниковъ слѣдовало тому же порядку и такимъ образомъ памятники слѣдовали по пути ихъ движенія. Есть нѣкоторыя указанія, что могилы монгольскихъ хановъ находятся въ горахъ Алхай или Алтай. Комментаторы Марко-Поло какъ Потье полагаютъ, что такими горами назывался Гентей или Генту къ Востоку отъ Урги. Но до тѣхъ поръ, пока не выяснится это изысканіями, ближе всего можно предположить, что здѣсь разумѣлся пригобійскій Большой Алтай, составляющій сосѣдній хребетъ

Оставивъ другимъ путешественникамъ изслѣдовать древности Большаго Алтая и Гоби, мы должны были возвратиться на Онгинъ, чтобы окончить то, въ чемъ находился пробѣлъ у насъ, и разыскать камни съ загадочными надписями на послѣдней станціи къ ставкѣ Сайнъ-Ноена. Мы двинулись обратно и 20-го августа шли вновь къ монастырю Сайнъ-Ноена, но избрали, приближаясь къ станціямъ, иной путь. Возвращаясь по дорогѣ къ Наринъ-Голу, мы отыскали камень съ изображеніемъ оленей, эти характерные камни мы встрѣтили впослѣдствіи на Орхонѣ къ Сѣв. отъ Угей-Нора, и такіе же камни попадаются по Селенгѣ, они же встрѣчаются и за Байкаломъ [1]).

Имѣя въ виду отыскать памятникъ съ надписью близъ монастыря Сайнъ-Нойена, о которомъ ходили слухи, мы рѣшили отдѣлаться отъ приставленныхъ проводниковъ изъ ямуна и недоходя до ставки Сайнъ-Нойена двѣ станціи, распростились съ ними, снабдивъ ихъ подарками за услуги. Точно такъ-же мы оставили наемныхъ лошадей и отправились на своихъ лошадяхъ и верблюдахъ. Остановившись близъ Шереиъ-Гола, я рѣшилъ послать людей для розысковъ на этой рѣкѣ камней съ письменами, но въ это время мы были посѣщены надсмотрщикомъ за дорогами и станціями, монголомъ съ шарикомъ на шляпѣ. Онъ началъ распрашивать зачѣмъ мы остановились въ сторонѣ и почему нейдемъ по станціямъ. Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ насъ объясненіе, что «мы ѣдемъ на своихъ лошадяхъ и вольны останавливаться гдѣ угодно и избираемъ себѣ дорогу какую намъ нужно». Этотъ чиновникъ былъ довольно скромный. Онъ остался однако при насъ и расположился въ сосѣдней юртѣ, видимо неудовлетворенный отвѣтомъ. Я послалъ между тѣмъ своихъ людей, подъ видомъ охоты, въ долину для розысковъ древностей. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхали монголы изъ ямуна и начали также любопытствовать куда я отправилъ людей; безъ переводчика я не вступилъ съ ними въ объясненія и, они же сѣвъ на лошадей, поскакали въ ту сторону, куда я отправилъ людей. Это возбудило мою тревогу, такъ какъ они могли напугать моего монгола, который принадлежалъ къ ихъ вѣдомству. Къ вечеру люди мои возвратились съ поисковъ, не найдя ничего замѣчательнаго, и передавали, что ямунскіе полицейскіе, настигнувъ ихъ, спрашивали ихъ чего они ищутъ въ долинѣ, и почему мы идемъ стороной. Крещеный монголъ отвѣчалъ имъ, что онъ охотится по приказанью моему, а почему избранъ такой путь и зачѣмъ я ѣду, пусть спрашиваютъ у Нойена, чиновника, т. е. у меня. Эти полицейскіе грубо и откровенно высказывали

1) Объ оленныхъ камняхъ и распространеніи ихъ въ Западной и Восточн. Монголіи былъ сдѣланъ когда-то докладъ Г. Н. Потанинымъ въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Импер. Географ. Общества.

свои подозрѣнія, задавали вопросы зачѣмъ я снимаю мѣстность на планъ, какія намѣренія русскихъ, пославшихъ сюда чиновника, и т. д. Словомъ, задавали массу вопросовъ моимъ проводникамъ, которыхъ мнѣ открыто ни разу не задавали. Ободривъ людей и сказавъ, что съ ними ничего не смѣютъ сдѣлать, я отправился на другой день далѣе. Надсмотрщикъ за дорогами и полицейскій слѣдовали за нами и рекомендовали дорогу чрезъ г. Хорчелотъ, т. е. ту, которой насъ ранѣе вели. Я благодарилъ за совѣтъ и говорилъ, что дорогу найдемъ, а между тѣмъ избралъ дорогу, на которой ожидалось то, что тщательно отъ насъ скрывали. Словомъ, миновавъ горный переходъ, къ тому же монастырю можно было выйти восточнѣе; это была другая дорога, по которой насъ ранѣе не направили. Мы шли своимъ путемъ, а наблюдающіе за нами монголы ѣхали вдали въ сотнѣ шаговъ отъ насъ. Я тщательно осматривалъ мѣстность, переводчика же я направлялъ на розыски по сторонамъ. Въ этой мѣстности показались керексуры, а затѣмъ на равнинѣ близъ горы Манетъ мы замѣтили возвышающійся стоячій камень. Къ нему я приблизился съ переводчикомъ и направилъ затѣмъ караванъ свой. Это и былъ искомый камень, о которомъ намъ говорили. Онъ представлялъ видъ памятника въ видѣ столба или плиты, закругленной въ верху, четырехгранной формы съ руническими письменами на двухъ сторонахъ, передней и боковой; памятникъ вдѣланъ былъ въ пьедесталъ, подобіе плиты, занесенной землею. О формѣ пьедестала судить поэтому было невозможно, впереди его находились гранитныя фигуры львовъ съ отбитыми головами. Львы находились къ В. на западной сторонѣ въ 10 шагахъ стояли четыре гранитныя фигуры безъ головъ, изображающія людей въ сидячемъ положеніи съ подогнутыми ногами. Изображенія эти были оригинальны. Одна фигура имѣла въ рукахъ какой-то предметъ овальной формы, поднимавшійся отъ земли, другія двѣ фигуры были съ сложенными на груди руками и третья опиравшаяся рукою на бедро. Могильникъ имѣлъ до 50 шаг. длины, и ему предшествовалъ рядъ предстоящихъ камней въ видѣ аллеи на разстояніи болѣе 500 шаговъ. На одномъ изъ камней былъ рисунокъ подобно Кошо-Цайдамскимъ и такой же знакъ какъ и на плитѣ памятника Кюэ-Тегина. Въ общемъ по всѣмъ признакамъ могильникъ этотъ съ руническимъ памятникомъ походилъ на Кошо-Цайдамскіе могильники. Снявъ эстампажъ съ рунической надписи и фотографію съ могильника, а также планъ его, мы закончили работы на Онгинѣ и должны были спѣшить въ обратный путь, такъ какъ я расчитывалъ застать еще нашу экспедицію на Орхонѣ. Перейдя Хангай въ другомъ мѣстѣ, я вышелъ на Орхонъ и 25-го августа былъ у Эрдени-Цзу.

Около Эрдени-Цзу я нашелъ казака Чойдорова съ оставленными вещами и 10 верблюдами, а также предназначенныя мнѣ письма. Изъ нихъ я

увидѣлъ, что члены экспедиціи вышли изъ Эрдени-Цзу 15-го августа. Въ письмѣ начальника экспедиціи мнѣ предлагалось взять караванъ и вести его по направленію къ Кяхтѣ, но въ то же время мнѣ поручалось осмотрѣть древности и памятники на С.-В. отъ Кошо-Цайдама на урочищѣ Асхете и у монастыря Со-Гуна. Исполняя возложенное на меня порученіе, я постарался буквально его выполнить. Близь Эрдени-Цзу я снялъ эстампажнымъ способомъ открытый мною ранѣе китайскій памятникъ и 27-го августа направился къ Сѣверу по Кокшинъ-Орхону, чтобы мнѣ отправится по пути, указанному мнѣ къ урочищу Асхете. 29-го августа мы были на урочищѣ Хобыръ въ 30 в. къ Сѣверу отъ Кошо-Цайдама, и здѣсь разузнали объ урочищѣ Асхете. 30-го августа мы сдѣлали переходъ еще на одну станцію, миновавъ г. Шохотъ и Шире, пройдя мимо Хита-Борхо, мы встретили урочище Асхете среди вулканической мѣстности и лавовыхъ образованій. По дорогѣ въ одномъ изъ ущелій мы скопировали писаницы или изображенія различныхъ звѣрей на камняхъ. На урочищѣ Асхете мы нашли памятникъ слѣдующаго вида. Около стоящихъ четырехъ плитъ, подобіе гробницы съ характернымъ орнаментомъ, похожимъ на орнаментъ гробницъ на Толѣ, находился выдающійся камень или плита изъ лавы темнаго цвѣта, высотою въ 93 сант. и шириною въ 1 метръ 3 сант. На этой плитѣ былъ барельефъ съ изображеніемъ съ одной стороны трехъ фигуръ. Фигуры изображали людей въ шапкахъ, которыя напоминаютъ отчасти киргизскія, отчасти алтайскія мѣховыя шапки; каждая изъ фигуръ держала по сосуду или чашѣ въ правой рукѣ. На боку у одной фигуры видна охотничья сумка полукруглой формы, надъ одной изъ фигуръ изображена птица и внизу руническій знакъ, какой находится на могильныхъ камняхъ Кошо-Цайдама (у могильника Кюэ-Тегина) и на Онгинѣ на руническомъ памятникѣ. На верху были видны слѣды руническихъ знаковъ затѣмъ на одной сторонѣ плиты находились также руническія письмена. Надписи были сняты посредствомъ эстампажа. Памятникъ фотографированъ, а фигуры измѣрены тщательно антропометрическимъ инструментомъ. Памятникъ этотъ былъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что изображалъ фигуры, типы и костюмы того народа, который обладалъ знаніемъ загадочныхъ руническихъ письменъ. Затѣмъ я направился за розысками указаннаго мнѣ камня около монастыря Со-Гуна, монастырь этотъ на топографической картѣ носитъ названіе Барунъ-Куре. Прибывъ сюда 2-го сентября, я пробылъ до 4 сентября и во все время производилъ розыски, но нашелъ только камень на лавовомъ керексурѣ съ изображеніемъ оленей. Эти олени, имѣя чрезвычайно причудливый рисунокъ, который трудно было распознать съ перваго раза даже извѣстному путешественнику Г. Н. Потанину, монголы и могли принять за писаный камень. Въ данной мѣстности было раскидано очень много типи-

ческихъ керексуръ. Далѣе на пути слѣдованія къ Орхону я нашелъ еще два оленныхъ камня на ручьѣ Серъ, впадающемъ въ Орхонъ. Дальнѣйшій путь мой шелъ между Орхономъ и Селенгой по направленію къ Кяхтѣ и совпалъ съ маршрутомъ Г. Н. Потанина и топографа Скасси. 14-го сентября я достигъ Кяхты и привелъ караванъ экспедиціи. Капитана топографовъ Щеглова я уже не засталъ въ Кяхтѣ, онъ выѣхалъ наканунѣ моего пріѣзда. Расчитавъ людей по оставленному счету и сдавъ вещи экспедиціи въ складъ, я приготовился къ выѣзду изъ Троицкосавска, но предварительно желалъ дать небольшой отдыхъ себѣ. Сильныя простуды и ревматизмы, пріобрѣтенные въ пути, заставили меня также замедлить выѣздомъ. Въ это время я ознакомился съ забайкальскими древностями въ мѣстномъ Кяхтинскомъ музеѣ, который, какъ всѣ мѣстные музеи, чрезвычайно полезенъ тѣмъ, что въ немъ сосредоточиваются разныя находки. Бесѣдуя о забайкальскихъ древностяхъ, я узналъ, что по р. Джидѣ находится очень много кургановъ и керексуровъ, а также разсказывали про какую-то скалу съ письменами. Желая узнать, что это за письмена и сравнить ихъ съ находимыми нашей экспедиціей, я рѣшился совершить поѣздку на р. Джиду верстъ за 100 отъ Кяхты и осуществилъ ее при содѣйствіи и въ сопутствіи съ окружнымъ начальникомъ Бабаевымъ, который, бывая на р. Джидѣ, зналъ гдѣ находится упомянутая скала.

Скала эта находилась близъ станицы Боцинской. Осмотрѣвъ ее, я нашелъ тибетскую надпись, вырѣзанную отчетливо на скалѣ, надпись была обыкновенная, а заключала молитву. Я снялъ съ нея рисунокъ, и самую скалу фотографировалъ. Затѣмъ, доѣхавъ до станицы Желтуринской, я произвелъ осмотръ могильниковъ и сдѣлалъ пробную раскопку трехъ керексуръ. Въ одномъ изъ нихъ на саженной глубинѣ я отыскалъ желѣзную стрѣлу и рогъ быка, болѣе ничего не нашлось, въ другомъ могильникѣ небольшой костякъ, но безъ всякихъ аттрибутовъ. При этомъ я велъ запись и протоколъ строенію могильниковъ по мѣрѣ ихъ раскопокъ. Осмотръ могильниковъ и керексуровъ на Джидѣ былъ дополненіемъ къ моимъ наблюденіямъ могильниковъ около Кяхты. Типы могильниковъ были тождественны.

Послѣ этой поѣздки я возвратился въ Троицкосавскъ и отправился въ Иркутскъ.

Оканчивая этотъ отчетъ, я немедленно принимаюсь за нанесеніе маршрутовъ, которые и будутъ пересланы мною капитану топографовъ Щеглову. Остальные матеріалы, рисунки и снимки съ камней будутъ переданы Вамъ лично мною въ Петербургѣ.

Членъ Орхонской экспедиціи Николай Ядринцевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Предварительный отчетъ члена Орхонской экспедиціи Н. П. Левина.

Посѣщенный мною районъ Сѣверной Монголіи можно съ удобствомъ раздѣлить на шесть частей:

a) Долина рѣки Толы отъ Урги до своего сѣверо-западнаго загиба у Дабан-цереи-гуна-хури;

b) Степная полоса чрезъ Улан-хада-пичиктэ, Суджи до долины озеръ;

c) Долина озеръ и оба Джергалинту;

d) Орхонъ отъ Хара-балгасуна до притока Горхой;

e) Система Тамировъ — и

f) Селенга въ среднемъ теченіи.

Согласно этому подраздѣленію я и поведу свое краткое описаніе.

Р. Тола отъ Богдо-хури (Урги) до упомянутаго выше сѣверо-западнаго пункта течетъ дугою съ SO на N, — NW — на разстояніи 125 верстъ, образуя большую долину, заливаемую въ половодье на цѣлыя версты. Въ началѣ іюля Тола представляла скромную степную рѣчку шириной въ 50-мт. и глубиною около 1-мт. Она течетъ неправильными узлами и излучинами, образуя извилистую, болотистую пойму, покрытую хорошею травою. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства долина Толы имѣетъ густое и богатое скотомъ населеніе. Изрѣдка, около самой воды, можно встрѣтить небольшіе участки древесной растительности (тополь, ива, тальникъ). Болѣе высокая часть долины представляетъ безплодную степь, покрытую ковылемъ и дырысуномъ, — почему и богатая сравнительно фауна ютится также около рѣки. Безчисленныя стада дикихъ гусей и утокъ, турпаны (Casarca rutila). сѣрые журавли, черныя цапли, нѣсколько видовъ куликовъ — выводятъ здѣсь безъ всякой помѣхи свое потомство.

На болѣе возвышенныхъ частяхъ долины фауна очень бѣдна: обычный житель монгольской степи жаворонокъ (Melanocorypha mongolica), 2—3 вида грызуновъ, изрѣдка волки — вотъ все крупное населеніе дырысуна [1]).

Съ обѣихъ сторонъ долины Толы тянутся невысокіе параллельные голые [2]) хребты, подымаясь надъ уровнемъ долины едва на 100 мт. Въ орографическомъ отношеніи оба хребта мало отличаются другъ отъ друга. Очертанія ихъ имѣютъ весьма рѣзкіе контуры: широкія поперечныя долины, каменистыя пади, — склоны, покрытые щебнемъ, — подавляютъ ландшафтъ своимъ угрюмымъ видомъ.

---

1) Коллекція насѣкомыхъ передана мною А. В. Радлову.

2) Хвойный лѣсъ только на Богдо-улѣ.

Атмосферная влага хозяйничаетъ здѣсь на привольѣ и дѣятельно разрушаетъ сравнительно крѣпкій горный матеріалъ.

Въ петрографическомъ отношеніи горы эти также не представляютъ особеннаго интереса. Горный матеріалъ состоитъ исключительно изъ гранитовъ, метаморфическихъ кварцита и сланца. Замѣчательно развѣ то, что на правомъ хребтѣ сланцы смыты и, подстилающіе ихъ на лѣвомъ берегу, кварциты оголены и подвергаются дальнѣйшему размыву. Особенно характерно это явленіе въ окрестностяхъ Богдо-хури. Богдо-ула на лѣвомъ берегу Толы покрыта мощнымъ слоемъ глинистаго сланца; выходы-же кварцитовъ можно прослѣдить только по поперечнымъ долинамъ. На правомъ-же берегу Толы обнажаются кварциты и очень интересные граниты (русское консульство). Сланцы встрѣчаются только спорадически и, главнымъ образомъ, въ наносахъ долины.

Оба хребта, какъ я уже сказалъ, совершенно голы. Зато они почти сплошь покрыты красными и зелеными лишайниками. Окраска послѣднихъ такъ интенсивна, что издали легко ошибиться — можно признать гору покрытой травою, и только подойдя ближе — Вы увидите ошибку. Впрочемъ, въ падяхъ — на размытомъ щебнѣ, наносномъ пескѣ — селятся кустарники: Spirea amygdalina nana, Caragana etc... Въ одномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу Толы, можно видѣть очень любопытное явленіе. Одна изъ коническихъ горокъ общаго хребта покрыта наноснымъ пескомъ. При внимательномъ осмотрѣ оказывается, что эта типичная дюна въ началѣ своего образованія. Матеріалъ для наноса берется изъ песчанаго плато, въ которое постепенно переходитъ лѣвый берегъ долины Толы у Дабанцерен-гун-хури. Песокъ несется въ гору обычными здѣсь NW-вѣтромъ, покрывая собою сосѣднія, совершенно голыя, скалы. Съ пескомъ несутся и сѣмена указанныхъ растеній, которыя на голыхъ скалахъ не имѣютъ возможности пріютиться, а на пескѣ, особенно въ котловинахъ бархановъ, они находятъ себѣ подходящую почву и разрастаются прекрасно. Такимъ образомъ, благодаря дюнному образованію, здѣсь можно встрѣтить роскошно разросшіеся кустарники, которыхъ нигдѣ въ окрестностяхъ нѣтъ. Въ данномъ случаѣ дюна послужила оплодотворяющимъ, а не разрушающимъ образомъ, и сосѣдніе монголы имѣютъ возможность изрѣдка употреблять настоящее дерево на топливо, взамѣнъ обычнаго во всемъ округѣ аргала, *только благодаря дюнѣ*. Можно пожалѣть, что разростаясь, Caragana [1]) скоро пріостановитъ движеніе песка, — слѣдовательно дюнныя образованія

1) Кстати, въ подробномъ отчетѣ я постараюсь выяснить роль Caragan'ы въ пріостановкѣ движенія песка. Могу пока подчеркнуть, что золотарникъ — лучшій матеріалъ для этой цѣли.

не займутъ здѣсь большаго района. Явленіе это по своей исключительности заслуживаетъ детальнаго разбора.

Все время мы двигались правымъ берегомъ Толы и переѣхали на лѣвый только у монастыря Дабан-еренцгуна. Отсюда мы пошли прямо на западъ, перерѣзавши поперекъ лѣвый хребетъ. За хребтомъ идетъ волнистая безводная степь. Мѣстность въ высшей степени угрюмая и безплодная. Дырысунъ, Convolvulus, 2 вида Allium, Caragana — исключительные представители флоры этой мѣстности. Почва — красный песокъ, — иногда въ довольно крупныхъ зернахъ. За отсутствіемъ воды мѣстность почти необитаема. (Въ Улан-хадѣ колодецъ, — до него верстъ 35, — потомъ ключъ Суджи, — еще 20 верстъ и т. д.).

Весь путь отъ Толы, чрезъ Улан-хада, Суджи до долины озеръ, представляетъ высокое холмистое плато, подымающееся надъ уровнемъ моря почти на 4000 ф. Отдѣльные холмы, сложенные изъ сильно выѣтрившагося гранита, представляютъ собой петрографическіе остатки общей системы Кентейскихъ горъ, почти совершенно здѣсь сглаженныхъ, стертыхъ, такъ сказать, съ лица земли интенсивной атмосферической дѣятельностью. Пройдутъ вѣка, и здѣсь, вѣроятно, не останется ни одного холмика. Вся мѣстность будетъ представлять ровное песчаное плато. Даже и теперь можно уже наткнуться на слѣдующее явленіе: впереди широкая, гладкая степь съ небольшимъ возвышеньицемъ посреди, которое издали легко принять за юрту. Подъѣзжаете ближе и видите жалкій остатокъ гранитнаго массива, доживающій послѣдніе года свои.

Изъ животныхъ здѣсь только впервые явилось въ подавляющемъ количествѣ самое типичное животное Монголіи — тарбаганъ [1]). Въ краткомъ отчетѣ неудобно долго останавливаться на одномъ пунктѣ, тѣмъ не менѣе я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тарбаганѣ: — настолько этотъ грызунъ характеренъ.

Звѣрекъ этотъ столь распространенъ вообще въ Монголіи, что, кажется, нѣтъ мѣста въ посѣщенной нами части Монголіи, гдѣ-бы не было тарбагана. Имъ питаются люди, собаки, хищные звѣри и птицы; онъ своими норами вспахалъ всю степь, и если трава все-таки не вездѣ растетъ, — то это уже не его вина, — словомъ, это самое полезное животное Монголіи.

Оставляя за собою долгъ предъ тарбаганомъ дать подробное его описаніе, я разскажу здѣсь только очень любопытный способъ приготовленія въ пищу тарбагана, впервые увидѣнный мною на Улан-хадѣ.

Монголъ-охотникъ убилъ тарбагана. Само собой разумѣется, что никакой посуды для приготовленія себѣ пищи монголъ не беретъ съ собой.

---

1) (Arctomys Bobac).

Ножъ и огниво — вотъ непремѣнные спутники монгола; между тѣмъ нашъ охотникъ умудрился устроить себѣ обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Проткнувъ тарбагану обѣ губы и продѣвъ веревочку въ отверстіе, монголъ подвѣсилъ его къ камню и сталъ снимать кожу вмѣстѣ съ мясомъ («чулкомъ», — какъ говорятъ сибиряки). Операція состояла въ томъ, чтобы отдѣлить кожу и мясо отъ костей. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за операціей и нашелъ, что монголъ прекрасно зналъ анатомію животнаго. Онъ безошибочно опредѣлялъ сочлененія и кончилъ скоро и довольно изящно эту трудную работу. Получился мѣшокъ съ мясомъ, но безъ костей и внутренностей, которыя великодушно были предоставлены коршунамъ, слетѣвшимся на пиръ. Весь костякъ былъ вынутъ и тщательно очищенъ отъ мяса; обрѣзки мышцъ и сухожилій были брошены въ тотъ-же мѣшокъ. На ярко пылавшемъ аргалѣ, между тѣмъ, калились небольшіе камни. Когда операція кончилась,—въ «мѣшокъ» были положены горячіе камни, и верхнее (шейное) отверстіе зашито палочкой. Когда аргалъ догорѣлъ, монголъ положилъ «мѣшокъ» въ горячую золу на нѣсколько минутъ. Въ такомъ видѣ тарбаганъ au naturel готовъ въ пищу. Сдѣлавъ разрѣзъ по бѣлой линіи, охотникъ сначала выпилъ «бульонъ», скопившійся въ полости живота, а затѣмъ, дѣйствуя ножемъ съ ловкостью акробата, въ одно мгновеніе съѣлъ мясо тарбагана. Ловкость и чистота въ работѣ, какъ въ приготовленіи, такъ и въ ѣдѣ, вызвали у меня рядъ комплиментовъ по адресу монгола, который, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на коня и отправился за вторымъ тарбаганомъ.

Улан-хада-пичиктэ — это гранитный массивъ, тянущійся перпендикулярно Притольскому хребту верстъ на 20, кончается затѣмъ въ степи грандіозною осыпью, покрывая её щебнемъ на десятки верстъ вплоть до ключа Суджи, гдѣ начинается другой хребетъ — Онгонъ, — тоже гранитный, но идущій уже параллельно Притольскому. Параллельно Онгону къ западу тянется еще хребетъ безъ имени, кончающійся къ N довольно высокимъ крыломъ — Патханомъ.

Между этими двумя хребтами лежитъ большая долина, имѣющая начало, по словамъ монголовъ, въ Гоби и кончающаяся у монастыря Дольцын-гэгэна, расположеннаго у подножья Патхана. Долина эта содержитъ цѣлый рядъ озеръ, изъ которыхъ первое, самое большое, Ихэ-норъ — имѣетъ до 20 верстъ въ длину и верстъ 5 въ поперечникѣ. Вода въ немъ горько-соленаго вкуса. Топкіе берега покрыты худжиромъ, изъ котораго кристаллизуется поваренная соль, собираемая монголами въ пищу. Верхнія озера небольшой величины — очевидно съ прѣсной водой, такъ какъ по берегамъ ихъ кочуютъ монголы со своими стадами. Въ самое крайнее къ Патхану озеро вливается Ар-джиргалинту, берущая начало изъ-подъ

дюннаго обнаженія на Патханѣ. По другую сторону его вытекаетъ въ противоположномъ направленіи другая рѣчка — тоже Джиргалинту (Убырь). Объ онѣ типичныя степныя рѣчки, — верстъ по 30—40 длины каждая.

Изъ сказаннаго видно, что долина озеръ имѣетъ большой географическій интересъ. Желательно было-бы прослѣдить начало долины, т. е. ея Пригобійское устье. Для геолога интересъ сосредоточивается на Патханѣ, т. е. на вершинѣ долины. На самомъ перевалѣ обнажаются толщи глинистаго сланца, который во всѣхъ горизонтахъ содержитъ ископаемые остатки, по преимуществу отпечатки костистыхъ рыбъ. Сланецъ этотъ пропитанъ органическими составами, такъ какъ прекрасно горитъ на кострѣ, и монголы употребляютъ его какъ топливо.

Продуктивная порода развита на южномъ склонѣ Патхана и налегаетъ на толщи желтой глины, а выше непосредственно на граниты и кварциты Патхана. Судя по палеонтологическому матеріалу, Патханъ былъ покрытъ громаднымъ прѣсноводнымъ озеромъ, имѣвшимъ, повидимому, связь съ уцѣлѣвшими донынѣ озерами системы Ихэ-нора.

Вотъ пока первый выводъ.

При болѣе тщательномъ изученіи долины озеръ и Патхана, можно будетъ установить болѣе точную картину недалекаго, повидимому, прошлаго этой интересной долины.

Заканчивая краткое описаніе долины озеръ, я долженъ коснуться еще двухъ интересныхъ грызуновъ, встрѣченныхъ мною только здѣсь.

Одинъ видъ принадлежитъ роду *Arvicola*. Онъ живетъ большими обществами. Маленькіе грызуны строятъ себѣ склады неглубоко подъ поверхностью земли въ видѣ эллиптическихъ ямъ, куда сносятъ скудные продукты растительнаго царства степи. Никакъ не узнаете, что подъ вами подкопъ, и стоитъ вашему коню наступить на крышу этого склада, какъ вы вмѣстѣ съ конемъ летите въ яму. Ужъ на что монголы лучшіе ѣздоки въ мірѣ, и тѣ боятся ѣздить по степи Джиргалинту рысью! Недолго коню и всаднику шею сломить! Само собой, что безчисленное множество этихъ грызуновъ, живущихъ здѣсь, съѣдаютъ всю траву начисто. Не смотря на массу хищныхъ птицъ привлекаемыхъ сюда обильною пищею, Arvicolae, по словамъ монголовъ, нисколько не уменьшаются въ числѣ.

Другой видъ — болѣе крупный — очень похожъ на американскаго *Ctenomys* (?). Монголы называютъ его «тенгри-хулаганъ», разсказывая что грызуны эти слѣпые и не терпятъ дневнаго свѣта. Стоитъ имъ показаться на дневную поверхность, какъ ихъ сейчасъ-же убиваетъ громомъ. Этотъ видъ живетъ отдѣльными семьями и роетъ себѣ довольно глубокія траншеи, выбрасывая землю кучками. Получаются очень красивые холмики, тянущіеся

на протяженіе 50 и болѣе саженъ, смотря по длинѣ земляного хода грызуна. Канавы ихъ очень глубоки и извилисты. Не смотря на всѣ усилія,— добыть этого грызуна мнѣ не удалось. Раскопалъ до 20-ти траншей и все безплодно. Монголы говорили, что нужно особенное счастье, чтобы увидѣть интереснаго звѣрька, и я совершенно согласенъ съ ними.

Убырь-Джиргалинту, соединяясь устьемъ своимъ съ системой Хару-хая, представляетъ уже гораздо менѣе интереса. Упомяну развѣ только о большихъ дюнныхъ образованіяхъ, тянущихся почти на 100 верстъ на сѣверъ и явившихся для насъ большимъ препятствіемъ для изслѣдованія Хару-хая. Мы должны были спуститься къ Орхону гораздо южнѣе намѣченнаго нами маршрута. Путь нашъ до Орхона по верховьямъ Хару-хая, Харлинга, Шарлинга и др. можно назвать спускомъ въ долину Орхона, такъ какъ, начиная съ Убырь-Джиргалинту, мѣстность все понижается вплоть до самаго Орхона.

Система Патхана спускается къ Орхану 3-мя невысокими террасами. Послѣдняя, т. е. западная терраса, опирается въ долину Кокшин-Орхана, которая лежитъ почти на 1000 фут. ниже восточной террасы Патхана.

Въ орографическомъ отношеніи мѣстность Убырь-Джергалинту та-же холмистая степь, но лучше орошенная, а посему и болѣе населенная.

Долина Орхона изслѣдована нами отъ Угей-нора до верхняго притока Горхоя, — на разстояніи 150 верстъ. О самомъ Угей-норѣ ничего не могу сказать, — его опишетъ Д. А. Клеменцъ, изслѣдовавшій его болѣе основательно, чѣмъ я, такъ-какъ я былъ на немъ только нѣсколько часовъ. Мои наблюденія коснулись Орхона только съ развалинъ Хара-Балгасуна. Здѣсь Орхонъ течетъ широкой и довольно глубокой рѣкой между топкими и болотистыми берегами. Долина рѣки между древними террасами имѣетъ верстъ 10 въ ширину и представляетъ высокій лугъ, орошенный нѣсколькими ручьями; а выше, у Эрдэни-цзу, — системой арыковъ — остатковъ прежнихъ гидротехническихъ сооруженій монгольскихъ хановъ. Сказанный лугъ покрытъ роскошною травою и представляетъ лучшія пастбища на 10-тки верстъ въ окружности. Разнообразная болотная дичь, дрофы, дзерены (Antilope guttu-rosa) и описанные выше грызуны Lagomys оживляютъ въ большой степени мѣстность.

Почву луга составляетъ суглинокъ, покрытый около Хара-Балгасуна тонкимъ слоемъ черной земли. На всемъ протяженіи долины до Эрдэни-цзу видны остатки прежнихъ пашенъ и цѣлыхъ системъ искусственнаго орошенія.

Мѣстность очень живописная и, повидимому, плодородная, особенно при хорошемъ орошеніи. Невольно удивляешься дальновидности уйгурскихъ и монгольскихъ хановъ, въ выборѣ мѣста для своей столицы. Ни одна

мѣстность не представляетъ столькихъ угодій и удобствъ для столицы! Громадный лугъ верстъ 30 въ длину и 10 въ ширину при интенсивномъ хозяйствѣ могъ свободно прокормить 100 тысячное населеніе столицы. Рѣка, кишащая рыбой, окрестные горы съ уцѣлѣвшимъ понынѣ лѣсомъ на Джирмантѣ — могли доставить массу дичи для ханскаго стола. А главное,—плодородный участокъ, окруженный съ юга и запада неприступными лавовыми потоками, важенъ былъ въ стратегическомъ отношеніи. Этимъ, вѣроятно, объясняется, почему эта мѣстность Орхона (Хара-Балгасунъ и Эрдэни-цзу) играла выдающуюся роль въ исторіи Сѣверной Монголіи въ теченіе почти 1000 лѣтъ. Каменныя гряды, составляющія древнія террасы рѣки, сложены изъ гранитовъ и метаморфическихъ сланцевъ. Верстъ на 30 выше Эрдэни-цзу, и ниже у Угей-нора развиты изверженныя породы: трахиты, базальты лавы, которыя тянутся широкой полосой съ Хара-Гола по Ургинскому, тракту на востокѣ и, перерѣзывая долину Селенги, уходятъ на западъ. Та-же лавовая поперечная полоса тянется далеко на югъ, пересѣкая Орхонъ выше Эрдэни-цзу. Здѣсь вулканическая дѣятельность была въ особенно напряженномъ состояніи. Всевозможнаго вида и высоты холмы, нагроможденные безъ всякаго порядка, покрываютъ окрестность на десятки верстъ, придавая пейзажу особенно угрюмый видъ. Горные кряжи, тянущіеся по обоимъ берегамъ Орхона, также покрыты изверженными породами и имѣютъ самыя фантастическія очертанія. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили типичную форму вулкановъ. Особенно характерна Элистэ-нуру. Это большая коническая сопка, окруженная съ востока полукольцеобразнымъ валомъ (фигура, напоминающая живо современный видъ Везувія). Вулканическія-же породы преградили здѣсь путь Орхону и заставили его раздвоиться. Чудный видъ представляетъ здѣсь Орхонъ въ раннее августовское утро! Элистэ-нуру покрытъ снѣгомъ, и первые солнечные лучи освѣщаютъ окружающій его высокій валъ, дробясь на милліоны разноцвѣтныхъ искръ. Посреди Орхона высится коническая сопка — Малый-Хангай, раздвояющій Орхонъ на 2 вѣтви. Въ воздухѣ мертвая тишина. Далеко сверху вѣтеръ наноситъ шумъ воды: это шумитъ Орхонъ въ порогахъ. Верстахъ въ 10-ти отъ Хангая Орхону преградилъ путь лавовый потокъ. Вода прорвала себѣ путь, но нѣсколько скалъ не поддаются до сихъ поръ страшной силѣ Орхона. Голыя верхушки стойко торчатъ изъ воды и словно смѣются надъ тщетными усиліями Орхона опрокинуть ихъ. И рветъ, и мечетъ Орхонъ, покрывая толстымъ слоемъ бѣлой пѣны свои угрюмыя берега; шумъ его слышенъ далеко, далеко [1])!

---

[1]) На порогахъ и былъ въ единственномъ числѣ, почему они не нанесены на карту г. Щеголева.

Выше пороговъ мы не подымались, а перевалили по Горхою въ долину Джерманты, а оттуда въ перпендикулярномъ направленіи къ западу на Цецерликъ къ Тамиру.

Въ концѣ августа мы (капитанъ Щегловъ, С. М. Дудинъ и я), согласно первоначальному плану, перевалили черезъ долину Джирманты и, двигаясь все на западъ, пришли въ долину Цецерлика, впадающаго въ Тамиръ. Новинкой для насъ явились здѣсь болота. Можно безъ преувеличенія сказать, что нигдѣ еще въ Монголіи мы не видали такого обилія рѣчекъ и ручьевъ. Изъ каждой пади, изъ незначительной долинки стремятся въ долину рѣчки. И рѣчки все порядочныя. Эту часть нашего пути можно поистинѣ назвать тысячью рѣкъ. И вода въ рѣчкахъ вовсе не временная. По словамъ монголовъ здѣсь всегда вода, почему они и не селятся здѣсь — сильно-де сыро! Комаровъ много и топко. И вотъ, богатѣйшій участокъ остается пустымъ. Окрестные горы, покрытые могучимъ лиственнымъ лѣсомъ, служатъ пріютомъ разнымъ звѣрямъ: дикія свиньи, лоси, изюбри, медвѣди — водятся здѣсь въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Съ перваго взгляда мѣстность сильно напоминаетъ наше прибайкалье. Здѣсь, по словамъ монгольскихъ историковъ, могущественные ханы строили себѣ лѣтніе дворцы и охотничьи замки. Развалины одного изъ нихъ мы посѣтили на Джирмантѣ, около горячихъ, цѣлебныхъ ключей [1]). Источники эти интересны сами по себѣ, но, къ крайнему моему сожалѣнію, я могу о нихъ сказать только нѣсколько словъ.

Источники вытекаютъ изъ-подъ діорита, покрытаго трясиной на цѣлую версту. Въ центрѣ трясины навалены обломки указанной горной породы, въ щеляхъ которой бьетъ нѣсколькими скважинами ключъ. Чтобы попасть на самый ключъ, нужно взять изъ сосѣдняго монастыря проводника, ибо трясина имѣетъ только одну безопасную тропу. Уклонившись отъ нея немного въ сторону, вы рискуете быть поглощенными обманчивой на видъ зеленой поляной. Вода въ ключѣ очень горяча, градусовъ 70 с., безъ запаха и пріятна на вкусъ. У каждой скважины (ихъ до 10) построены деревянныя будки съ ларями, куда стекаетъ вода и которые служатъ ваннами для больныхъ. Монголы очень хвалятъ этотъ «аршанъ». Завѣдующій ими лама объяснялъ мнѣ, что больные сифилисомъ, застарѣлымъ ревматизмомъ вылѣчиваются здѣсь за лѣто совершенно. Для натуралиста здѣсь интересны красныя водоросли, растущія на руслѣ ручья, образующагося изъ ключа. Эти водоросли покрываютъ красивымъ ковромъ все ложе ручья. Къ несчастію у меня не было никакихъ реактивовъ для консервированія ихъ. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о прежнемъ населеніи этой мѣстности. Начиная съ развитія изверженныхъ породъ на верховьяхъ

---

1) Общій видъ ихъ и измѣренія въ альбомѣ г. Дудина.

Орхона и вплоть до Селенги путникъ поражается обиліемъ керексуровъ и одиночныхъ могилъ вымершихъ здѣсь племенъ. Особенно скучены они въ двухъ пунктахъ: на Орхонѣ у Горхоя и на Хунынѣ. Если-бы не было произведено раскопокъ и не былъ-бы точно установленъ фактъ, что керексуры — древнія могилы, — то путникъ врядъ-ли повѣрилъ-бы тому, что на Горхоѣ и Хунынѣ могилы. Вообразите широкую долину верстъ въ 5 длины и версты 3—4 въ поперечникѣ, всю наполненную керексурами. Каковъ долженъ былъ быть трудъ строившихъ эти грандіозные памятники и каково число здѣсь погребенныхъ? Я въ дневникѣ назвалъ оба кладбища «мертвыми городами». Отдѣльныя могилы — вѣроятно князей — состоятъ изъ 4 угольной ограды изъ тесаныхъ плитъ и у изголовья монолитъ съ изображеніемъ изюбрей: обычный рисунокъ всѣхъ памятниковъ этой мѣстности [1]).

По Хуныну мы шли почти до устья его и вышли на Ханын-Голъ около Ханын-Балгасуна. Мѣстность эта равно и развалины обстоятельно изслѣдованы Д. А. Клеменцемъ, который и опишетъ ее. Мы-же были здѣсь въ позднюю осень. Выпалъ снѣгъ, рѣчки замерзли, — оставалось на рысяхъ возвращаться домой. Возвращаться можно было двумя дорогами: одна по лѣвому берегу Селенги, другая хребтами праваго берега на Ванъ-Гун-Хуря до Барун-Дзассака; здѣсь перевозъ на лѣвый берегъ Селенги, по которому лежитъ дорога до Хури-Дзун-Дзассака, откуда переѣзжаютъ Селенгу уже вблизи русской границы. Я предпочелъ послѣднюю дорогу, хотя она и длиннѣе верстъ на 200.

До Ванъ-Хури дорога идетъ перевалами и обходными тропинками. Мѣстность въ высшей степени угрюмая и безплодная. Голыя скалы, ущелья, покрытыя щебнемъ, отсутствіе жилищъ иногда на десятки верстъ — наводятъ тоску на путника. Не на чемъ остановить глаза! Въ литологическомъ отношеніи тоже однообразіе. Метаморфозированные кварциты и далѣе кварциты безъ конца. За то, когда выѣдешь на Хара-Худжиръ [2]), а затѣмъ на Селенгу, картина рѣзко измѣняется. Роскошная долина Селенги покрыта вся пашнями. Густое населеніе состоитъ изъ Китайцевъ и Монголовъ. Первыхъ считаютъ въ 2-хъ хошунахъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ. Почва долины состоитъ изъ суглинка съ примѣсью лёсса. Тысячи искусственныхъ канавъ изъ Селенги покрываютъ долину цѣлою сѣтью арыковъ, которые при чудесной почвѣ дѣлаютъ возможнымъ баснословные урожаи. Смотришь на монгола-земледѣльца и невольно зависть забирается въ душу.

---

1) Наши забайкальскіе могильники имѣютъ тотъ-же рисунокъ.

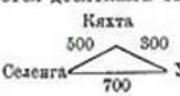
2) На послѣдней картѣ Рафаилова крупная ошибка: тамъ Хара-Худжиръ показанъ небольшой рѣчкой, — притокомъ Букинъ-Гола. На самомъ дѣлѣ это самостоятельный притокъ Селенги, длиною слишкомъ въ 50 верстъ.

Обработка самая небрежная, уходъ еще болѣе небрежный. а урожай самъ 20—30 онъ считаетъ «среднимъ». Вотъ бы гдѣ поселить тысячу—другую нашихъ семействъ! Они бы завалили хлѣбомъ всю Восточную Сибирь.

Селенга въ среднемъ теченіи по своей плодородной почвѣ, обилію лѣса и воды, мягкому климату можетъ считаться по истинѣ райскимъ уголкомъ и лучшимъ алмазомъ въ коронѣ Китайскаго Императора!

Суммируя все сказанное о пройденной Орхонской экспедиціею мѣстности, мы можемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ:

Посѣщенная нами часть Монголіи представляетъ треугольникъ, площадь котораго равняется десяткамъ тысячъ верстъ, по окраинамъ которой прошла экспедиція.

Изъ наблюденій экспедиціи выяснилось, что едва $^1/_5$ часть пройденнаго пути представляетъ безплодную степь; вся-же остальная мѣстность является богато орошенной, съ прекрасной, годной для земледѣлія почвой, могущій при раціональномъ хозяйствѣ сдѣлаться богатой страной и житницей безплоднаго центра Азіи. Орхонъ, прежде цвѣтущій уголокъ Сѣверной Монголіи, обезлѣсенъ и обезлюдѣлъ, благодаря историческимъ судьбамъ монгольскаго народа. Долины Орхона и Селенги, бывшія важной исторической ареной борьбы могущественныхъ азіатскихъ племенъ, имѣютъ все необходимое, чтобы со временемъ воротить къ себѣ преобладающее значеніе въ Монголіи. Такая большая площадь богатѣйшей въ естественно-историческомъ отношеніи мѣстности не можетъ долго оставаться непроизводительной. Если не сами Монголы, то Китайцы, — не Китайцы, то Русскіе — кто нибудь да долженъ дать толчекъ этой заснувшей богатырскимъ сномъ мѣстности!

Что же касается научнаго естественно-историческаго матеріала Орхонской экспедиціи, то слѣдуетъ сказать, что собранныя коллекціи могутъ пока дать ключъ къ общему сужденію о пройденной мѣстности. Огромное пространство, пройденное экспедиціей въ $2^1/_2$ мѣсяца (около 1660 в.), конечно, дѣлало невозможнымъ детальное изслѣдованіе. Для послѣдняго необходимы отдѣльныя экскурсіи и болѣе долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ. Богатство страны, блестящая будущность, ея близкое сосѣдство съ Россіей — дѣлаютъ детальное изслѣдованіе настоятельно необходимымъ и это послѣднее должно явиться ближайшей задачей русскихъ ученыхъ.

Н. Левинъ.

Г. Троицкосавскъ
1891 г.
8 Ноября

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Отчетъ экспедиціи на Орхонъ, совершенной въ 1889 году дѣйствительнымъ членомъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества Н. М. Ядринцевымъ по порученію Отдѣла [1].

(ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ДНЕВНИКЪ).

ГЛАВА I.

Путь отъ Кяхты до Хадасына.

Экспедиція эта совершена была на средства Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества.

10-го іюня 1889 года мы вышли изъ Кяхты въ составѣ пяти человѣкъ. Въ первый день выхода насъ было всего четверо, т. е. я, мои спутники бурятъ С. А. Пирожковъ, П. П. Смысловскій и нанятый переводчикъ, онъ же и работникъ Ѳедоръ Осокинъ. Послѣднему приходилось въ первые дни управляться со всѣми вьючными лошадьми и двумя двухколесными телѣгами нагруженными припасами; такимъ образомъ относительно людей и прислуги мы были крайне ограничены. Въ день выхода лошади еще не были пріучены къ вьюкамъ, путались и замедляли путь; притомъ мы вышли поздно. Въ 7 час. вечера въ день торжественнаго въѣзда въ Кяхту При-Амурскаго Генералъ-губернатора барона Корфа, когда всѣ въ городѣ заняты были пріемомъ пріѣзжей свиты, нашъ маленькій караванъ потянулся по задворкамъ Кяхты на юго-западъ по направленію къ р.р. Бурѣ и Селенгѣ. Мы поднялись на холмы. Кяхта находится въ котловинѣ. Мѣстность была холмистая, поросшая мѣстами соснами.

Въ окрестностяхъ замѣчались котловины выдуванія, въ которыхъ я замѣтилъ остатки кремневыхъ осколковъ, подобныхъ тѣмъ, которые находятся близъ Усть-Кяхты — пластинокъ и нуклеусовъ, указывающихъ на существованіе здѣсь каменныхъ орудій. Нѣкоторые нуклеусы, найденные на Чикоѣ, пріобрѣтены были мною въ Кяхтѣ. Считаю нужнымъ указать, что вся мѣстность отъ Усть-Кирана, т. е. за двѣ станціи отъ Кяхты, изобилуетъ дюнными котловинами выдуванія и содержитъ осколки орудій, обломки посуды, кости, шлаки и всякаго рода остатки, указывающіе на существованіе древняго поселенія. Между Усть-Кираномъ и Кяхтой находятъ иногда древнее оружіе, а около Усть-Кяхты и желѣзныя стрѣлы. Котловины выдуванія около Кяхты указывали на господство юго-западныхъ вѣт-

1) Хотя этотъ дневникъ не относится прямо къ работамъ Орхонской экспедиціи, я всетаки помѣстилъ его какъ приложеніе къ предварительному отчету, такъ какъ экспедиція Н. М. Ядринцева въ 1889 г. послужила какъ бы предварительной рекогносцировкою Орхонской экспедиціи. *Р.*

ровъ. На 4-ой верстѣ отъ Кяхты мы находимъ Цзаргучеевское озеро, названное такъ потому, что здѣсь находится дача Маймаченскаго Цзаргучея. Мы остановились въ этотъ день недалеко отъ нея въ 11 час. вечера и ночевали на рѣчкѣ Тогоскоѣ, у монгола Мзырь-Джаныка, служившаго секретаремъ у Цзаргучея. Этотъ маленькій чиновникъ знаетъ русскихъ и всякій день ѣздитъ въ Кяхту; онъ гостепріимно далъ намъ пріютъ въ юртѣ. Здѣсь мы провели первую ночь въ Монголіи.

11-го іюня въ 6 час. утра мы послали ловить своихъ лошадей и осмотрѣли мѣстность. Утро было лѣтнее, роскошное. Степь долины Буры открывала красивый ландшафтъ. Вдали синѣли предгорья, у подножія ихъ были перелѣски, передъ ними стлалась зеленая степь, по ней тянулись навьюченные верблюды скакали всадники, это разряженные монголы неслись на праздникъ. Повсюду были разсыпаны юрты. На право отъ дороги была дача цзаргучея. Кяхтинцы на русской сторонѣ отыскали сносныя для дачъ, лѣсистыя мѣста не ближе какъ въ 30 верст. отъ Кяхты въ Усть-Киранѣ, а за китайской границей весьма удобные и живописные участки находятся въ четырехъ верстахъ. Китайцы при разграненіи были очень разборчивы, какъ всегда, предоставивъ Троицкосавску и Кяхтѣ ея неблагодарные пески и жалкую рѣчку. Прослѣдивъ долину Буры, мы увидѣли дѣйствительно цвѣтущія мѣста.

Выйдя въ 7 час. утра, мы пошли по дорогѣ къ Орхону или мѣсту впаденія его въ Селенгу. Дорога была гладкая, шла по волнообразной мѣстности. На склонахъ горъ видны были сосновые лѣса, степь покрыта цвѣтущимъ голубымъ присомъ, кустарникомъ, караганой и желтымъ макомъ. Мы прошли около 5 верстъ долиной. Р. Бура текла на ЮЗ. За дачею Цзаргучея виднѣлось много юртъ монголовъ и мы насчитали до 12 группъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. На 7-ой верстѣ на равнинѣ показались слѣды солонцевъ. Въ полдень на 9-ой верстѣ мы достигли Буры и переѣхали ее по мостику.

Около Буры видны остатки ея весеннихъ разливовъ въ видѣ небольшихъ лужъ и озеръ. Рѣка Бура была до 2 саж. ширины и менѣе. Долина постепенно расширялась. На западѣ видна гора *Заидымг*; проѣхавъ $2^1/_2$ в., поравнялись съ горою *Цагудакг* мы достигли небольшаго озера *Цого* съ ручьемъ того же имени. Степной покровъ растительности смѣнялся мѣстами выдувами и ямами. Скоро, однако, мы снова вошли въ полосу зеленѣющей степи. Въ 2 часа пополудни, вдали мы замѣтили на холмѣ *омбонг*, родъ шалаша или часовни, гдѣ собрался народъ для празднества—служенія въ ламайской часовнѣ, а затѣмъ для борьбы и скачекъ. Здѣсь мы остановились на отдыхъ и для наблюденія. Съѣздъ былъ значительный и мы видѣли степныя олимпійскія игры, описанныя уже нами въ другомъ мѣстѣ. Часа два спустя, мы подъѣхали къ юртѣ монгола Бицика, котораго намъ

рекомендовали въ Кяхтѣ. Было 5 час. вечера. Такъ какъ отъ юрты Бицика можно было съѣздить къ сліянію Орхона съ Селенгой, то я попросилъ г. Смысловскаго въ качествѣ топографа осмотрѣть мѣстность, и онъ съѣздилъ къ устью въ этотъ вечеръ, но разстояніе до Орхона здѣсь оказалось болѣе, чѣмъ показывали монголы. Впаденіе Орхона въ Селенгу представляло живописную мѣстность среди горъ. На одной изъ скалъ есть тибетская надпись, какъ можно догадываться, «Омъ-Мани—Падма-Хумъ». Переночевавъ въ юртѣ Бицика, въ 4-хъ верст. отъ Орхона, 12-го іюня мы подошли къ его берегу. Дорога шла по равнинѣ; вдали видны были горы *Дуланг-Ханэ*; берега Орхона были покрыты тальникомъ; правый берегъ обрывистый; отъ берега саженъ на 300 виденъ песчаный увалъ.

На 9-ой верстѣ мы остановились у перевоза черезъ Орхонъ, гдѣ находился русскій карбазъ и связанныя лодки, какія употребляются монголами для переправы. Мы имѣли первоначально намѣреніе идти по правой сторонѣ Орхона и слѣдить за его теченіемъ, но должны были отказаться отъ этого, такъ какъ по берегу невозможно было провезти телѣги и на р. Иро не было перевоза; устье Иро и р. Широ остановили бы насъ; Иро и Широ—два притока Орхона. Впослѣдствіи по дорогѣ изъ Урги въ Кяхту мы попали на перевозъ черезъ Иро, гдѣ живутъ русскіе перевозчики.

На Широ, какъ мы узнали, ютится уже китайская колонизація. Долина Широ до 6-ти верстъ ширины; рѣка до 2-хъ саж. ширины. Китайцевъ проживаетъ здѣсь до семи артелей на разстояніи одной версты; здѣсь же устроенъ прудъ и имѣются конныя мельницы въ 1 и 2 лошади; китайскіе земледѣльцы сѣютъ пшеницу, ячмень и горохъ. Намъ говорили въ Кяхтѣ, что китайскія сооруженія и ирригація заслуживаютъ вниманія и что вѣроятно эта колонизація совершится не безъ субсидіи китайскаго правительства. Монголы стоятъ на Широ только зимою, а лѣтомъ откочевываютъ.

Переправившись черезъ Орхонъ, который здѣсь саженъ 15 шириной, мы остановились на берегу среди тѣнистыхъ вѣтлъ и покормили лошадей. Отсюда мы послѣдовали по лѣвой сторонѣ Орхона, имѣя въ виду при первой возможности перейти на правую. Мы желали избѣгнуть дороги по лѣвой сторонѣ, зная, что по этому пути составленъ обстоятельный маршрутъ г. Скасси, спутникомъ Г. Н. Потанина, и наши услуги здѣсь были бы излишними. Съ перевоза мы двинулись въ 5 час. и въ 9 час. вечера остановились на урочищѣ Цацынъ-уго, расположившись противъ сопки Дуланъ-Ханъ, поросшей лѣсомъ. Сопка носитъ названіе «Теплой горы» [1]) за то, что она защищаетъ долину отъ сѣверныхъ вѣтровъ. На горѣ стоитъ омбонъ. Отъ перевоза мы шли открытой долиной; на право былъ виденъ песчаный увалъ

1) Дуланъ — теплый.

саженъ 20 высоты. Берега Орхона были низки и открывали обширный лугъ отъ 300 саж. до $^1/_2$ верст.; берега покрыты тальникомъ. Склоны увалов поросли сосною. Лугъ поросъ травою и представлялъ привлекательный видъ. Назади мы оставили горы Ургё и Эрхету, отдѣляющія Селенгу отъ Орхона. По другой сторонѣ все тянулся Дуланъ-Ханъ. На 6 верстѣ отъ стоянки возвышался на берегу по нашему пути холмъ Берге (Берхе); высота холма были до 30 саж. Подъ горою было нѣсколько юртъ. Въ $7^1/_2$ ч. мы поднялись на возвышенность. Луговой характеръ мѣстности постепенно смѣняется лѣснымъ.

Дорога по лугу перемежалась иногда топкими болотами, которыя приходилось объѣзжать. Мѣстами лошади шли по зыбуну. У подножія увала видны были остатки монгольскихъ зимовокъ съ дворами для скота и запасами кизяку въ видѣ черныхъ пирамидъ. Монголы здѣсь зимуютъ около горъ и весною переходятъ въ долину Орхона.

Перекочевки совершаютъ отъ 5 до 15 — 20 в. Въ долинѣ скоро мы замѣтили желтые пучки сухой степной травы (чій или дэрисунъ). Подъѣзжая къ песочному увалу, который обрисовался теперь опредѣленнымъ склономъ горъ, мы встрѣтили обнаженія сланцевъ, а затѣмъ и обломки гранитовъ.

Температура 12 іюня 6 час. утра + 16° Ц. въ 12 ч. дня + 27,2°; 13-го іюня утромъ сильный SO вѣтеръ. Въ 7 ч. утра термометръ ц. показалъ + 20,4°.

Ночевали съ 12 на 13-ое число на урочищѣ *Цыцыкъ-уро*, въ улусѣ Соцейко, противъ небольшой сопки *Кызыыръ*; лощина ея покрыта сосновымъ лѣсомъ. Выйдя 13-го утромъ въ 8 ч., мы прошли 4 версты по долинѣ и встрѣтили улусъ въ 43 юрты. Мы остановились въ улусѣ и, разспросивъ о дорогѣ къ Эрдени-Цзу, узнали, что изъ этого улуса монголы отправляются такъ же туда на поклоненіе и могутъ быть нашими спутниками и проводниками, что насъ крайне обрадовало. Тотчасъ мы записали ихъ маршрутъ; онъ былъ кратчайшій изъ этой мѣстности. Путь ихъ долженъ былъ идти къ перевозу чрезъ Орхонъ около Хара-Гола; оттуда по Хара-Голу до куреня *Дархе-Лама*, затѣмъ станціи слѣдующія: *Баянъ-Далай*, *Тирекъ Болокъ Кольты-норъ-булукъ*, *Орене-уланъ-худукъ*, *Тосынъ-Голъ*, *Меленъ-хоре-Голъ* (Тола), *Ходасынъ*. Отсюда же можно было идти или на Угей-Норъ, чрезъ урочища Бомбо и Тахилге, или на Эрдени-Цзу чрезъ Долонъ и Кокшинъ-Хундей. Будущіе спутники наши, монголъ Согоръ съ женой въ этотъ день не выѣхали, а обѣщали насъ нагнать на слѣдующій день.

Остановились на отдыхъ, такъ какъ жаръ былъ невыносимъ, и двинулись далѣе около 4-хъ час. вечера. Прошли урочище противъ Дуланъ-Хана; теперь мы были вблизи его. Это была величественная сопка;

на склонахъ ея и по вершинѣ тянутся лѣса, при чемъ на юго-западномъ склонѣ растительность гуще. Подъемъ на Дуланъ $^1/_2$ сутокъ. На лѣвой сторонѣ Орхона горы ниже; это голые, безлѣсные холмы; на правой — горы выше, скалистѣе, покрыты на вершинахъ лѣсомъ. На высокихъ сопкихъ стоятъ омбоны, около которыхъ производится ламайское служеніе.

Продолжая путь по долинѣ, мы увидѣли дацанъ, т. е. монастырь и кругомъ его много юртъ. Въ верстѣ отъ него дорогу начали пересѣкать болота и нужно было отыскивать объѣзды. Орхонъ подходитъ здѣсь къ берегу рукавами и подрываетъ горы. Въ 6 ч. вечера мы проѣхали подъ утесомъ по песчаной, крутой дорогѣ и сдѣлали небольшой подъемъ. Здѣсь лежали груды камней. Затѣмъ мы вошли снова въ равнину, которая представляла степной характеръ и была усѣяна пучками дэрисуна. Такой характеръ долина принимала на плоскогорьяхъ и террасахъ. На этомъ переходѣ монголы-пастухи предупредили насъ, что телѣжки здѣсь провезти невозможно; дорога подходила къ берегу Орхона, около утеса, а затѣмъ мимо него нужно идти вбродъ. Пастухъ взялся обязательно указать намъ другую дорогу.

Здѣсь мы увидѣли Орхонъ, дѣлающій большія луки, развѣтвлявшіяся на протоки, раздѣленные островами. Теченіе его здѣсь довольно быстрое; онъ роетъ берега и приближается къ горамъ на лѣвой сторонѣ, а весною разливается весьма широко на правой; долина его достигаетъ 3-хъ и 4-хъ верстъ. Въ 7 ч. мы начали подниматься къ перевалу. Мѣстность становилась песчаною, наши двухколесныя телѣжки двигались съ трудомъ. Въ 8 ч. мы преодолѣли подъемъ на пологій песчаный откосъ, утомительный для лошадей. На второмъ перевалѣ лошадей вели подъ уздцы. Затѣмъ мы перешли еще черезъ два небольшихъ холмистыхъ возвышенія. Перевалъ называется *Окстель и Зукурзу*. При подъемѣ встрѣтили юрту и стада верблюдовъ и овецъ. Стада принадлежали богатому монголу Бальджа.

Сдѣлавъ послѣдній переходъ, мы вышли на возвышенное степное плато, гдѣ были стада того же хозяина.

Въ 9 ч. вечер. мы остановились на ночлегѣ около юрты Бальджи. Для питья намъ подали за ужиномъ мутную и отвратительную воду, хотя Орхонъ былъ всего въ верстѣ.

Въ переходъ 14 іюня мы прошли мимо горъ, носящихъ названіе *Баянъ-ола*, *Монготой* по правой сторонѣ и *Монготой* по лѣвой.

14 іюня утромъ въ 8 ч. термометръ показывалъ + 26,4 по Ц.

Противъ урочища, гдѣ мы остановились, видны сопки по правой противоположной сторонѣ: *Дельгиръ-Бага-Дуланъ-хангъ* и *Цаганъ-ола*, на лѣвой сторонѣ на юго-западѣ сопка *Олонъ-оботу*, на югѣ *Хадату*, на сѣверѣ сопка *Эрхиту* съ омбономъ на вершинѣ и утесомъ внизу.

Съ 10 до 12 час. мы прошли 8 верстъ и остановились на отдыхъ не вдалекѣ отъ перевоза. Въ этотъ день насъ нагналъ монголъ-лама Согоръ, съ которымъ мы и продолжали путь. Согоръ ѣхалъ съ женой или скорѣе наложницей и съ маленькимъ сыномъ, качавшимся на верблюдѣ въ корзинѣ. Спутничество Согора, его предусмотрительныя остановки и отдыхи во время, научили насъ быстрымъ переходамъ и мы были обязаны ему во все время, какъ лучшему вожаку.

На 5 в. по Орхону мы встрѣтили пріятную неожиданность. Здѣсь попался первый керексуръ или могильникъ, которыхъ мы не видѣли отъ Усть-Кяхты. Керексуры здѣсь представляли типическія формы насыпей съ кругами и четыреугольниками изъ камней. Они находились на осыпяхъ. Присутствіе этихъ керексуровъ на Орхонѣ было для насъ важно: монголы объясняли намъ, что керексуры принадлежатъ народу Киргизамъ, поставлены во время шаманизма; круглые принадлежатъ бѣднымъ, четыреугольные — богатымъ. Другой разсказъ о керексурахъ былъ связанъ со сказкой о большой мыши и о томъ, какъ прежде закапывали живыми стариковъ, причемъ одинъ сынъ хотѣлъ спасти отца и, сдѣлавъ отверстіе въ могилѣ, носилъ ему пищу. Когда появилась большая мышь, пожиравшая людей, онъ спросилъ у отца, не можетъ ли онъ дать совѣтъ, какъ спастись отъ нея. Отецъ сказалъ, что надобно найти кошку, которая пожретъ мышь. Исполнивъ его совѣтъ, сынъ избавилъ народъ отъ мыши и сказалъ, кто ему далъ совѣтъ.

Съ тѣхъ поръ стариковъ стали щадить, а не закапывать, такъ какъ «старые люди обладаютъ мудростью и опытностью». Эта поучительная сказка относится, какъ видно, къ періоду, когда у языческихъ шаманистскихъ народовъ прекратилось приношеніе жертвъ и обреченіе стариковъ на смерть [1]). Присутствіе керексуровъ побудило насъ съ этого пункта особенно слѣдить за ними.

При осмотрѣ могильниковъ мы поднялись чрезъ перевалъ горы *Салькиту*, гдѣ опять увидѣли керексуры; Орхонъ на этомъ пути входитъ въ узкую долину; къ нему подходятъ утесы и дорога идетъ въ объѣздъ. Здѣсь для обозрѣнія берега между 5 и 6 верст. мы сдѣлали переходъ чрезъ утесъ или бомъ. По берегу встрѣчалось много дичи. Въ 5 ч. пополудни послѣ небольшаго отдыха продолжали путь и на 4-ой верстѣ отъ стоянки опять натолкнулись на керексуры, которые мы измѣрили и срисовали. Направляясь теперь къ переправѣ чрезъ Орхонъ, находившійся въ 8-ми верстахъ

---

1) Обычай, существующій у Чукчей и бывшій у многихъ дикихъ народовъ. См. «Этнографическое обозрѣніе» Москва изд. 1889 г.

отсюда, мы поднялись на перевалъ *Халюнъ* и затѣмъ на плато, поросшее дэрисуномъ и обнаружившее огромные солонцы; мѣстами выступали топкія горныя болота; растительность была скудная, характеръ мѣстности—степной. Верстахъ въ двухъ отъ перевоза встрѣтились юрты монголовъ и много стадъ. Около перевоза Орхонъ дѣлаетъ извилины и луки; берега обрывисты, но не высоки, аршина 2 высоты, видны полосы гальки; возвышенный берегъ поросъ дэрисуномъ; для переправы существуетъ два выдолбленныхъ бота или колоды. Они связаны носами и расходятся немного на кормѣ; на нихъ ставятъ телѣги и грузъ, а лошадей пускаютъ вплавь. Перевозчикъ, обыкновенно голый, стоитъ на кормѣ съ шестомъ; быстрое теченіе несетъ этотъ первобытный паромъ отъ одного берега къ другому, а перевозчикъ только немного направляетъ его.

14-го числа съ утра мы сдѣлали до перевоза 17 в. Перевалъ по горамъ къ перевозу назывался Хамонъ, а перевозъ *Ашкату*; онъ находится противъ горы *Аламыръ*. Совершивъ переправу, мы остановились на ночлегъ.—15-го іюня нашъ спутникъ Согоръ разбудилъ насъ въ 3 часа утра. Мы навьючили лошадей и пошли по Хара-Голу, притоку Орхона. Такимъ образомъ здѣсь мы перешли опять на правую сторону Орхона; такой путь избралъ нашъ вожакъ, чтобы скорѣе достигнуть р. Толы и затѣмъ Оз. Угей-нора и Эрдени-Цзу.

Путь этотъ считается кратчайшимъ. Это дѣйствительно кратчайшій путь для переѣздовъ верхомъ съ Сѣв. Орхона, по прямой линіи чрезъ Монголію къ Эрдени-Цзу.

Но по удобству сообщенія, конечно, трактовая дорога будетъ предпочтительнѣе. На томъ же Хара-Голѣ отъ Кяхты можно очутиться дня въ два, не испытывая той затруднительной ѣзды и переходовъ, какіе достались на долю нашей экспедиціи. Отъ Урги къ Оз. Угей-нору такъ же идетъ китайскій почтовый трактъ, но эта дорога не была для насъ интересна. Топографически географическая цѣль нашей поѣздки побуждала насъ пройти вдоль теченія Орхона и его притоковъ, а также познакомиться съ орографіей мѣстности въ раіонѣ не посѣщенномъ путешественниками. Путь между Хара-Голомъ и Толой, который мы предпринимали, намъ далъ понятіе о горныхъ хребтахъ и характерѣ этой мѣстности.

Двигаясь по Хара-Голу вверхъ, мы сдѣлали два перевала и поднялись на степное плато. По рѣкѣ попадались ивняки и островки березы. Лѣвый берегъ обрывистъ. Близъ рѣки попадаются выдувы, а также кое-гдѣ солончаки. Мы перешли сначала р. Хара-Голъ, а потомъ рѣчку Хара-Усу, впадающую справа въ Хара-голъ и вытекающую изъ горъ *Цекиръ-Даванъ*. Въ долинѣ Хара-Гола мы видѣли до 300 юртъ; по пути встрѣчались китайцы

торговцы, разъѣзжающіе повсюду и снабжающіе монголовъ разными товарами.

15 Іюня въ 9 ч. утра Согоръ остановилъ насъ на отдыхъ, гдѣ мы пробыли до 4 час., пока спала жара, потомъ двинулись далѣе и въ 9 ч. достигли кумирни Дархе-ламы. Мы увидѣли обыкновенный дацанъ съ кельями, хижинами и дворами, внутри которыхъ находятся кумирни. Въ монастырѣ Дархе жило до 100 ламъ; на службу въ праздники сбирается ихъ до 500.

Монастырь основанъ 149 лѣтъ назадъ. Настоятель монастыря, увидя, что нашъ караванъ запасается водой, пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ. Его имя было *Сарджа-Итедобукъ*; онъ былъ 50 лѣтъ, солидный, сдержанный и важный, какъ всѣ представители ламскаго духовенства. Когда мы спросили проводника, кто же такой Дархе-лама, намъ сказали, что это 14-ти лѣтній слѣпой мальчикъ; слѣдовательно это Гегенъ, который освящаетъ монастырь своимъ присутствіемъ. Лицезрѣніе святого мальчика несомнѣнно производитъ свое впечатлѣніе на вѣрующихъ, но постороннимъ его, конечно, не показываютъ. Для насъ этотъ монастырь важенъ былъ какъ мѣсто, гдѣ мы запаслись водой. Проводникъ предупреждалъ насъ, что далѣе мы пойдемъ безводными мѣстами. На прощанье настоятель монастыря вручилъ намъ *хадакъ* или ленту, какъ благословеніе, и сообщилъ, что уже четыре дня назадъ онъ слышалъ о нашемъ приближеніи. Такъ быстро передаются вѣсти въ Монголіи. Около монастыря былъ прекрасный колодезь и мы взяли здѣсь запасъ воды. Такъ какъ у насъ китайской посуды вродѣ кувшина не было, то мы забрали воды только въ бутылки. Предусмотрительный же монголъ Согоръ везъ съ собою на верблюдѣ всякаго рода посуду.

Въ 9 ч. вечер. мы достигли перевала *Хидынъ-даба*; отъ монастыря виднѣлись горы *Барунъ-Цекиръ* и *Цзунъ-Цекиръ*. Приближаясь по долинѣ къ монастырю, видны были горы *Целише-Робуръ*, за которыми идетъ, какъ говорили, дорога въ Ургу. Выйдя изъ монастыря, мы прошли 1 часъ и стали на ночлегъ. Кони были напоены и могли ночь обойтись безъ воды пасясь на свѣжей травѣ. Мы же сварили немного чаю. Въ этотъ день былъ сдѣланъ нами переходъ болѣе 30 в. Монастырь Дархе былъ въ 38 в. отъ перевоза.

16-го іюня. Утро насъ застало на пути къ перевалу въ горы. Мы поднялись въ $4\frac{1}{2}$ часа утра. Термометръ показывалъ 13,2°. Ц. Наскоро собравшись, мы двинулись, вполнѣ отдавши себя въ распоряженіе опытнаго ламы спутника. Начался подъемъ на большой хребетъ *Сайханъ-даба*. Въ $11\frac{3}{4}$ ч. была сдѣлана остановка около колодезя *Белинъ-далай*, гдѣ напоили лошадей. (Безводная станція была въ 30 верстъ). Перевалъ чрезъ хребетъ былъ утомителенъ. Горы были голы и безлѣсны, осыпей не видно, профиль горъ округленный. Около сопокъ попадаются козули. Нашъ работникъ Ѳедоръ охо-

тился за ними. Подъемъ на вершину горы занялъ 4 часа и равнялся 16 верстамъ. Затѣмъ начался спускъ; шли по пологому склону къ горному плато степного характера; растительность немного измѣнилась, трава была зеленѣе и свѣжѣе. Плато занимало до 10 вер., затѣмъ продолжался спускъ; дорога гладкая. Къ подошвѣ начали выступать каменныя обнаженія; я встрѣтилъ обломки сланца и кварца. Затѣмъ дорога входитъ въ лощину и поворачиваетъ на ю.-з. Отъ 1-го перевала до 2-го часъ ходьбы. Первый перевалъ наз. *Суданг-даба*; на западъ отъ него гора *Шарботу*; второй перевалъ *Сайханг-даба*; на з. виденъ *Оботу*. Дорога идетъ спускомъ, поворачиваетъ на ю., проходитъ чрезъ холмъ, поворачиваетъ на ю.-в. и затѣмъ опять на ю.

Въ 5 ч. вечера былъ отдыхъ на урочищѣ *Баинг-далай*, гдѣ былъ колодезь и монгольскія юрты. У монгола, стоящаго на этой станціи, видна была полнѣйшая нищета; это былъ пролетарій безъ скота. Онъ ничѣмъ не могъ служить проѣзжимъ—юрта была нищенская. Онъ караулилъ колодезь, глубиною въ 2 арш. Онъ выполняетъ повинность на этой дорогѣ, ибо нечѣмъ платить подати. Богатые монголы кочуютъ въ сторонѣ и избѣгаютъ проѣзжихъ дорогъ. Вѣроятно проѣзды нѣкоторыхъ чиновниковъ очень чувствительны.

На этой повидимому пустынной мѣстности сходятся пять дорогъ: на Кяхту, на Ургу, къ Чинъ-Вана и въ Эрдени-цзу.

Здѣсь мы собрали свѣдѣнія о впадающихъ въ Хара-Голъ рѣкахъ. Справа впадаютъ въ него: 1) *Хара-усу*, 2) *Баинг-Гол;* слѣва — *Заидыл*.

16-го же іюня съ 7 ч. вечера до 10 сдѣлали 18 в. и стали вечеромъ у юрты близь урочища *Широ-Булыкъ*. Отъ Баянъ-Далая дорога шла по горному плато; на ю.-з. видна была вершина *Богурте*, на з. *Обарту*. Послѣ 2 часовъ ходьбы показалась на горизонтѣ гора *Дархату*. Здѣсь замѣтны горы, покрытыя нѣкоторой лѣсной растительностью. Двигаясь далѣе по холмистой дорогѣ, встрѣтили рѣчку Шире, вытекающую изъ горы Шире и скоро исчезающую въ почвѣ. Около урочища уже былъ сырой песокъ, въ которомъ исчезла рѣка.

17-го іюня въ 5 ч. утра термометръ показывалъ +13,8. Спявшись съ *Широ-Булыка* мы продолжали слѣдовать по плоскогорью степного характера и прошли мимо сопки Шире, въ 7 ч., т. е. сдѣлавъ 8 верстъ. По дорогѣ по степи встрѣчаются значительные выдувы. При выходѣ съ Белинъ-далая были подобные же песчаные выдувы.

Идя по плоскогорью, мы замѣтили вдали рядъ зеленѣющихъ холмовъ, какъ бы цѣпь горъ, по направленію къ ю.-з. Чрезъ 4 часа послѣ степной унылой мѣстности открылась живописная долина; на окраинѣ ея сухой логъ; въ одномъ изъ обрывовъ мы замѣтили журчащую воду — это былъ *Ноинг-*

булыкъ; слѣва была гора Ула-уланъ; противъ гора Хадату, вдали на ю.-з. виднѣлась высокая лѣсистая сопка—*Мангирта*. На склонѣ горы *Хадату* было до 14 юртъ и бродили стада скота. Мѣсто было красивое и привольное. Отъ Ноинъ-булыка мы начали подниматься въ гору и въ 10 ч. достигли перваго перевала, гдѣ насъ засталъ дождь. Гора, чрезъ которую совершали перевалъ, называется *Ноинъ-Булыкъ-даба*; дорога лежала къ ю.-з.; подъемъ продолжался 40 минутъ. Спустившись, поднялись на второй перевалъ Колтыге-даба. Со второго перевала открылась цѣлая панорама горъ: на ю.-з. *Ханг-та-уланъ* и длинный хребетъ *Гансг-худи-нуру*, въ который упирается Ноинъ-булыкъ. На ю.-з. по горизонту проходили амфитеатромъ хребты въ три ряда и заволакивались синими туманами. Подъ ногами открывалось глубокое скалистое ущелье. Сѣверные склоны ближайшихъ горъ были покрыты зеленью. Южные были голы и опалены солнцемъ. При спускѣ съ перевала въ ущелье былъ крутой поворотъ къ з. Мѣстами видны были осыпи и на скатахъ огромные валуны гранита. Камни располагались цѣлыми пирамидами. Въ 12¾ ч. по ущелью достигли урочища *Колты-норъ-булыкъ*, гдѣ были колодези. Конецъ ущелья обнаружилъ сухое русло. Мѣстность приняла снова степной характеръ, показались присы, дэрисунъ, пучки сухой степной травы и т. п.

17-го іюня. Остановка на урочищѣ Колты-норъ-булыкъ; въ 6 ч. 15 м. вечера термометръ + 20,2°. Съ урочища на Ю. открывались горы Уланъ, на З.—Ханха, на Востокѣ лежала зеленая сопка Мангирта. Съ урочища вышли въ 7½ ч., запаслись водой и пошли по плоскогорью, гдѣ замѣтны солонцы. Въ 9 ч. начался подъемъ на гору *Анонде-даванг;* подъемъ продолжался ¾ ч. до сумерекъ. Темнота остановила наше движеніе. До 10 ч. мы сдѣлали 15 в. Всего въ этотъ день — 51 версту.

18 іюня; урочище *Анонде-Кундіе;* въ 6 ч. 30 м. утра температура + 17,2°. Мы находились на горномъ плато, окруженномъ сопками, изъ которыхъ виднѣлась сопка Ужуръ-Ундуръ, на В. горы Зара. Горы тянутся на СВ.; дорога лежала на З. отъ урочища *Колты-норг*, на ЮЗ. къ урочищу Анонде-Кундій. На 6-ой верстѣ прошла дорога отъ кумирня Чинъ-вана въ Ургу. Въ 7 ч. 15 м. утра мы снялись и пошли на ЮЗ. по плоскогорью, постепенно поднимающемуся. Въ 7 ч. 40 м. поднялись на небольшой перевалъ *Ихе-Таширг;* второй перевалъ былъ *Бага-Таширг*. Въ 8 ч. 10 м. изъ за горъ показалась на З. вершина *Хабату-Цагайта* (или Хабцагайта), на В. видна гора Оргонёкъ. Мы шли по лощинѣ, на днѣ которой былъ глубокій логъ—какъ видно остатокъ роднаго потока. Въ лѣсу росло дерево Хайлусъ. Въ 9 ч. 30 м. начался подъемъ на перевалъ *Хабцагайту-даванг* и продолжался до 10 ч. Съ вершины перевала начался спускъ; съ обѣихъ сторонъ поднимались горы.

Вершина Хабцагайта закругленная съ мягкими очертаніями. На самой вершинѣ видны юрты, по склонамъ—стада овецъ, въ ложбинѣ—логъ, въ которомъ сохранились небольшіе бассейны воды. Мы спускались къ логу, который превратился скоро въ ущелье съ каменными обнаженіями. Позади насъ у юртъ остался колодезь *Орионѣ-Уланъ-Худукъ*, гдѣ предполагалась, по маршруту нашего проводника, остановка, но мы остановились нѣсколько далѣе, поднявшись въ обходъ ущелью и потомъ опять спустившись въ него. Урочище называется *Хабцагатуинъ-нуру* или *Хабцагатуинъ-Хабуръ*, противъ горы *Ихе-Цаганъ*. Остановились въ 11 ч. 30 м. Мѣстность здѣсь живописная, съ суровымъ горнымъ характеромъ; къ ручью спускалась скала съ утесистыми ребрами; съ возвышенія открывалась панорама горъ. Это была цѣпь хребта Замаръ. По показанію монголовъ здѣсь проходятъ два главныхъ хребта: *Маншрту* и *Замаръ*. Въ ущельѣ протекаетъ ручей *Хобцнату*, который весной впадаетъ въ другой ручей *Тасынъ*, а послѣдній въ Толу. На этомъ урочищѣ около ручья мы нашли два керексура. Они попадаются близъ осыпей и сланцы, разрушающіеся и падающіе внизъ какъ видно служили матеріаломъ для могилы. Передъ выходомъ я узналъ, что близъ стоянки находится разрушенный керексуръ, подмытый водою, и осмотрѣлъ его. Онъ былъ прежде въ 80 шаг. въ окружности. Монголы передавали о множествѣ керексуровъ въ этихъ мѣстахъ и находимыхъ здѣсь предметахъ. Въ двухъ дняхъ пути отсюда находится могила въ нѣсколько саженъ, съ большимъ бѣлымъ камнемъ. Намъ не было времени предпринять поѣздку, чтобы осмотрѣть его.

Въ 7 ч. мы снялись и пошли далѣе по ущелью, которое расширилось въ долину въ $1^1/_2$ в. ширины. На склонахъ видны улусы. Мѣстность степная, голая. Спускаясь по плоскогорью, въ 10 ч. мы достигли урочища на берегу *Тасына*, когда стемнѣло. Въ день сдѣлали 32 версты.

Монголы въ этихъ мѣстахъ различной зажиточности. Богатые имѣютъ до 1000 барановъ, до 400 лошадей и до 400 коровъ, но есть и крайняя нищета. Потребности кочевника крайне ограничены. Изъ предметовъ комфорта китайцы доставляютъ имъ нюхательный табакъ. Попрошайничество у проѣзжающихъ—обыкновенная черта монголовъ, замѣченная давно уже Рубруквисомъ.

19 іюня *Тасынъ-гол*. Температура въ 6 ч. утра +28°. Тасынъ степной ручей, въ сажень шириною. Вершина *Тасына* въ 40 верстахъ, въ хребтѣ Замаръ; Тасынъ течетъ на протяженіи 50 в. и впадаетъ въ Толу. Въ 7 ч. утра мы продолжали путь. Шли по долинѣ *Тайсына* и въ 4-хъ верстахъ отъ стоянки отклонились отъ него. Вдали видны были горы *Дабхоръ*, *Одонъ-Ола* и *Замаръ*. На 2-ой верстѣ встрѣтили вновь керексуры, насыпь въ 70 и 80 шаг. въ окружности, круги изъ камней были въ

150 шаг.; кольцеобразные выложенные кружки сопутствовали имъ. Въ 7 ч. увидѣли еще керексуръ. Пройдя долиной встрѣтили ручей *Шорына*, впадающій въ Тайсынъ. Повернули къ Югу. Видны горы *Байсъ* и *Замаръ*. Въ 8 ч. 20 м. начался перевалъ *Замына-Котыль*. Вдали на ЮЗ. показались горы, лежащія за Толой, какъ напр. *Заганинъ;* въ $9^1/_2$ ч. перевалъ *Цоголъ-булин-Хутылъ;* съ него спустились къ рѣчкѣ *Цаганъ-Булукъ*, 2 арш. ширины; она впадаетъ въ Толу. Переѣхавъ ее пошли открытой долиной. Передъ переправой мы натолкнулись на каменный валекъ изъ гранита съ отверстіями на обоихъ концахъ. Валикъ этотъ былъ *було*, употреблявшійся для молотьбы въ древнее время. Онъ былъ 76 ст. длины и 52 ст. въ діаметрѣ. Встрѣча подобныхъ было указываетъ, что здѣсь было когда-то земледѣліе. Въ 10 ч. 40 м. съ возвышенія, по которому мы шли, показалась давноожидаемая *Тола*. Горы здѣсь какъ бы отступали. Мы вступили въ долину Толы. На другой сторонѣ ея открывался рядъ хребтовъ. Одинъ носитъ названіе *Эхе-Загацыкъ*, другой *Бага-Загацыкъ*. Лама, спутникъ нашъ, указалъ на горы *Тыма*, *Цаганъ-булукъ* и *Байсени*. Тола извивалась здѣсь луками; она была покрыта зелеными островами и представляла привлекательный видъ среди луговъ, зелени и синѣющихъ горъ. Берега рѣки по лѣвой сторонѣ обрывисты и круты. По берегамъ ростетъ *Хайласъ* [1]); мѣстное дерево вродѣ орѣшника, изъ орѣховой скорлупы котораго приготовляютъ монголы молоко. Шириною Толы отъ 10 до 15 саж.; при дождяхъ она быстро выступаетъ изъ береговъ. Такова эта историческая рѣка, не уступающая въ славѣ Орхону. Здѣсь были владѣнія Хунну, Тукюй, Керантовъ и Монголовъ. Эти мѣста ознаменованы многими битвами и прославлены побѣдами Чингиза.

Достигая этой рѣки, мы прошли рядъ хребтовъ повидимому пустынныхъ и негостепріимныхъ, но и здѣсь ютилось кочевое населеніе. Мало того, мы встрѣтили слѣды обитанія здѣсь древнихъ народовъ [2]). На берегу Толы, недалеко отъ остановки, мы нашли тѣ же характерные древніе могильники и керексуры, которые въ своихъ очертаніяхъ становились все причудливѣе; кромѣ насыпей изъ камней, обведенныхъ кругами, мы встрѣтили здѣсь

---

1) Хайласу, по монгол. ильма. Ulmus campestris.

2) Въ особомъ очеркѣ мы характеризовали могильники и сдѣлали заключеніе во 1-хъ что они древнѣе монгольскихъ, во 2-хъ принадлежали не степнякамъ монголамъ, у которыхъ нѣтъ ихъ слѣдовъ, а какому-то другому народу, въ 3-хъ, что народъ этотъ любилъ горныя мѣста, умѣлъ обдѣлывать камень и дерево. Многія китайскія свидѣтельства объ обрядахъ народовъ указываютъ, что эти памятники должны принадлежать Тюркскимъ племенамъ, Тукюй, Хакасамъ. Въ Парижѣ въ Національной Библіотекѣ мы нашли карту: Carte des pays occidentaux à l'empire de la Chine jusqu'à la mer Caspienne dont les chinois se rendirent maitres sous la dynastie des Han. На этой картѣ между Байкаломъ и Харагозомъ означено. Demeure de l'orde du Roy des Hiong-nou т. е. Тюрковъ.

сложный керексуръ, состоящій изъ прямоугольника съ насыпью въ центрѣ и пальцами на углахъ; къ прямоугольнику примыкалъ полукругъ и затѣмъ къ полукругу примыкали два симметричныхъ кольца. Узоры эти всѣ выдѣлываются изъ камня и извѣстны по путешествію Г. Н. Потанина. Мы не беремся объяснить значеніе этихъ узоровъ изъ камней, но они указываютъ, сколько заботливости употребляли древніе шаманисты при похоронахъ. Въ 20 саж. отъ стоянки былъ еще керексуръ въ 60 ш. въ окружности. Здѣсь были могилы совершенно другого типа, эти могилы — плоскія четыреугольныя изъ сланцевыхъ плитъ, попадающіяся и въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири; наконецъ могильники со стоячими камнями. Стоячіе камни, сопровождавшіе могилы, были 129 и 124 сант. высоты.

Стоянка наша близь Толы была на урочищѣ *Хайлестс*. Въ 4 ч. дня термометръ показывалъ +25°. Въ 5 ч. двинулись далѣе; видны горы *Андроч-Молнг*. По объясненію монголовъ на той сторонѣ Толы, т. е. между Орхономъ и Толой есть горы *Барнутг* и *Шапнутг*. Если такое названіе, т. е. Барнутъ есть, то оно очень характерно для знакомыхъ съ историческимъ именемъ *Барсу*. Мы поднялись на перевалъ *Уланъ-Одронг*. Затѣмъ открылась долина, гдѣ мы нашли опять керексуры, обильные стоячими камнями. Въ 7 ч. мы переправились черезъ Толу въ бродъ. Переправа заняла 7 м. Глубина рѣки наибольшая была аршинъ. Противъ лежащія горы носятъ названіе Шинбирь; долина разстилается на три версты. Она была здѣсь монотонна. Послѣ переправы мы остановились на ночлегъ на урочищѣ Уланъ-Уръ. Осторожность заставила насъ особенно бдительно сторожить лошадей, такъ какъ воровство лошадей здѣсь практикуется.

20 іюня. Урочище *Уланг-Уріг*; въ 7 ч. утра термометръ +18,8°. На правой сторонѣ, на З. лежитъ гора *Тахету*. Мы двинулись по лѣвому берегу Толы и перешли нѣсколько сухихъ руслъ; дорога шла увалами съ незамѣтными подъемами. Мы направились по Толѣ, чтобы выйти на р. Харуху, а затѣмъ на Ургинско-улясутайскій трактъ къ станціи Хадасынъ, гдѣ мы ожидали встрѣтить развалины, указанные г. Бодеринымъ и потомъ уже идти къ Угей-нору. Пройдя часа два по берегу наше вниманіе обратили на себя глубокія ямы до 6 саж. глубины.

При осмотрѣ ихъ мы убѣдились, что это былъ разрытый керексуръ, но монголы не сразу объяснили намъ это. Свои археологическія изысканія они скрывали. Наконецъ на стоянкѣ мы узнали, что здѣсь дѣйствительно были керексуры; они обратили вниманіе монголовъ тѣмъ, что на нихъ стояли четыре камня и одинъ съ буквами или надписями. Монголы рѣшили, что здѣсь лежитъ кладъ или богатство; поэтому они рѣшились произвести поиски. Три года назадъ человѣкъ 40 принялись за работу, разрыли могиль-

никъ, но какъ говорятъ, кромѣ глинянаго горшка съ углемъ, ничего не нашли. Любопытенъ, конечно, былъ камень съ надписями. Добившись куда его дѣвали, мы узнали, что камень былъ увезенъ въ Хошунъ-Зунъ-Хото Цедемъ Сонома, а затѣмъ взятъ ламами въ кумирню на р. Шиберту около горъ Уланъ-дархынъ, находящуюся въ $1^1/_2$ суткахъ ѣзды отъ Хошуна. Тиберта вытекаетъ изъ горы Уховатъ. Мы проходили мимо большой горы *Заныцыга*. У подножія на склонѣ обратилъ наше вниманіе омбонъ. Опъ походилъ на керексуръ, однако пять пирамидальныхъ кучъ были сложены недавно. Это соединеніе керексура и омбона какого послѣ мы встрѣчали не разъ. На сей разъ обонъ состоялъ изъ лавы, какъ и керексуръ. Въ этомъ мѣстѣ, какъ по Толѣ, такъ и по Харухѣ лава встрѣчалась обильно и мы находились въ полосѣ лавоваго поля или потока.

Гора *Заныцыг* замѣчательна въ минеральномъ отношеніи. Здѣсь находятъ, какъ говорятъ, много цвѣтныхъ камней; ламы берутъ ихъ на лѣкарство. Здѣсь же находится магнитъ. Въ долинѣ Толы появилось болѣе улусовъ. Наконецъ, мы вошли въ равнину, гдѣ въ Толу впадаетъ рѣчка *Харуха*. Рѣчка Харуха до сихъ поръ вводила въ заблужденіе географовъ и показывалась на картахъ разнорѣчиво. На картѣ М. П. Пѣвцова, приложенной къ путешествію 1883 г. вмѣсто Харухи, впадающей въ Толу, означена р. *Хадасынъ*. На картѣ Матусовскаго, приложенной къ его географіи Китая, Харуха означена, правда, самостоятельной, но впадающей въ р. Хадасынъ; на штабной топографической картѣ теченіе Орхона вмѣстѣ съ Толой и Харухой является весьма запутаннымъ, какъ и на картѣ полковника Баторскаго. На картѣ Штабной, какъ и на картѣ полковника Баторскаго, самая Тола означена впадающей въ *Хара-гол* (?!!). Настоящій дневникъ пройденнаго пространства показываетъ, какъ далеко лежитъ Тола отъ Хара-гола; первую отдѣляетъ цѣлый рядъ хребтовъ, перейти которые нужно употребить 8 дней. На картѣ о. Іакинѳа, руководствовавшагося китайскими картами, теченіе Толы обозначено вѣрнѣе; она у него впадаетъ въ Орхонъ. Вмѣсто Хара-гола, означенъ, однако, притокъ Хара-улу. Харуха на картѣ о. Іакинѳа изображена довольно вѣрно подъ именемъ *Хоротха-гол* (названіе только искажено). Хотя на картѣ о. Іакинѳа нѣтъ озера Угей-нора, но многія подробности весьма замѣчательны; напр. по Орхону между *Байсирг-Барату* и Толой на правой сторонѣ Орхона означены теплые ключи. Это подтверждается. Мы получили показаніе, что въ этихъ мѣстахъ у годы *Сайханъ-хульджа* находится *Халунг-усу*, теплые ключи. Карта Клапрота на основаніи китайскихъ картъ показываетъ теченіе Харухи вѣрнѣе новѣйшихъ картъ. Самая Харуха подъ настоящимъ названіемъ *Kerouche*; въ верховьѣ ея означено два истока Sira-Olen и Kara-Olen; показано, что она вытекаетъ изъ горъ Лу-менъ-Шаня. Мы убѣдились, что

Харуха есть самостоятельная рѣчка, впадающая въ Толу; мы были у ея устья.

Въ полдень, идя по равнинѣ, мы приблизились къ этой рѣчкѣ. Равнина была низменная, покрытая кочками, болотами и солонцами. Вода Харухи была мутная; сама рѣчка была отъ $1^1/_2$ до 2-хъ саж. шириной; она походила на жалкія степныя рѣчки; она пересѣкаетъ, однако, трактовую дорогу; верховья ея въ горахъ между Кокшинъ-Орхономъ и Толой. Верховьевъ этихъ мы не достигали; теченіе Харухи не менѣе 100 в., хотя она очень мала и похожа иногда на ручей или превращается въ болото. Благодаря болотистой мѣстности здѣсь масса дичи, журавлей, гусей и утокъ. Равнина, гдѣ течетъ Харуха носитъ названіе *Элестынъ-Кундей*.

Въ 5 ч. того же числа мы двинулись далѣе по Харухѣ. По дорогѣ въ долинѣ Харухи опять встрѣчались керексуры. Въ 4-хъ верстахъ отъ остановки мы ихъ видѣли до 20; они были круглой и четыреугольной формы, крестообразные, трехрядные и т. п. На 8-ой верстѣ проходили въ горахъ, а потомъ горы опять отступили и мы вышли въ широкую степь; въ равнинѣ находилось озеро *Баинъ-Цаганъ-норъ*; на разстояніи версты отсюда находилась рѣка. Въ этой равнинѣ у подножія горъ *Ухе-Дулана* мы увидѣли валъ, который обратилъ особое наше вниманіе. Валъ окружалъ четыреугольную площадь и равнялся 450 шагамъ въ длину. Высота его до $1^1/_2$ арш. Для осмотра этого вала мы рѣшили остановиться въ этой равнинѣ, хотя намъ пришлось отстать отъ нашего спутника и вожака ламы Согора, шедшаго быстро къ Эрдени-Цзу. Онъ не имѣлъ другой цѣли, мы же только прикрывались путешествіемъ къ Эрдени-Цзу. Отправивъ человѣка воротить наши вьюки, ушедшіе впередъ съ работникомъ, въ виду археологическихъ изслѣдованій, мы остановились въ урочищѣ *Керменъ-Кундей*.

Въ равнинѣ Керменъ-Кундей мы нашли улусы и весьма гостепріимнаго монгола молодого ламу Арауданъ-Баиза, брата ургинскаго Хамболамы. Молодой лама весьма красивый и щегольски одѣтый представляетъ изъ себя настоящаго джентельмена и олицетворялъ высшую степень монгольской свѣтскости. Онъ былъ любезенъ и предложилъ намъ ночлегъ. Въ стадахъ его считается до 300 лошадей, до 20 верблюдовъ, до 200 барановъ. Обиліе молока, красивая юрта, щегольской ламскій халатъ, китайскій ножъ и табакерка — все показывало довольство и зажиточность.

Изъ разспросовъ въ этотъ вечеръ мы узнали, что упомянутый валъ долженъ, по преданію монголовъ, представлять загонъ для скота одного большого хана Хунтайджи, жившаго на Толѣ. Жилище этого хана доселѣ, по словамъ хозяина, сохраняется. Еще болѣе заинтересованный этимъ указаніемъ, я, послѣ разспросовъ далеко-ли развалины, получивъ отвѣтъ, что не далеко, рѣшилъ на завтра отправиться и осмотрѣть слѣды ханскаго жи-

лища по Толѣ. Я попросилъ нашего хозяина заготовить намъ лошадей, пока наши отдохнутъ въ табунѣ.

21-го іюня. *Кермена-Кундей.* Въ 8 ч. утра были приготовлены намъ прекрасныя лошади для четырехъ лицъ: меня, моихъ помощниковъ и монгола-переводчика. Молодой лама взялся насъ провести къ развалинамъ. Погода была благопріятная; мы помчались на свѣжихъ лошадяхъ; въ 4-хъ верстахъ отъ улуса переправились черезъ Харуху и поднялись въ горы *Дархата*, отдѣлявшія Харуху отъ Толы; проѣхавъ въ горахъ мимо зимовокъ монголовъ, черезъ $2^1/_2$ ч. скорой ѣзды, сдѣлавъ до пяти переваловъ, мы приблизились къ берегамъ Толы. Мы сдѣлали отъ улуса около 26 вер.; ѣзда, благодаря прекраснымъ лошадямъ, была быстрая; прекрасное плоскогоріе облегчало бѣгъ нашихъ иноходцевъ. Спускаясь съ горъ, мы увидѣли живописныя развалины цѣлаго дворца. Онѣ выглядывали подобно древнему замку и лежали на берегу въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Толы. Нѣсколько вдали отъ развалинъ виденъ былъ какой-то обелискъ или памятникъ. Мы были изумлены этими постройками, лежащими среди монгольской пустыни, гдѣ привыкли встрѣчать лишь улусы да молчаливые таинственные могильники. Здѣсь же былъ притокъ какой-то цивилизаціи, какой-то древней культуры давно исчезнувшей, слава которой осталась въ преданіяхъ и исторіи.

Читая исторію монголовъ, путешествія Плано-Карпини, Марко-Поло и Рубриквиса мы имѣемъ понятіе о роскоши, окружавшей монгольскихъ хановъ, но до сихъ поръ не удавалось составить представленія по развалинамъ о ханскихъ резиденціяхъ. Вотъ почему встрѣченныя развалины по Толѣ составляли драгоцѣнный памятникъ для археолога. Съ перваго раза видно было, что постройки значительно сохранились. Что придавало видъ замка этому зданію — это крѣпостная стѣна въ 3 саж. высоты изъ дикаго камня, на которой, какъ на фундаментѣ, возвышались кирпичныя постройки и стѣны съ остатками башенъ, съ амбразурами и окнами. Стѣны возвышались по 4 и 5 саж. надъ брустверомъ и высота всего зданія равнялась 8 и 9 саж., что придавало ему внушительность. Длина стѣнъ доходила до 28 саж. Подъѣхавъ къ зданію, мы осмотрѣли его съ подробностями; по осыпи передней стѣны мы могли войти внутрь его и нашли множество обломковъ глазурованной черепицы и всякихъ украшеній. Сохранившіяся стѣны и перегородки показывали расположеніе дворца; здѣсь было подобіе залы съ большимъ полукруглымъ окномъ, выходящимъ къ р. Толѣ; далѣе спускалось прекрасное крыльцо со ступеньками и сводчатыми сходами; были слѣды другихъ зданій менѣе уцѣлѣвшихъ. Внутри на стѣнахъ я нашелъ слѣды штукатурки. Зданіе сохраняло остатки водосточныхъ трубъ; наконецъ стѣны его изъ кирпича были прорѣзаны колодезями и трубами, которыя замѣняли,

можетъ быть, вентиляцію. Все указывало, что это была изящнѣйшая постройка: прекрасный обжогъ кирпича разной глины, глазированная черепица, своды зданія, лѣстницы, терраса вокругъ зданія, вѣроятно украшенная когда-то деревьями. Въ нѣсколькихъ саженяхъ находился родъ памятника въ сажень высоты; это была закругленная плита на пьедесталѣ; на плитѣ съ одной стороны была большая надпись по-монгольски, съ другой по-тибетски. Снять ее мы не имѣли времени и затруднялись, такъ какъ фотографіи не было. Типъ и расположеніе зданія сохраняло восточную архитектуру древнихъ монгольскихъ дворцовъ, которые строили у Чингизидовъ плѣнные китайцы и даже персіяне. Кирпичъ былъ несомнѣнно китайской фабрикаціи, какъ мы убѣдились сравненіемъ на новѣйшихъ ламайскихъ кумирняхъ. По прибытіи на развалины, мы раздѣлили работы. Г. Смысловскій снялъ планъ зданія; въ измѣреніяхъ помогалъ ему С. А. Пирожковъ; я срисовывалъ видъ его съ разныхъ сторонъ и описывалъ подробности. Близъ зданія сохранились гранитныя чаши и подобіе жернововъ. Работы производились во время сильнаго жара и часа черезъ полтора мы принуждены были кинуться къ рѣкѣ, чтобы утолить жажду на Толѣ, приникнувъ къ водѣ подобно монгольскимъ всадникамъ. Освѣжившись, мы продолжали работы до вечера, несмотря на настоятельное возвратиться потерявшаго терпѣніе и голоднаго молодого ламы. Онъ убѣждалъ насъ возвратиться, такъ какъ ему нужно было поспѣть на какой-то ламайскій праздникъ, гдѣ предполагалось пиршество, но мы имѣли упрямство игнорировать его стремленіе. Утомившись спорить и убѣждать насъ, онъ, наконецъ, уснулъ у подножія развалинъ и далъ намъ возможность окончить детальныя работы.

Чѣмъ болѣе мы работали на этихъ развалинахъ, тѣмъ болѣе убѣждались какой интересъ онѣ представляли. Къ сожалѣнію мы не могли возвратиться болѣе на нихъ, спѣша далѣе, но результатомъ нашихъ работъ остался у насъ планъ зданія. Подъ вечеръ, нагруженные глазированной черепицей и образцами обломковъ, мы сжалились надъ ламой и возвратились въ улусъ.

Такимъ образомъ въ этотъ день мы сдѣлали 50 в. быстрой ѣзды и провели нѣсколько часовъ лихорадочной работы подъ палящимъ жаромъ монгольской степи. Усталые, но вполнѣ вознагражденные, мы оставили эти развалины, которыя заслуживаютъ посѣщенія будущихъ экспедицій.

22-го іюня. Мы должны были спѣшить далѣе, имѣя ввиду странствіе на Угей-норъ, описаніе вершинъ Орхона и поиски Каракорума. Въ дождливое утро мы вышли съ урочища Керменъ-Кундей и снова пошли по Харухѣ, пробравшись чрезъ перевалъ Эмегенту. Харуха продолжала теченіе въ низкихъ и грязныхъ берегахъ. Хребетъ Дархатъ отдѣлялъ Толу и

Харуху. Черезъ часъ съ половиною пути на З. показалась сопка Онотъ и урочище Онотынъ-кундей. Здѣсь опять мы натолкнулись на огромные керексуры, которые измѣрили. Шелъ сильный дождь. Ночью былъ холодъ и монголы жаловались, что въ ночь эту у нихъ погибло 40 барановъ. Монголы были облечены по случаю непогоды въ шубы шерстью вверхъ. Мы остановились переждать непогоду и заночивали на урочищѣ Цаганъ-Ула.

23-го іюня продолжали путь къ станціи Хадасынъ. *Цаганъ-ула* была на вершинѣ *Дарбата*. Спустившись въ долину Харухи, мы увидѣли болотистые берега, урочище близъ озера Харуха-норъ, покрытаго стаями дичи. Нетерпѣливо мы ждали выхода на почтовый Китайскій улясутайскій трактъ, но очутились около жалкой станціи Хадасынъ.

ГЛАВА II.

Отъ Хадасына до Хара-Болгасуна.

Хадасынъ, 23-го іюня. Выйдя на главный Ургино-Улясутайскій трактъ, мы сдѣлали болѣе чѣмъ половину пути отъ Кяхты по монгольской пустынѣ и хребтамъ. Выйдя на этотъ почтовый трактъ къ Угей-Нору, мы очутились ничуть не въ болѣе оживленной мѣстности. Лагерь нашъ остановился въ грязной долинѣ маленькой Харухи, которую такъ давно смѣшивали со станціей *Хадасына* вѣроятно по недоразумѣнію съ переводчиками, которые такъ часто вводятъ въ заблужденіе путешественниковъ. Сама станція Хадасынъ была жалкая юрта караульщика-монгола, совершеннаго нищаго. Подобнаго караульщика можно утилизировать только въ одну сторону — заставить его набрать кизяку для топлива. Такимъ жалкимъ юртамъ сопутствуютъ обыкновенно уродливыя, безобразныя женщины-монголки. Шабиганцы, женщины-монахини подобіе ламъ, посвятившія себя молитвѣ на старости лѣтъ. Эти безпріютныя старухи, напоминающія нашихъ безносыхъ салопницъ — представительницы монгольскаго пролетаріата. Живутъ онѣ подаяніемъ. Другого населенія на Хадасынѣ мы не встрѣтили. Дикой пустынѣ и монгольской нищетѣ какъ будто суждено сопровождать и служить контрастомъ грандіознымъ развалинамъ и останкамъ величественнаго прошлаго Монголіи.

Хадасына мы ожидали съ большимъ любопытствомъ и онъ былъ цѣлью нашего путешествія. Близъ него должны были находиться развалины какого-то города или монастыря, которыя отмѣчены были г. Паде-

рпнымъ и которыя упоминались древними китайскими путешественниками. Мы ожидали ихъ и онѣ не были для меня неожиданностью, какъ развалины дворца Ирхе-Мергена. Несмотря на все это, мы не могли, подходя къ Хадасыну, не остановить жадныхъ взоровъ на темныхъ зданіяхъ, вырисовывающихся въ степи подобно аббатству. Они чернѣли издали. Едва остановясь въ долинѣ и ничего не найдя въ ней кромѣ убогой юрты, мы поспѣшили сѣсть на лошадей и, перейдя вбродъ Харуху, поспѣшили къ развалинамъ. Переходя чрезъ канавы, которыя орошали поля, засѣянныя ярицей, разстояніемъ чрезъ версту мы остановились у перваго вала. Онъ былъ въ 800 шаговъ; возвышался до 1 саж. и былъ сбитъ изъ глины или сырцоваго кирпича ввидѣ пластинъ. Слѣды этихъ сырцовыхъ пластинъ мѣстами были видны, но въ другихъ мѣстахъ время и стихіи превратили ихъ въ земляную насыпь. Среди этихъ сырцовыхъ построекъ обыкновенно видны пещеровидныя отверстія бывшихъ деревянныхъ связей. Сзади этого вала, примыкавшаго къ горамъ, къ западной сторонѣ возвышались двѣ куполообразныя пирамиды изъ дикаго камня, сильно пострадавшія отъ времени. Это были остатки *субурхановъ*, обыкновенной принадлежности буддійскихъ монастырей. Объѣхавъ валъ, у котораго видны были по сторонамъ ворота, мы приблизились къ внутреннимъ зданіямъ. Постройка ихъ была совершенно другого характера, чѣмъ валъ. Кладка зданій была изъ дикаго камня, чѣмъ-то цементированнаго; камни были различной величины, почти необдѣланы, но съ замѣчательнымъ искусствомъ подобраны. Они представляли ряды, возвышавшіеся отъ 3-хъ до 6-ти саж. высоты. Конечно ранѣе они были еще выше. Эти стѣны поддерживали большія зданія.

Первоначально было трудно оріентироваться въ этихъ зданіяхъ, но снятые планы, а затѣмъ подробный осмотръ сохранившихся построекъ далъ возможность представить хотя отчасти существовавшія сооруженія. Внутри вала оказалось 16 зданій, построенныхъ по одному образцу; два центральныхъ зданія выдавались по величинѣ; они заключали дворы съ двумя воротами. Въ одномъ изъ этихъ дворовъ находился колодезь здапія. Постройки не походили на жилые дома и на дворцы, — это были подобія храмовъ, и входомъ въ зданіе открывался рядъ террасъ, кончавшійся возвышеніемъ или алтаремъ; по бокамъ были галлереи. Когда планы были сняты, мы убѣдились, что это остатки обширныхъ храмовъ. Постройки сооружены изъ дикаго камня, переложеннаго щебнемъ до того прочно, что исчезшій и выпѣтрившійся цементъ не помѣшалъ сохранить имъ устойчивость. Постройки эти не имѣли ничего общаго съ существующими дацанами и кумирнями. Онѣ были слишкомъ грандіозны и внушительны. Нѣкоторые изъ храмовъ были до 400 шаг. въ окружности. Внутри попадались кирпичи и черепицы. При опредѣленіи этихъ развалинъ явля-

лось два вопроса: были-ли это тѣ развалины, которыя видѣлъ Чанъ-Чунь и Чанъ та-хе переѣзжая Толу? Судя по описанію ихъ положенія, можно принять ихъ за тѣ же. Но Чанъ-Чунь нашелъ здѣсь кирпичъ съ киданьскими буквами и называетъ киданьскимъ городкомъ. Далѣе, если развалины эти были развалинами въ XIII в., то какому народу онѣ принадлежали? Буддизмъ водворился въ Монголіи только въ XVI в., а остатки этихъ буддійскихъ храмовъ показываютъ, что они существовали до монголовъ. Всѣ созданные монастыри въ Монголіи послѣ XVI в. извѣстны и ведутъ свои лѣтописи. Не были ли это храмы тюрковъ и кераитовъ, обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ, у которыхъ былъ распространенъ какъ буддизмъ, такъ и несторіанство?

Окончивъ работы на развалинахъ въ тишинѣ, мы отдавались этимъ размышленіямъ, отдыхая у подножія полуразрушенныхъ стѣнъ и смотря на внушительныя постройки. Какіе гимны здѣсь пѣлись? Какіе народы преклонялись здѣсь и какому божеству возсылали молитвы? Нѣтъ сомнѣнія, что эти храмы составляютъ памятникъ, вызывающій самыя остроумныя догадки. Они переносятъ насъ во времена, когда съ юга Азіи явились для пропаганды въ Монголію даосскій монахъ, магометанинъ и несторіанецъ. Легенды, вывезенныя М. Поло, гласили о таинственномъ царствѣ пресвитера Іоанна и объ обращеніи кераитовъ. Развалины эти служатъ свидѣтельствомъ какого-то могучаго религіознаго культа, достигшаго не только распространенія господства, но и великолѣпія.

У монголовъ существуетъ преданіе, что въ этомъ монастырѣ когда-то жилъ Хамбо-лама, что къ нему подступали Олюты, что послѣ смерти Хамбо, монахи собрали драгоцѣнности и разошлись. Среди развалинъ мы нашли слѣды посѣщенія ихъ новѣйшими буддистами — это были глиняные бурханы и субурганчики; они попадались въ трещинахъ развалинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы эти храмы сохранились до XVI и XVII в., о нихъ были бы болѣе ясныя преданія. Но нынѣшніе монастыри, какъ мы уже сказали, никогда не поднимались до столь величественныхъ архитектурныхъ построекъ. Остатки развалинъ носятъ названіе у монголовъ *Эбдерхе-балгасунъ*.

24-го іюня мы оставили Хадасынъ, прошли урочище *Бомба*, гдѣ нынѣ помѣщается станція, и остановились на урочищѣ *Цаганъ-Худыкъ*, противъ горы *Берхе-Зара*. Она нанесена по картѣ Пѣвцова гораздо южнѣе. Мы прошли отъ береговъ Харухи по торной Ургинско-Улясутайской дорогѣ. Оставивъ Хадасынъ, на З. видѣли горы *Цаганъ-Ола* и на В. *Дарботъ*. Шли небольшими перевалами по Харухѣ. На В. были горы *Тохтёлэ* и *Тахилге*, затѣмъ показался *Курёмъ*, *Хонёкъ* и *Урбанъ-Ула*. На 7-ой верстѣ мы вышли на холмы, обильно покрытые лавой. Близь дороги налѣво лежали *керексуры*. Керексуры были грандіозные въ 30 и 50 шаговъ сторона; камни отъ 1 до

$1^1/_2$ арш. высоты. Перешли перевалъ *Олинтынъ-даба*. Харуха входитъ въ тѣснину среди горъ *Дунгъ-Хурумъ* и *Олинтъ*. Справа горы *Обота-Тологай* и *Долонъ-Добханъ*, высокая сопка *Уртулай* и горы *Ханынуръ*. На Зап. видѣлись вершины *Абзанъ-шибета* и на Ю.-В. *Берхе*. Берхе—одинъ изъ красивѣйшихъ хребтовъ. Харуха исчезла за этимъ хребтомъ. Вершина ел, какъ говорятъ монголы, находится въ горахъ Долонъ-Добхоръ. На З. отъ нашего пути видны были горы *Абзынъ Хайрханъ* (у Пѣвцова по картѣ Аздага). Недалеко къ Ю.-З. лежало озеро *Гумбуртэ*; долина носила названіе *Хебтагенъ-булунгъ*.

24-го іюня остановка была на урочищѣ противъ Берхе. Отсюда оставалось еще двѣ станціи до Угей-нора. Въ $7^1/_2$ час. мы тронулись отъ *Боро-Конде* и пошли по степной долинѣ, въ которой былъ ручей *Боро-голъ*, впадающій въ Харуху. На З. видѣлась гора *Абцинъ*. До 1 час. прошли 25 в., сдѣлавъ предпослѣднюю станцію. Остановка была только на берегу *Тахилте-гола*, вытекающаго изъ небольшого озера. Шли по сырой луговой мѣстности; лога были наполнены водой вслѣдствіе предшествовавшихъ дождей; мѣстами выступали на каменистый грунтъ. На мокрыхъ мѣстахъ встрѣчалось множество дичи: журавлей, гусей, турпановъ, цаплей и видѣли орла. Плоскогорія изрыты норами полевыхъ мышей и сурковъ. Равнина покрыта дэрисуномъ. Лѣса нѣтъ признака. Мы давно пріучили глазъ къ этому монгольскому пейзажу. Хребты представляли мягкое округленное очертаніе, сопки иногда сопровождались осыпями. На ручьѣ Тахилте-голъ, который обозначенъ на картѣ М. В. Пѣвцова, есть источникъ какъ разъ около дороги, который считается цѣлебнымъ. Здѣсь лѣчатся иногда больные монголы. Почтовый трактъ былъ мало оживленъ. Мы встрѣтили только коннаго китайца, который ѣхалъ изъ Урги 4-ый день. Передвиженіе въ этихъ мѣстахъ дѣлается произвольно. Все зависитъ отъ того, сколько часовъ подрядъ вы можете ѣхать. Нашъ спутникъ Согоръ любилъ большіе переходы. Отъ Хадасына къ Эрдени-Цзу онъ имѣлъ намѣреніе пройти въ три дня, т. е. сдѣлать три перехода, и вѣроятно осуществилъ. Онъ имѣлъ ввиду двѣ остановки, на *Долонъ* и *Кокшинъ-Хондо*, затѣмъ на Эрдени. Намъ указывали другой маршрутъ отъ *Хадасына*, съ остановками на Таранѣ, Зара-Берхе, Долонъ-голѣ, Кокшинѣ и затѣмъ Эрдени-Цзу, — значитъ 5 переходовъ. Отъ Хадасына до Угей-нора считается 3 станціи.

25-го іюня къ полдню мы подошли къ урочищу *Тахилте* и до Угея оставался одинъ переходъ съ небольшимъ. Мы прошли въ ворота между горъ и начали подниматься на небольшой перевалъ; пройдя до $9^1/_2$ ч. вечера, мы не могли еще достичь перевала и остановились ночевать на урочищѣ Эхе-ондыръ, — это была просто падь, воды здѣсь не было — только ночь заставила насъ остановиться здѣсь. Не доходя этой пади, недалеко отъ до-

роги мы нашли памятникъ изъ гранита, состоящій изъ столба, на которомъ вверху были полосы, три точки или пятна на верху и одно внизу. Эти точечные камни попадаются и въ другихъ мѣстахъ Монголіи. (См. Путеш. по С.-З. Монголіи Г. Н. Потанина). Около камня четыреугольная площадка изъ плитъ. Есть сочетанія точечныхъ камней съ оленьими камнями или изображающими изюбрей (Докладъ Потанина въ В.-Сиб. Отд. Г. О.). Соединеніе точечныхъ камней съ изображеніями изюбрей см. въ рисункахъ Inscriptions de l'Jénisée, издан. Археолог. Финскаго Общества. Разгадать символистику этихъ камней трудно, какъ и ихъ названіе, но не невозможно. Поясъ и линія всегда отдѣляютъ два міра на бубнахъ, а круги означаютъ обыкновенно небесныя свѣтила. 26-го іюня въ 8 ч. мы пошли къ озеру Угей-нору и прошли перевалъ *Цаганъ-Котыль*. Справа были горы Тайхыръ, налѣво Хохё-Ола, Синія горы, наконецъ, около Угея наканунѣ мы видѣли плоскую вершину горы Шире, называемую «таганомъ» Чингизъ-Хана. Въ 11 ч. утра 26-го іюня мы увидѣли озеро Угей-норъ съ его заливами и синѣющими водами. Послѣ утомительной степи эта синяя гладь, камыши и шумъ волнъ производятъ отрадное впечатлѣніе. Мы двигались по его сѣверному берегу. Цѣлый рядъ холмовъ окружалъ и это озеро и на одномъ изъ нихъ, Байсыхылынѣ, при спускѣ въ озеро помѣщался хитъ или монастырь Оромбо-Гегена. На нашей картѣ горы, окружающія Угей-норъ на сѣв., означены, на С.-В. Даундымъ, Барундымъ, Шандымъ, Бумхантъ, Уланъ-Оба, Цанте, Байсыхылынъ. За горой Байсыхылынъ къ С.-З. находится гора *Хэрсэне* [1]). Озеро Угей-норъ весьма опредѣленно означено на картѣ Пѣвцова, на другихъ картахъ оно пропускалось, но на картѣ Клапрота оно вѣрно выражено. По китайски оно носитъ названіе Вуве-норъ. При опредѣленіи Каракорума приходится ориентироваться на немъ. По исчисленію нашего топографа оно въ окружности равно 22 в., длиною 10 в. Во время нашего пребыванія на немъ произведена съемка. Въ первый день мы прошли мимо озера по сѣв. берегу и остановились лагеремъ на протокѣ *Хола*, соединяющей Орхонъ съ Угеемъ. Протока эта доселѣ весьма неопредѣленно обозначалась на картахъ. Остановка на Угеѣ дала намъ возможность ориентироваться относительно рѣкъ, впадающихъ въ Угей. 27-го іюня мы предприняли поѣздку въ хитъ Оромбо; самого Гегена не было и мы были приняты монахами. Хитъ имѣетъ 100 монаховъ. Дацанъ не изъ богатыхъ. Построенъ лѣтъ 40 назадъ и основанъ тибетскими монахами. Мы очень заинтересованы были видѣть тибетцевъ или монаховъ-тангутовъ, но ихъ почти не осталось въ монастырѣ, и впослѣдствіи видѣли только

1) 2-ая гора Хэрсэне находится вверхъ по Орхону на З пути, на правомъ берегу.

одного, который поразилъ насъ типомъ лица, рѣзко отличающимся отъ монголовъ. Проживающіе въ хитѣ монахи были монголы и олюты. На берегу Угей-нора цѣлая олютская колонія. Монахи изъ монголовъ оказались не особенно высокаго образованія и были довольно невѣжественны и грубоваты. Посѣтивъ хитъ, мы были приняты въ столовой, гдѣ, пожалуй, помѣщалась и кухня т. е. котлы, гдѣ варился чай. Это любимое мѣсто монгольскаго времяпрепровожденія. Рядомъ былъ дворъ, гдѣ сидѣли женщины, занятыя шитьемъ и починкой одежды. Подобныя богомолки работаютъ около всѣхъ монастырей, такъ что въ монастырь не заперты двери для женщинъ-монголокъ. Въ хитѣ мы пробовали завести знакомство. Монахи-ламы сообщили, что русскіе здѣсь не показывались и что въ Эрдени-Цзу нельзя ѣхать въ русскомъ платьи, — тамъ къ этому не привыкли. Мы указали на г. Пѣвцова, г. Позднѣева, бывшихъ уже на Угей-норѣ, и сказали, что все равно пойдемъ въ Эрдени-Цзу, надѣясь на добрые нравы и гостепріимство буддистовъ. Затѣмъ мы попросили позволенія осмотрѣть кумирню. Она была намъ показана, хотя и не безъ колебаній. Въ кумирнѣ по обыкновенію стояли шкафы съ вызолоченными кумирами. Обыкновенно говорятъ, что здѣсь 1000 боговъ или бурхановъ, желая показать богатство кумирни, но всѣ эти бурханы раздѣляются на 5 разрядовъ. Вторая комната кумирни была занята библіотекой, молитвами и связками, завернутыми въ шелкъ. Здѣсь же въ нишѣ находился маленькій субурганъ, пирамида. Внутри его, объясняли монахи, находится изображеніе покойнаго Гегена, сдѣланное изъ глины съ примѣсью сожженныхъ костей. Это была святыня хита. Въ особомъ темномъ помѣщеніи, которое не рѣшались сразу показать, находился кумиръ *Далха*. Это былъ *манекенъ*, облеченный въ шлемъ, кольчугу, съ колчаномъ и лукомъ. Древняя кольчуга для насъ была очень любопытна. Затѣмъ намъ показали помѣщеніе или квартиру Гегена. Она состояла изъ 3-хъ комнатъ: одна пріемная, другая кумирня, третья — столовая; въ послѣдней комнатѣ на стѣнѣ былъ видъ *Хлассы*. Въ комнатѣ есть русскіе часы и зеркало. Послѣ этого мы осмотрѣли дворъ и внѣшнюю постройку. Хитъ построенъ изъ дикаго камня. На этомъ основаніи г. Падеринъ сравнилъ эту постройку съ сооруженіями харухинскихъ древнихъ монастырей. Мы тоже обратили вниманіе на это сближеніе, но постройка новаго хита была худа, ниже и менѣе прочна, чѣмъ харухинскія. Здѣсь было подражательное творчество монголовъ, тамъ оригиналы; здѣсь чрезъ 50 лѣтъ видно уже разрушеніе — тамъ стѣны были еще прочны чрезъ 500 лѣтъ, если не болѣе. Хитъ продолжалъ обстраиваться и что мы замѣтили здѣсь—это искусство рѣзать на деревѣ. Такимъ образомъ около монгольскихъ монастырей ютятся различныя искусства, кругомъ же — кочевой бытъ въ самой первобытной его стадіи. Около хита на склонѣ мы нашли 2 керексура, но

сильно попорченыхъ и разрушенныхъ. Равнина, лежащая между хитомъ и протокой Хола носитъ названіе Мергинъ-Шора.

28-го іюня. Съ горъ, окружающихъ Угей-норъ какъ напримѣръ съ Байсыхылына также, какъ съ берега Холы виденъ къ Ю. темнѣющій холмъ, напоминающій зданіе. Онъ находится за 5 в. Его замѣтилъ при проходѣ мимо Угея, Г. Н. Потанинъ. На этомъ холмѣ находится обонъ, и холмъ называется Дашинъ-Чжилъ. Все, что намъ могли сообщить о немъ, это то, что здѣсь первоначально жилъ Гегенъ до перенесенія резиденціи въ хитъ на Байсыхылынѣ. Между тѣмъ холмъ имѣлъ видъ развалинъ. Чтобы освидѣтельствовать ихъ я съ переводчикомъ рѣшился совершить экскурсію и 28-го іюня отправился верхомъ. Хола была довольно глубока для брода и мы переправились на верблюдѣ, а затѣмъ поѣхали на лошадяхъ. За Холой мы очутились на ровной луговинѣ, изрѣзанной протоками и озерками. Тучи дичи, стаи журавлей, гусей, утокъ покрывали лугъ и озерки, лебеди колыхались спокойно въ камышахъ и подпускали на самое близкое разстояніе. Дичь была очень не пуглива, такъ какъ монголы ее не бьютъ. Мѣсто для охоты было прекрасное, и мы вспомнили, съ какой страстью предавались ей монгольскіе ханы. Проѣхавъ часа $1^1/_2$ на Ю.-З., мы достигли холма. Объѣхавъ его, мы приняли его сначала за обыкновенный холмъ неправильной формы. Одно вводило въ недоумѣніе — холмовъ кругомъ не было и мѣсто было низкое, луговое. Послѣ тщательнаго осмотра и нарисовавъ фигуру холма, мы убѣдились, что онъ имѣлъ четыреугольную форму. На одномъ углу была платформа, гдѣ помѣщался обонъ; кругомъ него былъ родъ вала или загороди съ воротами. Наконецъ около обона мы нашли осязательныя указанія, что здѣсь были когда-то постройки. Мы нашли нѣсколько массивныхъ пьедесталовъ изъ гранита съ вырѣзанными узорами; одинъ пьедесталъ лежалъ у подножія холма. Затѣмъ въ почвѣ мы еще нашли доказательства бывшихъ жилищъ — это остатки кирпича и обломки большихъ глиняныхъ черепицъ. Все это вмѣстѣ съ планомъ убѣдило насъ, что Дашинъ-Чжилъ былъ остатокъ большого зданія, можетъ быть, лѣтняго ханскаго жилища. Намъ нечего было удивляться этому остатку какого-то зданія, когда и въ сосѣднихъ мѣстахъ мы убѣдились въ существованіи подобныхъ развалинъ. Другихъ древностей въ окрестностяхъ Угей-нора мы не нашли и поэтому начали торопиться въ дальнѣйшій путь.

29-ое и 30-ое іюня посвящены были приготовленіямъ. Мы рѣшились оставить телѣги въ монастырѣ и нанять верблюда, убѣдившись, какое это незамѣнимое животное въ пути. Верблюда мы наняли у брата Оромбо-Гегена, по случаю чего посѣтили его и видѣли мать Гегена, старушку, окруженную почестями и свитой ламъ. Она была богата, все доставлялось къ ея удовольствію. Мы сдѣлали ей подарки и она особенно осталась довольна

французской перчаткой и пестрыми мужскими карпетками. Въ эти дни я совершилъ поѣздку въ юрту одного монгола, оказавшаго намъ услуги. Недалеко отъ Байсыхылына стояла его юрта около озерка Ханкоръ-норъ. Озеро было соленое, бѣлаго цвѣта. Оно представляло образецъ выщелачивающихся озеръ. Ихъ множество въ этой мѣстности и всѣ они носятъ названіе *Цаганов* за свой бѣлый оттѣнокъ. Обмеленіе озеръ въ степяхъ Восточной Монголіи, какъ видно, совершаетъ свой процессъ, какъ и въ Центральной Азіи. Мы наблюдали процессъ такого обмеленія на сибирской низменности. Можетъ быть въ прежнее время и Монголія представляла болѣе бассейновъ, а это облегчало ирригацію и способствовало ея большей населенности. Безводье и засуха создали теперь безлѣсную пустыню и лѣса появляются рѣдко, даже на горахъ. Проѣхавъ съ мѣста стоянки къ Орхону, мы видѣли впаденіе Тамира. Здѣсь мѣстность оживлялась, а берега были покрыты ивой.

1-го іюля мы оставили Угей-норъ, простившись съ монахами и семьей Ромбо-Гегена. Мы вышли съ вьючными лошадьми и верблюдомъ. Совершивъ переправу чрезъ Орхонъ на выдолбленныхъ лодкахъ и переправивъ лошадей вплавь вмѣстѣ съ верблюдомъ, весьма неохотно совершившимъ эту операцію, мы направились по лѣвому его берегу. Теченіе Орхона здѣсь довольно быстро; ширина около 15 саж. Переправа заняла не болѣе $1^1/_2$ минутъ. За переправой мы пошли по равнинѣ, лежащей между Орхономъ и Урту-Тамиромъ. Кромѣ Тамира и Холы въ Угей-норъ впадаетъ *Наринъ*. Наринъ показанъ на картѣ Пѣвцова особой рѣкой, — на самомъ дѣлѣ это протока, соединяющая *Кокшинъ-Орхонъ* съ Угей-норомъ. На картѣ г. Потанина Кокшинъ впадаетъ въ Орхонъ, — на самомъ дѣлѣ онъ впадаетъ въ Холу. Водная сѣть такимъ образомъ около Угея довольно сложная, что и производило до сихъ поръ путаницу въ показаніяхъ. Какимъ образомъ слагаются заблужденія и происходятъ географическія ошибки при разспросныхъ свѣдѣніяхъ — примѣромъ можетъ служить слѣдующее: послѣ переправы, слѣдуя по лѣвой сторонѣ Орхона, мы держались опредѣленнаго направленія и были убѣждены, сообразуясь съ картой, что идемъ по Орхону. Вдругъ, въ одномъ мѣстѣ на вопросъ нашъ какая рѣка вблизи, мы получили отвѣтъ: это течетъ «Бургултай». — А гдѣ же Орхонъ? — Орхонъ далѣе за ней! Итакъ мы были около рѣки, которая не была обозначена на нашихъ картахъ. По мѣрѣ слѣдованія нашего въ этотъ день 1-го іюля и 2-го насъ занимала эта рѣка. Нѣсколько разъ сворачивали съ прямого пути, подъѣзжали. Я видѣлъ протоки, осматривалъ берега и былъ убѣжденъ, что между Орхономъ есть еще рѣка «Бургултай», которая не была извѣстна. Бургултай долженъ быть притокомъ Орхона. Такъ мы прошли около 50 в. — и только потомъ сдѣлали открытіе, что никакого Бургултая нѣтъ, а это

картѣ Клапрота *Talalkho-Khara-Bolgosun*. На другихъ французскихъ картахъ Татаріи и Монголіи (1708—1779) *Tularo, Talarho*. Нѣтъ сомнѣнія, что это измѣненіе одного и того же названія долины.

2-го іюля было самымъ замѣчательнымъ днемъ въ нашемъ пути. Пройдя 15 в. отъ урочища противъ горъ Харатъ и 22 в. отъ переправы чрезъ протоку, мы завидѣли въ долинѣ искомыя развалины, въ видѣ чернѣющихъ валовъ. Трудно было не отличить ихъ. Чтобы не возбудить подозрѣнія раньше времени, мы стали въ юртахъ на нѣкоторомъ разстояніи, версты за $1\frac{1}{2}$ отъ нихъ. Мы предупредили, чтобы люди ничего не говорили въ аулѣ монголамъ о цѣли поѣздки и нашихъ исканіяхъ, не любопытствовали раньше времени. Для монголовъ мы должны быть людьми, проходящими въ Эрдени-Цзу. Остановившись въ аулѣ мы пили чай и старались расположить къ себѣ хозяевъ. Я разспрашивалъ объ охотѣ въ долинѣ, о козуляхъ и часа черезъ два снарядился съ монголомъ Федоромъ на охоту. Настоящая цѣль была поскорѣе видѣть Хара-Балгасунъ. Скрывшись изъ вида отъ аула, мы поскакали по направленію къ развалинамъ. Онѣ состояли изъ глинобитныхъ стѣнъ съ воротами; стѣны разрушены временемъ и дождями; сглаженныя стѣны эти не оставили правильныхъ очертаній и г. Падеринъ, говоря о зубцахъ, принялъ за нихъ неровности, происшедшія отъ разрушенія. Стѣны имѣли пещеровидныя отверстія внутри. Кромѣ парапета или площадки съ одной стороны внутри стѣнъ находится башня и какъ бы остатокъ зданія съ разбросаннымъ камнемъ и кирпичемъ. Остатокъ глинобитной башни на столько возвышенъ, что съ него можно было наблюдать окрестности. Башня была до 60 саж. въ окружности и 6 саж. высоты. Высота стѣнъ отъ 3 до 4 саж. Эта относительная высота башни по отношенію къ стѣнамъ обманула глазомѣръ г. Падерина. Мы нашли около Хара-Балгасуна валы, рядъ глинобитныхъ башенъ или пирамидъ— параллельно стѣнамъ и пришли къ заключенію, что работа изученія развалинъ должна быть болѣе продолжительная. Мы будемъ въ дневникѣ держаться постепенности, съ которой намъ открывались подробности развалинъ. Въ первый день поднявшись на башню мы старались ориентироваться. Развалины въ видѣ большой ограды лежали между Орхономъ и протекавшимъ по долинѣ Джирмантаемъ. Онѣ ближе къ Орхону, чѣмъ къ Джирмантаю. Горы лежатъ за Джирмантаемъ, такъ что около Хара-Балгасуна открывается значительная равнина отъ горъ до Орхона около 6 в. въ поперечникѣ и затѣмъ долина открыта на С. и на Ю. на разстояніи почти 60 в. Съ башни мы могли обозрѣть слѣдующія горы и пріѣзжій монголъ разсказалъ намъ ихъ названія. На З. за Джирмантаемъ противъ насъ лежали горы: *Оботэ*, *Цокота-Уртё*, *Хотондэ* съ омбономъ на вершинѣ, *Эрдени-Ола* съ обономъ, Целбанчи-Обо съ обономъ; на С. видны *Харатэ*, *Ор-*

шонтэ, горы около Угей-нора, *Зара*, *Хото-голъ*, *Тибетъ*; на В. за Кокшинъ-Орхономъ, — *Баинъ-голъ*, *Дурбенъ-сочетъ*, *Урунъ-соютъ*, *Ихе-соютъ*, *Бага-соютъ*; на Ю. горы около Эрдени-Цзу: *Шонхо*, *Курму-Узуръ*, *Томень-Узуръ*. Такимъ образомъ съ высоты дворца, если таковымъ былъ Хара-Балгасунъ, открывалась обширная перспектива на долину. Осмотрѣвъ мѣстность, мы возвратились въ юрты. По дорогѣ я убилъ драхву въ доказательство того, что мы охотились. Привезенная убитая птица возбудила какъ бы отвращеніе монголовъ. Странно было видѣть этотъ инстинктъ брезгливости и жалости у народа еще недавно бывшаго столь кровожаднымъ.

По возвращеніи мы успѣли съѣздить вечеромъ въ гости къ шаману. Этотъ шаманъ представлялъ рѣдкое явленіе среди ламаистовъ; онъ ворожилъ утромъ съ *очиромъ* въ рукѣ, вечеромъ съ бубномъ; подкуривалъ себя и дѣлалъ предсказанія. Въ числѣ шаманскихъ принадлежностей онъ имѣлъ кусочекъ бронзоваго зеркала, найденнаго въ могилѣ, которымъ очень дорожилъ.

3-го іюля мы разстались съ хозяевами юрты и пошли по дорогѣ къ Эрдени-Цзу, но свернули, поровнявшись съ Хара-Балгасуномъ, и вошли въ ворота развалинъ. Пока насъ не увидѣли монголы, мы торопились сдѣлать съемку развалинъ, осматривали стѣны. Г. Падеринъ, осматривая развалины, видѣлъ рытвины, гдѣ скопляется дождь, но мы, разсматривая неровности почвы, нашли, что эти неровности носили правильный и симметричный характеръ. Мѣстность около вполнѣ опредѣленныхъ стѣнъ была покрыта вдобавокъ валами, четыреугольными возвышеніями, а валяющаяся черепица, кирпичъ и плиты гранитовъ въ видѣ пьедесталовъ, кубовъ, полукруговъ доказывали, что мы находились около мѣстъ, гдѣ когда-то было множество построекъ и травянистый покровъ прикрываетъ остатки многолюднаго города. Остатки тянувшихся валовъ были правильны и шли на большое разстояніе. За 500 шаговъ шли поперечные валы, а затѣмъ длинный валъ. Число шаговъ на протяженіи всего вала, какое мы могли сосчитать, равнялось 3070, послѣ чего валы исчезали. Это была или ограда, или укрѣпленіе. Все это убѣждало, что мы находимся около грандіозныхъ развалинъ. Марко-Поло считалъ Каракорумъ въ 3 мили въ окружности, китайцы въ 5. Рубрюкъ сравниваетъ его съ предмѣстьемъ С.-Дени. Но всѣ эти разстоянія были глазомѣрныя. Мѣстность была степная, ровная, гдѣ разстоянія скрадываются. Намъ приходилось исчислять ихъ глазами и ходомъ лошади. До горъ отъ Хара-Балгасуна было до Джирмантая 5 в., до Орхона всего $1\frac{1}{2}$ в., а не 6 и 8, какъ обманулся г. Падеринъ. Мы перешли въ этотъ день въ юрты на берегъ Орхона. Юрты были бѣдны и грязны, но близость ихъ облегчала намъ ежедневно дѣлать экскурсіи. Въ этотъ день наши работы на развалинахъ были прерваны появленіемъ въ долинѣ двухъ табуновъ дикихъ козъ. Это

возбудило охотничьи инстинкты нашего переводчика Федора. Ажитація была такъ велика, что я верхомъ также послѣдовалъ за нимъ. Я нѣсколько разъ стрѣлялъ изъ берданки, догоняя козъ, и усталый возвратился, ранивъ одну козу. На другой день монголы нашли ее убитой, но намъ не возвратили. У новыхъ хозяевъ мы узнали, что прошлую ночь мы провели у извѣстнаго конокрада. Каждую ночь по выѣздѣ изъ Кяхты наши люди караулили лошадей и все обходилось благополучно. Работники для устрашенія стрѣляли изъ ружей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насъ предостерегали. Обыкновенно лучше привлекать къ караулу и хозяевъ юрты, но они берутся неохотно. На Орхонѣ есть обычай, что хозяева юрты отвѣчаютъ, если скотъ угонятъ. Это побуждаетъ многихъ отказываться отъ гостепріимства, въ путешественникахъ же оставляетъ непріятныя воспоминанія. Мы также испытывали подобные отказы.

4-го іюля. Ночь была дождливая. Орхонъ поднялся, теперь онъ былъ въ этомъ мѣстѣ шириною до 30 саж. Въ ночь съ 3-го на 4-е я слышалъ, какъ бушевалъ Орхонъ. Мы перенеслись въ юрту и спали съ хозяевами и овцами. Днемъ, когда пересталъ дождь, снова отправились въ нашу экскурсію; снимали планъ, пробовали рыться внутри развалинъ дворца, находили черепицу, разные обломки, но, не смотря на взятыя лопаты, не могли дѣлать настоящихъ раскопокъ. Монголы сторожили насъ и, пріѣзжая, сидѣли цѣлые часы, наблюдая, что мы дѣлаемъ въ развалинахъ. Подозрѣніе монголовъ основывалось на томъ предположеніи, что русскіе пріѣзжаютъ искать золота и могутъ увезти какой-нибудь кладъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое другое мнѣніе могли составить себѣ полудикари о людяхъ, которые бродили, присматривались къ почвѣ, что-то мѣрили и т. д. Мы же жалѣли, что въ этомъ мѣстѣ, несомнѣнно сохраняющемъ подъ внѣшнимъ покровомъ почвы какіе нибудь историческіе обломки, мы не могли и не имѣли средствъ производить раскопки. Убѣдившись, что здѣсь былъ городъ и обширное населеніе, насъ уже занимали детали. Мы задавались вопросомъ, какимъ образомъ устроено было водоснабженіе къ дворцу, присматривались къ гранитнымъ обломкамъ, которые составляли остатокъ какихъ-то видныхъ сооруженій. Наше вниманіе обратила особенно группа гранитныхъ обломковъ, лежавшихъ въ 600 шагахъ отъ дворца около какихъ-то валовъ и возвышеній. Это были гранитные камни. Присмотрѣвшись, мы увидѣли на нихъ высѣченные барельефы и вскорѣ различили китайскаго Лу или типическаго дракона; рядомъ мы нашли его голову. Обломки доказали, что это было изваяніе обелиска или монумента, гдѣ по закругленной части было сдѣлано три дракона съ каждой стороны, т. е. справа и слѣва они сходились головами книзу. Половина этого щита уцѣлѣла и взглянувъ на него, къ изумленію мы увидѣли здѣсь изображеніе знакомыхъ руническихъ

знаковъ, которыми испещрены енисейскіе могильники. Затѣмъ на другихъ обломкахъ мы нашли, кромѣ тѣхъ же знаковъ, китайскія надписи и какъ бы монгольскія, на самомъ же дѣлѣ оказавшіяся уйгурскими. Такимъ образомъ это были уже не просто мертвые обломки, не мусоръ и кирпичъ, а нѣчто болѣе, могущее бросить свѣтъ на существовавшій городъ и историческія событія. Все это придало энергіи нашимъ изысканіямъ и подтвердило, что кромѣ кирпичей должно было уцѣлѣть что-нибудь еще. Объяснивъ значеніе этихъ надписей и драгоцѣнность для археологовъ и ориенталистовъ, я нашелъ въ С. А. Пирожковѣ дѣятельнаго помощника и сотрудника въ копированіи ихъ. Фотографіи къ сожалѣнію у насъ не было. Дождь и непогода помѣшали намъ въ этотъ день заниматься копировкой. Мы возвратились въ юргу къ нашимъ хозяевамъ. При всемъ упрямствѣ монголовъ не давать никакихъ объясненій о развалинахъ, мы узнали, что преданія говорятъ о томъ, что этотъ дворецъ или жилище принадлежало Огатаю (котораго считаютъ богомъ и героемъ), а также Тогонъ-Темиръ-Хану. Мы должны прибавить, что не убѣждены въ томъ, что монголы помнятъ Оготая, сына Чингиза. Ламы придаютъ болѣе значенія Абатай-Хану, какъ буддисту и святому. Предшествовавшая исторія слабо сохранилась въ памяти монголовъ. Но преданіе о Тогонъ-Темиръ-Ханѣ весьма опредѣленно сохраняютъ въ долинѣ Далалха-Тала. Про обломки гранитовъ говорятъ, что этотъ памятникъ когда-то былъ цѣлъ, но его разбило громомъ. Тутъ же были будто бы изображенія животныхъ—льва и тигра. Среди барельефовъ мы нашли дѣйствительно туловище какъ-бы льва съ когтями, служившаго пьедесталомъ. Такимъ образомъ постепенно увеличивались свѣдѣнія наши о памятникахъ около развалинъ. Вечеромъ, сидя въ юртѣ и приготовляясь ко сну среди самой грязной и непривлекательной обстановки вмѣстѣ съ баранами и ягнятами, загнанными непогодой, мы получили новыя любопытныя свѣдѣнія, а именно хозяйка-монголка передала въ разговорѣ по поводу развалинъ, что въ долинѣ на оз. Цаганъ-норъ есть другія развалины дворца Ханши Тойтенъ, что маленькими дѣтьми они играли здѣсь и собирали цвѣтную черепицу (глазированную), что тамъ стоятъ гранитные камни. Слышала она, что это была жена Огатая; къ этому дворцу вела дорога отъ дворца Хара-Балгасуна. Теперь на этомъ мѣстѣ ея могила. Та же монголка передавала, что въ Эрдени-Цзу есть левъ и собака, подстрѣленная Абатай-Ханомъ. Вообще монголка была откровеннѣе мужа-монгола, который все время хранилъ упорное молчаніе. Узнавъ еще о древностяхъ, мы были обрадованы и я съ вечера сказалъ переводчику, что завтра мы поѣдемъ на Цаганъ-норъ. Эти развалины, какъ я вспомнилъ, были упомянуты въ дневникѣ Г. Н. Потанина,—ему о нихъ говорилъ монголъ. Такимъ образомъ здѣсь открывалось все болѣе и болѣе древностей. Воображеніе невольно работало, вос-

крещая картину прошлой жизни и исторической Монголіи. Мы сознавали, что стоимъ у разгадки того, что занимало ученыхъ оріенталистовъ. Мы не могли не испытывать волненія и пріятнаго трепета, который ощущается наканунѣ ученыхъ открытій, и эти блаженныя минуты нравственнаго удовлетворенія заставляютъ забывать и грязныя юрты, и грубую обстановку, и лишенія дальнихъ путешествій.

5-го іюля. День былъ жаркій; мы оставили нашихъ товарищей за работой въ Хара-Балгасунѣ, а самъ я собрался съ Федоромъ въ новую экскурсію. Мы выѣхали въ 3 часа, проѣхали вдоль валовъ около Хара-Балгасуна и направились на сѣверъ. Проѣхавъ болото и перейдя вбродъ Джирманту, мы поровнялись съ горами, окружающими долину, и въ одной верстѣ отъ горъ къ Цаганъ-нору, натолкнулись на насыпи четыреугольнаго вала, которыя были видимо остаткомъ построекъ. Валъ заключалъ четыреугольникъ по 200 шаговъ каждая сторона, въ срединѣ была насыпь въ 55 шаг. каждая сторона, насыпь какъ-бы фундаментъ зданія высотою $1\frac{1}{2}$ арш.; все это покрыто травянымъ покровомъ. Развалины направлены къ С.-В. на урочище Эндырь-даба. Около были слѣды ямъ; мы нашли черепицы отъ постройки въ 18 и 25 саж. длины. Въ полу-верстѣ далѣе снова былъ четыреугольный валъ съ холмомъ по срединѣ. Въ этомъ мѣстѣ мы встрѣтили старика-ламу, который, справившись о цѣли нашей поѣздки, пригласилъ насъ заѣхать ночевать къ нему и обѣщалъ разсказать о развалинахъ и древностяхъ. Поблагодаривъ за приглашеніе, мы передъ закатомъ солнца достигли развалинъ, лежавшихъ на возвышеніи или холмѣ надъ озеромъ. Но озеро Цаганъ-норъ было сѣвернѣе. Мы нашли три другихъ озера *Хунте-норъ*, *Хенхе-норъ* и *Хубро-норъ*. Мѣстность представляла болотистую равнину. На озерахъ была масса дичи. Развалины дворца ханши были въ 15-ти верст. отъ Хара-Балгасуна. Теперь уцѣлѣлъ плоскій четыреугольный холмъ въ 57—60 шаговъ нижняя сторона; высота его $1\frac{1}{2}$ саж. По срединѣ сложенъ обонъ изъ камней. По насыпи видно, что здѣсь была четыреугольная постройка со входомъ; зданіе на горѣ приходилось на NW; входъ на O.-S. При входѣ и на четырехъ углахъ насыпи остались четыреугольные гранитные столбы или пьедесталы высотою въ 95 сант. въ ширину, 91 сант. у подножія и 52 вверху. По обѣ стороны главнаго зданія расположены были какъ-бы два барельефа или бесѣдка въ 19 шаг. длины. По угламъ остались четыреугольныя плиты или пьедесталы въ 104, въ 107 и 112 сант. каждая сторона. Въ срединѣ находились отверстія въ 31 и 32 сант., какъ-бы для прикрѣпленія колоннъ. Въ 90 шагахъ отъ этихъ барельефовъ, на краю горы былъ рядъ насыпей — остатокъ зданій, можетъ быть службъ и жилищъ свиты. Это были четыреугольныя насыпи въ 35 шаг. сторона. Мы сняли планъ этихъ насыпей, чтобы дать пред-

ставленіе о расположеніи построекъ. Видно, что онѣ были не обширны, но изящны, чему служитъ подтвержденіемъ и остатокъ прекрасной эмалированной черепицы, украшавшей зданіе. Съ холма открывался живописный видъ на озеро и долину Джирманты, далеко извивающуюся; съ другой стороны видъ на горы. Эта романтическая мѣстность, какъ видно, была искусно выбрана для дворца царицы, она же служила вѣроятно и охотничьимъ замкомъ хана, наслаждавшагося здѣсь охотой. Преданіе говоритъ, что *Тойтенъ* значитъ красавица; она была любимою женою хана Огатая или Тимура, который построилъ здѣсь лѣтній дворецъ. Во время жаровъ она выходила къ озеру, гдѣ сдѣланъ былъ для нея помостъ (купальня?). Когда она умерла, ее положили въ этомъ дворцѣ; потому здѣсь стоитъ обонъ. Къ какому времени относится этотъ памятникъ трудно сказать, а такъ же и на сколько вѣрно преданіе. У Чингиза было 4 орды и въ каждой жила ханша. Чанъ-Чунь упоминаетъ о царевнѣ изъ дома Ся. Менке-ханъ имѣлъ любимую женунесторіанку, какъ упоминаетъ Рубрикисъ. Послѣ Огатая 5 лѣтъ правила ханша Туракина и послѣ Гаюка вдова императрица. Ханши играли, какъ видно, значительную роль. О Темиръ-Ханѣ говоритъ преданіе, что онъ имѣлъ жену олётку, которая жила въ Хара-Балгасунѣ.

На возвратномъ пути съ озеръ мы заѣхали къ ламѣ Максверу, пригласившему насъ, и ночевали у него. На утро онъ обѣщалъ намъ показать могилы на Хара-Оботѣ и обонъ на горѣ Хотондѣ.

9-го іюля мы поѣхали съ нимъ въ горы. Поднявшись на гору Оботъ, мы увидѣли на склонѣ керексуръ. Довольно сложный четыреугольникъ, по сторонамъ кольца и квадраты изъ камня. У подножія горы *Хотондъ* или Хотонде было 20 штукъ маленькихъ *керексуровъ* круглой формы. По мѣрѣ подъема, мы остановились у ключа Хомохе-Худукъ. Затѣмъ продолжали подъемъ. Керексуры тянулись до самыхъ почти вершинъ Хотонда—горы, царящей надъ всей мѣстностью. Могильники были съ стоячими камнями. Существованіе здѣсь керексуровъ было важно констатировать. Разсѣянные до русскихъ границъ въ Восточной Монголіи, они занимали долину Орхона и были въ сосѣдствѣ съ Хара-Балгасуномъ. Мы видимъ во-первыхъ, что они принадлежали народу, привыкшему къ горнымъ высямъ и существовавшему въ мѣстахъ, гдѣ жили монголы. На горѣ Хотондъ воздвигнутъ также значительный обонъ или башня въ 3 саж. высоты, восьмиугольный въ 8 шаговъ каждая сторона. Онъ былъ воздвигнутъ, какъ говоритъ преданіе, Темиръ-Тогонъ-Ханомъ. Съ высотъ Хотонда открывается панорама на всю мѣстность и долину Орхона и Джирманты. Отсюда мы легко могли разсмотрѣть вершины множества горъ. Около Хотонда лежала гора *Эрдени-Ола*, сопка *Олонъ-Добно-Энгиръ*. Къ сѣверу на горизонтѣ тянулись вершины: *Хотоюкъ*, *Уха*, *Онюцекъ-Уле*, *Цаганъ-Ханъ*, *Дуланъ-Харъ*; къ югу ле-

жали *Баинъ-Голъ*, *Темень-Кузу*, *Уюкъ-Худжиръ-Голъ*, *Цаганъ-суму-голъ*, *Обуреніенъ*. Спустившись съ Хотонда между двухъ горъ, Огомиртомъ и Эрдени-Ола, стоявшихъ подлѣ Хотонда, при спускѣ въ долину мы увидѣли валы и остатки строеній. Площадь, занимаемая ими, была 300 саж. Возвышеніе холмовъ отъ зданій доходило до $1\frac{1}{2}$ саж. высоты; валы или стѣны, окружавшія зданія, до 60 шаговъ въ одну сторону; въ загородкахъ находились холмы, ямы, затѣмъ стояло множество отдѣльныхъ фундаментовъ изъ щебня и дикаго камня; вездѣ попадались кирпичи и шлаки. Видно, что у подножія горъ была какая-то слобода. Можетъ быть она была слободою ремесленниковъ; такія слободы упоминаются близъ Каракорума и существовали со временъ Чингизъ-Хана. Опять это доказывало, что долина Далалха-Тала была усѣяна населеніемъ и была центромъ, гдѣ населеніе было наиболѣе многочисленно. Это могло быть только около большого города или столицы. Сдѣлавъ большой подъемъ и спустившись съ горъ, мы сдѣлали 40 в. и возвращались въ лагерь. Лама, бывшій проводникомъ, сопутствовалъ намъ. Онъ разсказывалъ, что въ долинахъ на день и на два пути есть еще керексуры и былъ одинъ керексуръ даже съ буквами на камняхъ. Все это указываетъ, что въ долинѣ этой должны быть сдѣланы еще дальнѣйшія изысканія.

7-го іюля мы оканчивали работы на Хара-Балгасунѣ. Планъ мѣстности былъ почти готовъ. Мы сами изумились размѣрамъ, которые занимали эти валы. Валы эти шли до 3 в. въ длину. Не разъ въ объѣздъ мы убѣждались, что валы эти простирались не на меньшее пространство. Миновать ихъ можно было только чрезъ полчаса скорой ѣзды рысью. Городъ былъ расположенъ на В. къ Орхону и на Ю. къ горамъ. Западныя горы были на разстояніи 6 верстъ, гдѣ была и слобода. 7-го іюля мы продолжали измѣрять и зарисовывать части каменнаго обелиска. Обломки занимали 90 шаг., равнялись 30 шаг. въ длину и 40 шаг. въ ширину. Обломковъ было 36; нѣкоторые доходили до 119 саж. въ длину и 95 саж. высоты. Скоро мы открыли извилистое русло; можетъ быть здѣсь было орошеніе и каналы. Этотъ каналъ шелъ къ югу изъ Джирманты. Мѣстность здѣсь понижалась. Каналъ простирался до 3-хъ верстъ. Долина и ровная мѣстность позволяла распредѣлять воду арыками. Заканчивая работы, на другой день мы рѣшились поспѣшить съ поѣздкой въ вершины Джирмантая и Орхона, безъ чего экспедиція не исполнила бы вполнѣ своей задачи.

саннымн такъ называемые *терменъ-чоло*, — гранитныя подставки или пьедесталы для жернововъ, родъ тумбы. Они были испещрены продольными полосами, на верху находилось отверстіе для прикрѣпленія жернововъ. Высота подобныхъ тумбъ 68 с., діаметръ въ разрѣзѣ 53 с., отверстіе четыреугольное 9 с. Самые жернова исчезли, но образцы ихъ мы видѣли на развалинахъ въ обломкахъ; иногда они имѣютъ два отверстія и болѣе; одно для прикрѣпленія по оси, другое по краю для привода или веревки. Они также изукрашены полосами, показывающими, что земледѣльцы были и эстетики. Кромѣ того въ долинѣ валялись и *було*, гранитные катки для молотьбы или прокатыванья по хлѣбу, длин. 77 с., въ діаметрѣ 51, отверстіе 10 с. Эти *було* мы видѣли такъ же и въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Орхона. О существованіи пашенъ на Орхонѣ упоминаютъ путешественники, какъ Чанъ-Чунь, и сохранился китайскій памятникъ, надпись съ котораго снята. Они показываютъ, что здѣсь имѣли пашни и китайцы. Переѣхавъ Хара-Худжиръ, а затѣмъ Джирманту, мы увидѣли на сѣверной, лѣвой сторонѣ Джирманты памятникъ изъ камня съ закругленіемъ вверху, вставленнымъ въ пьедесталъ съ китайской надписью. Онъ находится у подножія горы Тула-Шонхо. Въ долинѣ между Шонхо и г. Обогентъ стоитъ маленькій курень Эрдени-Куйсенъ, курень, въ который мы не заѣзжали. Остановившись въ 3 часа по полудни у юртъ, чтобы напиться, мы поспѣшили вверхъ по Джирмантѣ. По лѣвому берегу горы нѣсколько отступили. По правую сторону стояли *Булона-Нуру*, *Гоюгри-Ундыръ*, по лѣвую *Зартэ* и *Баинъ-Ундыръ*. 4 ч. 35 м. открывается горное плато, вдали показались лѣсистыя горы. По дорогѣ на берегу Джирманты на склонѣ горы встрѣтили четыреугольный керексуръ съ наугольниками изъ камней. Въ 5 ч. совершили переправу вбродъ чрезъ *Кусейнъ-Голъ*, притокъ Джирманты слѣва. Рѣка протекала около горъ *Баинъ-Хаирханъ*. Далѣе двигались по горному плато; вдали видны горы *Ихе-Темуръ* на лѣво и *Сартынъ-Обо* на право. 7 ч. *Обуреніенъ*. Поднялись на перевалъ, откуда открывался прекрасный видъ на альпійское плато. По долинѣ извивался Кусейнъ-Голъ и видно было альпійское озеро (Цецекъ-Норъ). Плато покрыто альпійскими эдельвейсами. Видны горы, покрытыя древесною растительностью по скатамъ. Впереди горы *Ихе-Темуръ*. На перевалѣ мы встрѣчаемъ керексуръ-четыреугольникъ, 28 арш. каждая сторона; стоячіе камни въ срединѣ высотою 113 с. Могильникъ высотою 2 арш. Послѣ перевала снова спустились къ Джирмантѣ и подъѣхали къ юртамъ монголовъ. Все время по пути попадались юрты и аулы. Значительная часть монголовъ избрали Джирманту для лѣтовокъ и въ этотъ сезонъ рѣка представляетъ оживленный видъ. Кочевники и юрты покрывали ее до верховьевъ. Въ $8^1/_2$ ч. мы поднялись на перевалъ *Ханцханъ-Модонъ-даба*. Мѣстность была высокая до 4000 ф. минимумъ. Съ перевала

саннымн такъ называемые *термень-чоло*, — гранитныя подставки или пьедесталы для жернововъ, родъ тумбы. Они были испещрены продольными полосами, на верху находилось отверстіе для прикрѣпленія жернововъ. Высота подобныхъ тумбъ 68 с., діаметръ въ разрѣзѣ 53 с., отверстіе четыреугольное 9 с. Самые жернова исчезли, но образцы ихъ мы видѣли на развалинахъ въ обломкахъ; иногда они имѣютъ два отверстія и болѣе; одно для прикрѣпленія по оси, другое по краю для привода или веревки. Они также изукрашены полосами, показывающими, что земледѣльцы были и эстетики. Кромѣ того въ долинѣ валялись и *було*, гранитные катки для молотьбы или прокатыванья по хлѣбу, длин. 77 с., въ діаметрѣ 51, отверстіе 10 с. Эти було мы видѣли такъ же и въ $1^1/_2$ верстѣ отъ Орхона. О существованіи пашенъ на Орхонѣ упоминаютъ путешественники, какъ Чанъ-Чунь, и сохранился китайскій памятникъ, надпись съ котораго снята. Они показываютъ, что здѣсь имѣли пашни и китайцы. Переѣхавъ Хара-Худжиръ, а затѣмъ Джирманту, мы увидѣли на сѣверной, лѣвой сторонѣ Джирманты памятникъ изъ камня съ закругленіемъ вверху, вставленнымъ въ пьедесталъ съ китайской надписью. Онъ находится у подножія горы Тула-Шонхо. Въ долинѣ между Шонхо и г. Обогентъ стоитъ маленькій курень Эрдени-Куйсенъ, курень, въ который мы не заѣзжали. Остановившись въ 3 часа по полудни у юрть, чтобы напиться, мы поспѣшили вверхъ по Джирмантѣ. По лѣвому берегу горы нѣсколько отступили. По правую сторону стояли *Булонъ-Нуру*, *Гоцогри-Ундыръ*, по лѣвую *Зартэ* и *Баинъ-Ундыръ*. 4 ч. 35 м. открывается горное плато, вдали показались лѣсистыя горы. По дорогѣ на берегу Джирманты на склонѣ горы встрѣтили четыреугольный керексуръ съ наугольниками изъ камней. Въ 5 ч. совершили переправу вбродъ чрезъ *Кусейнъ-Голъ*, притокъ Джирманты слѣва. Рѣка протекала около горъ *Баинъ-Хаирханъ*. Далѣе двигались по горному плато; вдали видны горы *Ихе-Темуръ* на лѣво и *Сартынъ-Обо* на право. 7 ч. *Обуреніе*. Поднялись на перевалъ, откуда открывался прекрасный видъ на альпійское плато. По долинѣ извивался Кусейнъ-Голъ и видно было альпійское озеро (Цецекъ-Норъ). Плато покрыто альпійскими эдельвейсами. Видны горы, покрытыя древесною растительностью по скатамъ. Впереди горы *Ихе-Темуръ*. На перевалѣ мы встрѣчаемъ керексуръ-четыреугольникъ, 28 арш. каждая сторона; стоячіе камни въ срединѣ высотою 118 с. Могильникъ высотою 2 арш. Послѣ перевала снова спустились къ Джирмантѣ и подъѣхали къ юртамъ монголовъ. Все время по пути попадались юрты и аулы. Значительная часть монголовъ избрали Джирманту для лѣтовокъ и въ этотъ сезонъ рѣка представляетъ оживленный видъ. Кочевники и юрты покрывали ее до верховьевъ. Въ $8^1/_2$ ч. мы поднялись на перевалъ *Ханцханъ-Модонъ-даба*. Мѣстность была высокая до 4000 ф. минимумъ. Съ перевала

видно было альпійское плато и озеро. Озеро это носило названіе *Цецекъ-Норъ* [1]). На западѣ его окружали горы *Ихе-Темуръ*, покрытыя лѣсомъ, и Сертынъ-Обо съ обономъ на вершинѣ. Полюбовавшись прекрасной панорамой горнаго озера, мы поспѣшили направиться къ Джирмантѣ, такъ какъ уже темнѣло. Федоръ, благодаря своему чутью монгола, вывелъ насъ къ Джирмантѣ къ юртамъ. Здѣсь жили монголы, невидавшіе русскихъ, и сначала перепугались, но скоро мы ихъ успокоили и угостили.

9-го іюля. Въ 6 ч. утра отправились въ путь. Хитинъ-голъ впадаетъ въ Джирманту слѣва. Истокъ р. Хитъ на правой сторонѣ; къ югу горы *Улана-Шонхо* и *Улана-Чоло*. Проѣхали долину, переѣхали р. Джиргалынъ, впадающую въ Джирманту справа. На право горы Дельгиръ-боренъ и вдали показался величественный голецъ *Субурга-Хайрхана*, который намъ впослѣдствіи послужилъ точкою, къ которой мы стремились. Въ 11 ч. мы остановились на правомъ берегу Джирманты у *Горячихъ ключей*. Близъ этихъ горячихъ минеральныхъ ключей мы встрѣтили ламъ-монголовъ, которые завѣдывали ваннами. На этомъ мѣстѣ стояло 3 юрты, одна маленькая кумирня и 10 ваннъ съ надстройками или срубами довольно жалкаго вида. Вода текла изъ ручьевъ, вся мѣстность была покрыта красной окисью и реакціей, доказывающей, что ручьи желѣзистые. Вкусъ воды непріятный, температура возвышенная и доходитъ до кипятка, такъ что рука не выдерживаетъ. Лѣчатъ здѣсь ламы отъ внутреннихъ болѣзней и переводятъ больного постепенно изъ ванны въ ванну. Осматривая ключи, мы нашли здѣсь замѣчательные обломки изъ гранита, показывающіе, что здѣсь были солидныя сооруженія и цистерны. Между прочимъ мы видѣли гранитный желобъ: плита 174 сант. длины, 30 с. высоты и 13 с. ширины, желобное углубленіе 13 с. Затѣмъ здѣсь же лежалъ гранитный пьедесталъ, круглый съ тремя отверстіями: одно въ срединѣ и 2 по бокамъ. Онъ былъ довольно изящной работы съ бордюромъ. Не можетъ быть, чтобы эти минеральные ключи не были извѣстны древнимъ монголамъ, и есть вѣроятность догадываться, что здѣсь были ханскія ванны. Нынѣ близъ ключей стоятъ субурганы, ламайскіе значки и обоны на горахъ. На долинѣ стоитъ небольшой монастырь *Дзаасыкина-Курень*. Вдали въ долинѣ мы замѣтили развалины и направились къ нимъ. Это были черныя земляныя стѣны, подобныя Хара-Балгасунскимъ. Кругомъ мы увидѣли ровъ и стѣны. Каждая сторона вала равнялась 350 шагамъ. Постройка стѣнъ была глинобитная сажени въ 3 высоты. Наверху стѣны разрушились и представляли зубцы; внутри

1) По нѣкоторымъ историческимъ даннымъ Китайской Исторіи, на какомъ-то озерѣ, покрытомъ нефюарами или кувшинками, стоялъ дворецъ. См. Географ. Свѣдѣнія Мэнъ-гу-ю-му-цзи.

строевій не было, но видны возвышенія и валы, гдѣ находились внутри постройки. Былъ ли это дворецъ или монастырь — трудно сказать. Тотчасъ около вала лежитъ большой круглый керексуръ, обложенный четыреугольникомъ изъ камней, 85 шаг. каждая сторона. Сдѣлавъ описаніе развалинъ, мы начали хлопотать о пріисканіи проводника въ вершины Орхона. Джирманта скоро кончилась. Собравъ около сосѣднихъ монголъ, мы нашли проводника за плату 1 р. серебряный въ день. Договоръ состоялся не безъ труда. Кочевавшій здѣсь монгольскій родовой начальникъ совершенно отказалъ намъ въ рекомендаціи надежнаго человѣка. Уговоривъ монгола сами около развалинъ, мы поѣхали къ нему въ юрту, гдѣ и сдѣлали розыскъ, затѣмъ направились далѣе въ вершины. Отъѣхавъ версты 3 отъ кумирни, мы встрѣтили до 8 керексуровъ чрезвычайно причудливой формы по сопутствующимъ камнямъ. Два керексура иногда соединялись рядомъ камней, какъ бы цѣпью на 46 шаг., или встрѣчался керексуръ съ идущей аллеей камней въ два ряда въ 80 шаг. Керексуры состояли изъ сланцевъ, камни доходили до 2 арш. Мы убѣдились въ концѣ, какое множество керексуровъ покрывало вершины Джирманты по Цаганъ-Суму и Кокъ-Суму или Хохе-Суму. Мы слѣдовали теперь по обширному плоскогорью въ вершинахъ Джирманты. На правой сторонѣ рѣки выступали горы *Арцыта* и *Байшитэ-Улитэ*, покрытыя густыми рощами. Лѣсная растительность распозагалась по сѣверную сторону. По плоскогорью въ вершинахъ Джирманты тянулась большая дорога къ Орхону. Дорога была четырехколейная, по ней возили лѣсъ въ дацаны. Но дорога, какъ оказалось, была древняя и шла до вершинъ Орхона. Джирманта начала течь извилинами, и поднимаясь выше по склонамъ горъ, мы встрѣчали цѣлыя гранитныя пирамиды около ауловъ. На нихъ взбирались маленькіе монголы и дивовались на нашъ поѣздъ. Часовъ въ 8 мы остановились въ вершинахъ Джирманты на урочищѣ *Цаганъ-Суму*, при впаденіи этого притока. Здѣсь около послѣднихъ юртъ въ сырой альпійской долинѣ мы нашли еще развалины зданія или сооруженія; оно было овальной формы и состояло изъ двухъ частей. Холмъ былъ въ 31 саж. длиною и 21 с. шириною; на немъ найдена черепица, кирпичъ прекраснаго обжога и гранитная плита въ 50 саж. длины. Дальше въ нѣсколькихъ шагахъ около остатка круглаго зданія, носившаго слѣды ямокъ по бокамъ, мы открыли громадный жерновъ изъ гранита. По величинѣ онъ равнялся 144 сант. въ діаметрѣ; толщина его была 38 сант., глубина средняго отверстія — 24 сант. и квадратныя стороны въ 16 сант. Несомнѣнно, что здѣсь была какая-то грандіозная мельница. На урочищѣ мы остановились на ночлегъ. 10-го іюля. Встали въ 5 ч. утра и приготовились къ поѣздкѣ на Орхонъ. Я просилъ проводника во что бы то ни стало привести насъ въ вершины Орхона, къ истокамъ его, хотя бы намъ пришлось ѣхать

безъ отдыха, и онъ исполнилъ это. День выпалъ трудный. Въ 6 час. мы сидѣли на лошадяхъ и выѣхали, взбираясь на перевалъ горъ, отдѣляющихъ Цаганъ-Суму отъ *Цицерлика* — притока Урту-Темира. Съ перевала *Ганцмодотына-дабана* видны были вершины горъ, покрытыя лиственницей и кедромъ. На западѣ открылась вершина *Суджина*. Вдали показалась опредѣленно вершина Субуръ-Хайрхана, поднимавшаяся надъ всѣми другими вершинами. На ней уже издали опредѣлялись три снѣжныхъ пятна; у подножія была лѣсная полоса; на Сѣв. видна была каменистая цѣпь хребта Бурдъ; у подножія Бурда, говорятъ монголы, лежитъ монастырь Та-дласыкъ-ги-Курень. Въ немъ до 100 монаховъ, и до 400 ламъ пріѣзжаютъ сюда въ праздники. На право гора *Сенкри-голъ* и на горизонтѣ *Ямолыхъ-Гильёръ*. Видна прекрасная панорама горъ. Мы переѣхали рѣку Баинъ-Булакъ, впадающую въ Цицерликъ справа, и начали подниматься на перевалъ Суджинъ-Дава, отдѣляющій Баинъ-Булакъ отъ Цицерлика. Долина *Баинъ-Булака* была уже покрыта богатой альпійской растительностью, начинались альпійскіе луга. На Суджинъ-Давапѣ мы были въ $7^{3}/_{4}$ ч. утра, т. е. проѣхавъ верстъ 10, принимая во вниманіе подъемы. Съ перевала открывалась долина Цицерлика, за нею горы Цицерликъ; слѣва въ Цицерликъ впадаетъ *Шердегина-голъ*. Въ 8 ч. мы остановились у послѣдней юрты на Цицерликѣ; далѣе кочевьевъ нѣтъ и начинаются альпы. Мы переѣхали чрезъ Цицерликъ; альпійскіе луга были въ полной красѣ; изъ цвѣтовъ попадались горная астра, альпійскій желтый макъ, колокольчики, дикій лукъ и огромныя сочныя зонтичныя растенія. При переѣздѣ чрезъ Цицерликъ — живописная долина: начинаются лѣса березы, лиственницы. Мы ѣдемъ почти паркомъ. Переѣзжаемъ чрезъ Наринъ-Хамаръ-голъ, впадающій слѣва въ Цицерликъ, и слѣдуемъ по нему среди той же альпійской растительности — зонтичныя огромнаго размѣра. Наконецъ Наринъ-голъ кончается; мы слѣдуемъ по рѣчкѣ Могоенъ-голъ, которая впадаетъ въ Наринъ-Хамаръ-голъ. 11 ч. мы слѣдуемъ вверхъ по горному ручью Могай; потянулись каменныя болота. Въ одномъ мѣстѣ Могай дѣлаетъ небольшой водопадъ. Подъемъ на перевалъ довольно пологій $^{3}/_{4}$ часа. Въ вершинѣ его видны валуны гранита. По перевалу *Могайту* видна старая дорога. На перевалѣ были въ $11^{1}/_{4}$ ч., при чемъ открывался видъ на Цаганъ-Хайрханъ; на востокъ на лѣво отъ Ханрхана указали намъ гору *Уртёхъ*, наконецъ гора *Коту*. Въ этой полосѣ лиственницы стояли уже среди гранитныхъ обнаженій. Къ высотамъ онѣ по немногу исчезаютъ, такъ что сосѣднія сопки безлѣсны и полоса лѣсной растительности можетъ здѣсь считаться оконченной. Высота этихъ мѣстъ должна быть между 6 и 7000 ф. Травянистая растительность: сочныя зонтичныя растенія, выдаются цвѣты астра и старовлубка. Переѣхавъ по перевалу, мы начали спускаться въ Ор-

хону. При перевалѣ мы переѣхали лѣсную полосу. Поворама была альпійская. Лѣса сбѣгали со скатовъ горъ. Вершины Хаирхана все болѣе и болѣе выдвигались на высотѣ подъ пятнами снѣга. Я давно замѣтилъ складку, къ которой спускалась крутая стѣна. Изъ за горъ по долинѣ среди гранитовъ вытекалъ Орхонъ, извиваясь лентой. Съ 2 часовъ мы начали спускаться къ Орхону по крутому спуску; скалы были усѣяны гранитомъ. Наконецъ, послѣ труднаго пути въ самый жаръ очутились на берегу Орхона и напились въ первый разъ. Орхонъ состоялъ изъ двухъ истоковъ, каждый въ 2 саж. Соединившись, онъ составлялъ рѣку саж. въ 8. Мѣстность была живописна, зелень украшала долину; на склонахъ стояли хвойные лѣса. Проводникъ рѣшился однако выполнить добросовѣстно свою задачу и подвести насъ къ самымъ вершинамъ. Тогда мы подвинулись вверхъ и пошли по ущелью изъ дикихъ гранитовъ. Скалы гранита выступали какъ стѣны, мѣстами на нихъ бѣжали ручьи, спускаясь отвѣсно. Это былъ гранитный корридоръ. Несомнѣнно, здѣсь были каменоломни, потому что гранитъ, попадавшійся въ долинѣ Талалха, былъ тождественъ. Въ скалахъ видны были отколы. Наконецъ отсюда вела дорога къ Джирмантѣ.

Пробираясь чрезъ долину, заваленную грудой валуновъ, мы приблизились къ подножію самой вершины Субуръ-Хайрхана. Съ горъ сливались два ручья. Одинъ выходилъ изъ альпійскаго озера Цаганъ-норъ, находящагося на крутизнѣ у подножія скалы, увѣнчанной снѣгомъ. Тающій снѣгъ спускался въ это озеро; оно же представляло раковину на склонѣ горы, изъ которой вытекалъ ручей, давшій начало Орхону. Пока спутники мои подъѣзжали, я поднялся къ этому озеру, лежавшему въ гранитной скорлупѣ. Было 5 ч. Проводникъ торопился: надо было успѣть возвратиться на Цицерикъ. Мы сѣли на лошадей и быстро понеслись по скатамъ горъ, поспѣвая за проводникомъ. Монголъ спѣшилъ, чтобы намъ не заночевать въ горахъ. Скоро начало темнѣть и мы должны были поспѣшить. Скачка шла по обрывамъ, среди альпійской мѣстности, но вожакъ ловко лавировалъ. Когда было уже совсѣмъ темно, въ $10^1/_2$ ч. мы подскакали къ юртѣ на Цицерикѣ, гдѣ останавливались въ 8 ч. утра. Въ передній путь съ 6 ч. мы ѣхали до вершинъ Орхона иноходью и рысью 8 часовъ, т. е. 45 верстъ. Назадъ съ 5 до 10 ч. веч. въ продолженіе 5 часовъ сдѣлали не менѣе 45 в. Верхомъ провели 16 час. и въ ѣздѣ 13. Въ этотъ день намъ выпало сдѣлать около 90 верстъ. Такую поѣздку мы выдержали только энергируя себя высокой цѣлью изслѣдованія, которую мы преслѣдовали [1]).

---

1) Истоки рѣки Орхона и притоки его точно изслѣдованы географами и топографами еще не были. На картѣ Клапрота по китайскимъ источникамъ означено два истока въ вершинѣ, которые соединяются: Ouloutay sept. и Ouloutay merid. Выше съ лѣвой стороны

11-го іюля. Мы провели ночь въ юртѣ около Нарынъ-гола, при впаденіи въ Цицерликъ. Отсюда мы отправились назадъ по другому пути на Кокъ Суме, гдѣ, слышали, такъ же есть развалины. По Цицерлику мы видѣли кедръ и кедровые лѣса. Въ 9 ч. мы выѣхали, перешли чрезъ *Баинъ-Булакъ* и пошли на перевалъ *Уланъ-Чоло-Даванъ*. Въ $10\frac{1}{2}$ ч. встрѣтили рѣчку Хара-чилотъ-голъ, впадающую въ Цицерликъ, и перешли ее въ бродъ; въ сторонѣ была каменистая сопка *Аргарэйтъ*. Въ 11 ч. перешли перевалъ Уланъ-Чоло-Даванъ (красный камень), отдѣляющій Хара-чилотъ отъ Кокъ-Суме. Мѣстность представляла вершины горъ, покрытыя лиственницей. На перевалѣ были видны выступы горной породы вродѣ сланца, прорѣзанной жилами кварца. Флора — альпійская астра, гвоздика, синіе колокольчики, эдельвейсъ, незабудки и видны метелки опавшихъ одуванчиковъ.

Обиліе грибовъ въ этой альпійской мѣстности свидѣтельствуется тѣмъ, что они сушатся въ каждой юртѣ на веревочкахъ для продажи китайцамъ.

Въ долинѣ Кокъ-Суме, близь горъ и особенно живописнаго каменнаго утеса, лежавшаго въ полуверстѣ у подножія горъ, съ которыхъ спускался лѣсъ, мы нашли нѣсколько возвышеній и остатковъ строеній. Между прочимъ среднее представляло возвышенный четыреугольникъ въ 52 ш. длиною съ фундаментомъ въ сажень; впереди былъ спускъ — подобіе лѣстницы изъ того же камня; у подножія лежали дикіе камни и кирпичъ. Углы на насыпи поднимались еще на аршинъ. Въ срединѣ было возвышеніе отъ разрушеннаго строенія; здѣсь были видны остатки камней и кирпичи хоро-

---

означенъ притокъ Сагакба, по южную сторону котораго отмѣченъ Karacorum, по другой картѣ Garonbo. На картѣ Іакинѳа Орхонъ имѣетъ два истока безъ названій и притоковъ до Джирманты не обозначено. На картѣ М. П. Пѣнцова 1883 г. кромѣ двухъ истоковъ Орхона, по одну сторону означено 3 притока въ вершинѣ и 5 по другую сторону, но названо два: Улютай и Баинъ-Капрухе. Ясно, что это показаніе взято съ карты Клапрота. Г. Н. Потаниннымъ по опроснымъ свѣдѣніямъ приведено больше притоковъ, а именно: р. Орхонъ въ вершинѣ носитъ названіе Улясутай; Улясутай принимаетъ справа Тамчинъ, Марылцыкъ, Конѣкъ и Хамыръ, а слѣва Тамчинъ-голъ, берущій начало изъ горъ Субурганъ, и Горохѣнъ-голъ, берущій начало изъ горъ Тонгурукъ. Тамчинъ принимаетъ справа Эрхиты и Кохъ-голъ.

Не имѣя возможности прослѣдить лично всѣ притоки, мы убѣдились въ томъ, что Орхонъ сливается изъ двухъ ручьевъ, вытекающихъ изъ горы Субуръ-Хайрханъ; въ 8-ми верстахъ слѣва впадаетъ Тэли изъ горъ Тэли; кромѣ этой Тэли есть два притока Убуръ-Тэли и Аръ-Тэли, они соединяются въ устьѣ Тэли; затѣмъ въ 12 верстахъ слѣва притокъ Хоткѣтъ или Копихту съ горъ Джелинъ. Справа Улясутай изъ Хангая, затѣмъ Конѣкъ и Хамыръ.

Всѣ эти данныя безъ сомнѣнія потребуютъ провѣрки, такъ какъ въ опредѣленіи притоковъ Орхона у каждаго путешественника встрѣчаются противорѣчія. Ясное представленіе не можетъ быть составлено по нашему мнѣнію безъ подробной топографической съемки. Кокшинъ-Орхонъ представляетъ особую рѣку и едва-ли можетъ быть названъ истокомъ Орхона. Эта рѣка вытекаетъ изъ горъ Дудонъ-Уланъ-Курегъ, какъ намъ сказали,

шаго обжога. Кромѣ этого фундамента отъ строенія по бокамъ было еще три насыпи. На одной уцѣлѣли кирпичи и дерево, какъ будто отъ бывшаго субургана. На центральномъ фундаментѣ теперь устроенъ обонъ. Узнать объ этихъ развалинахъ въ этой пустынной мѣстности было не у кого. Около развалинъ мы видѣли довольно большую гранитную чашу. Основаніе камня было 87 сант., діаметръ его вверху отверстія 65 сант., діаметръ отверстія 45 сант., глубина чаши 35 сант., края толщиною въ 24 сант. Здѣсь мы разсчитались съ проводникомъ и остановились въ долинѣ на роздыхъ на урочищѣ Курынъ-ундыръ. Въ 5 ч. выѣхали. Вся долина Кокъ-Суме была усѣяна керексурами; они встрѣтились около горы *Мандзъ*. Керексуры были огромны. Одна сторона четыреугольника нерѣдко доходила до 80 шаг., на углахъ были круглыя насыпи и кольца. Другіе керексуры были четыреугольныя могилы со стоячими камнями по угламъ. На всемъ пути часа два керексуры попадались весьма часто. Въ одномъ мѣстѣ мы не могли не отклониться отъ пути, чтобы не подъѣхать къ виднѣющемуся громадному керексуру у горъ *Соре-Обо*. Центральная насыпь его была цѣлая пирамида саж. 4 или 5. Каждая сторона четыреугольника была 300 лошадиныхъ шаговъ, — мы измѣряли верхомъ. Видно, что керексуры здѣсь получили особое развитіе и можетъ быть вершины Джирманты и Кокъ-Суме были мѣстомъ, откуда они распространились. Это доказывало и разнообразіе формъ и величина памятниковъ. Остановившись ночевать на Джирмантѣ у знакомаго уже монгола, 12 іюля мы спустились въ долину Далалха къ Хара-Балгасуну. С. А. Пирожковъ продолжалъ снимать на развалинахъ надписи и кромѣ того открылъ еще верстахъ въ двухъ памятникъ съ китайской надписью, которую и снялъ[1]).

Мы изслѣдовали долину Далалха на значительномъ разстояніи. Версты 2 въ сторонѣ былъ холмъ или остатокъ какого-то глинобитнаго сооруженія, о которомъ разсказывается то же, что и объ Эрдени-Ола, «*горѣ счастья*», что здѣсь было закопано монгольское счастье, но китайцы разломали и увезли гору въ Пекинъ. Вмѣстѣ съ переносомъ горы счастье перешло къ китайцамъ, а монголы обѣднѣли. Тогда одна старуха сѣла на мѣстѣ, гдѣ прежде была гора, и начала призывать «благополучіе», *талаху*, на монгольскій народъ. Отсюда и названіе степи—Далалха-инъ-Тала. Этотъ варіантъ

1) По переводу А. М. Позднѣева эта надпись говоритъ: «Сѣверная страна на всегда покорена!». Въ срединѣ: «Управленіе военными пашнями Дайцинской Имперіи». Сѣва: «Поставленъ по высочайшему повелѣнію главнымъ провіантмейстеромъ и управляющимъ военными пашнями, состоящимъ въ званіи товарища Министра Министерства Церемоній, членомъ кабинета Его Величества Фуде». На правой сторонѣ: «11-го лѣта правленія Юнъ Чжена, осенней 2-ой луны 8 числа выгравированъ камень». На боку внизу: «Каменныхъ

слышали и мы. Старуха была *шабиганца* — монахиня. Она оставила китайцамъ золото и серебро, а возвратила монголамъ счастье, состоящее въ плодородіи скота. Гора, гдѣ было зарыто счастье, называется *Эрдени-Ола*. Другой варіантъ говоритъ, что Темиръ-Тогонъ-ханъ жилъ во дворцѣ Хара-Балгасунъ; онъ взялъ баранью лопатку и положилъ въ тулупъ, потомъ взялъ Цаганъ-эде (молочную пищу) и положилъ въ ведро, потомъ налилъ въ котелъ молока, на блюдо положилъ сыръ (бислыкъ), стрѣлу счастья и все зарылъ на степи толагай и отслужилъ молебенъ. Этимъ онъ старался призвать счастье отъ китайцевъ и передать монголамъ.

Эти варіанты мифа о *горѣ счастья* имѣютъ у монголовъ очень большую историческую важность. Тотъ же разсказъ о счастьи, увезенномъ китайцами, существовалъ и у *Уйгуровъ*, предшественниковъ монголовъ, обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ. Разсказъ приведенъ у d'Ohsson'a, Histoire des Mongols, t. I. Гора счастья Кутъ-Тагъ существовала и у нихъ. Нынѣ это Эрдени-Ола, стоящая около долины Далайху. Все это показываетъ, что данная мѣстность была обиталищемъ и центромъ Уйгуровъ и Монголовъ, а Хара-Балгасунъ—памятникъ этого времени. Сдѣлавъ, что возможно въ такое короткое время, около Хара-Балгасуна, мы сдѣлали послѣдній осмотръ развалинъ и начали готовиться въ путь. Пора было направляться въ Эрдени-Цзу, гдѣ 14 іюля готовился съѣздъ монголовъ. Хозяева сосѣднихъ юртъ собирались съ вечера на торжество.

Обойдя обелискъ и камни съ надписями, мы съ грустью остановились надъ ними. Мои спутники высказали желаніе увезти ихъ, но тяжесть была значительная. Мы попробовали два камня съ надписями. Тяжесть ихъ доходила до 13 пуд. Нужно было покупать лошадей; монголы могли замѣтить и преслѣдовать насъ. Я отклонилъ это, какъ невозможное. У меня созрѣлъ, однако, другой планъ, назавтра рѣшено было выйти.

13 іюля. Собравшись и снявъ лагерь, мы отправились въ 7 ч. утра по направленію къ Эрдени-Цзу. Тотчасъ же мы переправились вбродъ чрезъ Орхонъ и пошли по правой сторонѣ его. Горы тѣсно примыкали по лѣвую сторону Орхона и мы видѣли одну долину, гдѣ вытекала небольшая рѣчка *Кетченъ*. Горы, тянувшіяся на лѣво, были *Хетченъ-нуру*, *Орхонъ-Туше-ну* и Хонгой, у подножія котораго стоитъ кумирня Ламынъ-Цзу. На правой сторонѣ Орхона разстилалась обширная долина. Чрезъ $1\frac{1}{2}$ ч. мы оставили караванъ назади и съ Федоромъ поскакали впередъ, чтобы осмотрѣть мѣстность и, пріѣхавъ, подготовить въ монастырѣ помѣщеніе.

Характеръ равнины былъ совершенно степной до горизонта. Степь была вся покрыта черными двигающимися точками — это были двигавшіеся богомольцы, идущіе караванами на верблюдахъ и лошадяхъ.

ихъ праздничныхъ костюмахъ съ серебряными украшеніями на головѣ. Дѣти съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, не видавъ никогда иностранцевъ. Наконецъ на лѣвой сторонѣ Орхона показался на террасѣ горъ монастырь Ламынъ-Цзу. Онъ стоялъ на красивомъ мѣстѣ. Горы съ спускавшимися лѣсами придавали живость пейзажу. За то внизу на степи я долго не могъ уловить признаковъ Эрдени-Цзу, и съ трудомъ отличилъ ограду въ золотой мглѣ солнечнаго утра. Это были синеватые абрисы и бѣлыя стѣны съ массой промежуточныхъ пирамидъ, субургановъ вырисовались только тогда, когда мы были у самаго монастыря. Эти стѣны и причудливыя ворота съ китайской крышей могли производить впечатлѣніе на дикаго степняка, подходящаго изъ пустыни къ священному мѣсту, но не на европейца. Пространство, занимаемое монастыремъ, показалось очень не великимъ. Въ окружность монастырь былъ 1000 саж., высота стѣнъ 3 с., восточная и западная стороны стѣнъ 200 саж., сѣверная и южная 300. На стѣнахъ по 22 субургана на каждой сторонѣ, исключая угловыхъ. Стѣны имѣютъ 4 воротъ. Передъ воротами было озеро и раскинуто нѣсколько юртъ и палатокъ. Видно, что тутъ явились и китайцы торговать. По крайней мѣрѣ мы замѣтили ихъ лавочку и характерную карету. Въ ворота въѣзжали богомольцы; ихъ шелковые костюмы составляли контрастъ съ нашими дорожными платьями. Никто бы не узналъ въ этихъ костюмахъ дикаго народа — у него столько шелку, серебра и рядомъ тщеславія. Мы въѣхали въ улицы. Это были ряды келій, а на площадкахъ стояли изукрашенныя кумирни стиля XVI ст. Мы спросили начальника, чтобы представиться ему, но намъ указали старшаго ламу. Переговоривъ съ нимъ, мы получили приглашеніе остановиться у него. Такимъ образомъ мы подготовили квартиру для нашихъ спутниковъ. Когда мы основались въ маленькомъ дворѣ ламы, то, увы! увидѣли, что помѣщеніе было не изъ лучшихъ. Дворъ былъ занятъ двумя юртами, отдѣленными загородками; въ нихъ помѣщались хозяева, два ламы-братья и ихъ гости. На задворкахъ было подобіе стоекъ или чулановъ, — вотъ въ одномъ изъ такихъ чулановъ шаговъ въ 6 длины намъ предложили помѣститься. Конечно пришлось примириться и съ этимъ. Вопросъ былъ въ томъ, куда помѣстить лошадей. Ихъ предложили отправить въ табунъ и мы наняли пастуха. Первый день былъ посвященъ знакомству съ хозяевами. Старикъ-лама былъ изъ опытныхъ. Это былъ замѣчательный дипломатъ. Онъ сообщилъ, что у него жилъ одинъ русскій, учившійся здѣсь по монгольски. Это былъ по описанію А. М. Позднѣева, напечатавшій многое изъ исторіи Эрдени-Цзу.

Мы знали, что въ этотъ день начнется уже празднество и религіозное представленіе въ кумирнѣ, и просили ламу провести насъ. Это былъ пред-
[illegible] изъ [illegible] преимущественно мальчики. Въ 4 ч.

мы подошли къ большой древней кумирнѣ и увидѣли огромный круглый дворъ; вокругъ была праздничная толпа тысячи въ 2 или 3 народу; желтые и красные халаты ламъ преимущественно пестрѣли въ этой толпѣ; за ними выдвигались женщины въ украшеніяхъ и гости. Почетныя лица усаживались на крыльцѣ кумирни. Зрители лѣпились на флигеляхъ и на крышѣ. Все находилось въ напряженномъ ожиданіи. Когда раздались торжественные удары бубна въ кумирнѣ, послышались трубы и разные инструменты. Изъ дверей показались ламы, замаскированные богами или докшитами. Костюмы были въ высшей степени оригинальны. Представленіе состояло въ этотъ вечеръ изъ 5 отдѣленій: 1) 12 ламъ въ маскахъ чауръ; они совершаютъ медленныя движенія, вращаясь то на одной, то на другой ногѣ. 2) Два черныхъ *ацзара* въ пестрыхъ костюмахъ, напоминающихъ негровъ. 3) 11 мальчиковъ въ короткихъ курмахъ *Чуть билхамз*. Танцы ихъ очень граціозны. 4) Быкъ и олень — двѣ маски, изображающія этихъ животныхъ. 5) Танцы старца въ маскѣ, котораго ведутъ подъ руки. 6) Опять танцы мальчиковъ. Послѣ небольшого отдыха всѣ перешли въ другую старинную кумирню, гдѣ такъ же загремѣли бубны и зазвучали трубы. На дворѣ появились замаскированные воины въ кольчугахъ и шлемахъ. Подъ пѣсни они двигались двумя шеренгами и стрѣляли по очереди изъ фитильныхъ ружей. Этимъ закончились вечернія представленія наканунѣ праздника.

14 іюля. Цѣлую ночь звучали трубы, гамлины и раковины — буддійскіе инструменты. Просыпаясь, мы слышали барабанный звукъ, какъ бы пѣніе комаровъ — это была проба инструментовъ и забава богомольцевъ-любителей. Въ 7 ч. насъ разбудили болѣе торжественные звуки. Въ кумирнѣ начался цамъ; народъ валилъ толпами. Какъ вчера, монголы и ламы въ пестрыхъ костюмахъ расположились вокругъ обширной круглой арены древнѣйшей кумирни, гдѣ, говорятъ, былъ дворъ Абатай-хана, основателя монастыря въ 1597 г. Въ Эрдени-Цзу кромѣ 2000 ламъ прибыли на праздникъ разные знатные гости изъ стана Тушету-хана и его мать въ золотыхъ украшеніяхъ, явившіеся изъ Тарбагатая богатые торгоуты, разные начальники съ перьями изъ ласточкиныхъ грудей на шляпахъ. На галереѣ кумирни сидѣло блестящее духовенство, пріѣхавшее даже изъ Урги. Арену украшали штандарты, хадаки, балдахины и множество музыкантовъ съ колокольными бубнами. Этихъ бубновъ было до 2-хъ дюжинъ; затѣмъ огромныя мѣдныя трубы (*бишкуры*), раковины, *дунз-бурэ*; ламы съ тарелками *цанз*, — все это обѣщало шумную музыку. На этомъ праздникѣ мы видѣли все, что могъ выставить монгольскій ламаизмъ великолѣпнаго и эффектнаго. И дѣйствительно, это богослуженіе, длящееся цѣлый день, оглушительный оркестръ, пѣніе молитвъ, роскошные костюмы, яхтовившіе маски — все

это подавляло воображеніе дикаря. Мы видѣли богомольцевъ, распростравшихся въ пыли ницъ во время движенія докшитовъ; здѣсь молились, каялись, искали тщеславія. Все это придавало мистическій характеръ празднику. Настоятель монастыря, молодой монахъ, распоряжался церемоніей; видъ его былъ повелѣвающій, онъ держалъ въ дисциплинѣ ламъ и призывалъ къ отвѣту даже во время церемоніи. Толстый жезлъ его иногда впивался въ спины провинившихся. Монахи выдѣлялись отъ другихъ ламъ одеждою. Она была тибетская. Тяжелыя шерстяныя рясы, капюшоны, голыя до плечъ руки и бритыя головы дѣлали ихъ похожими на доминиканцевъ и католическихъ монаховъ. У нѣкоторыхъ монаховъ во время богослуженія мы видѣли ротъ прикрытымъ краснымъ суконъ. Такіе монахи держали свѣчи. Сукно служило къ тому, чтобы дыханіе человѣческое не коснулось ихъ. Музыканты были въ шерстяныхъ шлемахъ. Настоятель такъ же былъ одѣтъ въ этотъ шлемъ и въ желтую мантію, которая подавалась ему, когда онъ вставалъ руководить церемоніей. Когда все установилось, началось пѣніе, ударили бубны, тарелки отбивали тактъ, заиграли трубы и послѣдовалъ торжественный выходъ изъ храма замаскированныхъ ламъ-докшитовъ. Эти ламы были въ подобныхъ же костюмахъ, какъ и вчера, но выходы и явленія были разнообразнѣе. До вечера мы насчитали 21 выходъ и явленія самыхъ разнообразныхъ группъ. Тутъ были танцы мальчиковъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ черепами на головѣ, изображавшихъ смерть; танцы старивовъ Цаганъ-Эбуге, изображавшихъ старость и изнеможеніе; танцы оленя и быка; танцы черныхъ изверговъ, выходъ воиновъ въ шлемахъ съ флагами, красиво развѣвавшимися во время танцевъ, затѣмъ маски, изображавшія льва, тигра, корову и собаку, появлялся *Хашинъ ханъ* съ 7 дѣтьми и множество группъ докшитовъ въ огромныхъ маскахъ съ красными кровавыми волосами. Они дѣлали круги, изображали цѣлыя пантомимы; ихъ жесты и круговращенія напоминали мягкія и округленныя движенія балеринъ, съ тою разницею, что это были не красивыя танцовщицы, но страшныя божества, которыя должны были внушать страхъ. По срединѣ арены подъ балдахиномъ находился мистическій «Соръ», т. е. аллегорическая фигура зла. Около нея группировалось дѣйствіе. Въ концѣ этотъ «соръ» былъ торжественно вынесенъ за стѣны монастыря и сожженъ. Церемонія окончилась. Богомольцы разбредались по юртамъ. Началось страшное поглощеніе кумыса и, кажется, водки. По крайней мѣрѣ мы видѣли пьяныхъ всадниковъ, скакавшихъ по улицамъ монастыря съ дикимъ гиканьемъ.

15 іюля мы предприняли осмотръ монастыря и его построекъ. Два дня насъ отвлекали зрѣлища и религіозныя представленія, игнорировать которыя было бы непростительно. Постройки Эрдени-Цзу и его древности были для насъ важны ввиду археологическихъ изысканій. Съ этою цѣлью

мы предприняли осмотръ стѣнъ монастыря и кумирень. Стѣны Эрдени-Цзу были правильно выведены и реставрированы, но въ нихъ замѣтна была различнаго рода кладка и способъ постройки. Основаніе какъ-бы составлялъ земляной валъ, далѣе стѣна состояла изъ глинобитныхъ пластинъ, какъ въ Хара-Балгасунѣ, затѣмъ шла полоса стѣны, гдѣ дикій камень чередовался съ кирпичемъ китайскаго обжога. Такимъ образомъ здѣсь виденъ былъ какъ бы рядъ цѣлыхъ наслоеній. Ворота монастыря были сложены изъ новаго кирпича, поднимались саж. на 3 выше стѣнъ, украшены были китайской крышей и галлереей. Въ углахъ и въ помостѣ этихъ воротъ мы замѣтили древнія плиты съ монгольскими надписями. Плиты эти вошли въ фундаментъ, какъ дикій камень и были откуда-то привезены. Около воротъ стояла такъ же плита съ тибетской надписью, вѣроятно молитвой. Въ помостахъ, какъ и около вала, мы встрѣчали четыреугольныя гранитныя плиты, напоминающія пьедесталы колоннъ; но особенно ими былъ умощенъ дворъ главной кумирни Цзокчинъ-Дуганъ, гдѣ былъ цамъ — богослуженіе. Этотъ дворъ обложенъ кирпичемъ такъ, что въ немъ образованъ кругъ. Ламы съ таинственнымъ и важнымъ видомъ объяснили намъ, что здѣсь была юрта *Абатай-хана*, но пространство было слишкомъ громадно для юрты и это вводило въ сомнѣніе. Затѣмъ въ срединѣ цикла помоста лежащіе камни или пьедесталы были размѣщены совершенно случайно—безъ всякой симметріи и не могли служить для какого либо назначенія. Камни и пьедесталы были разной величины съ различными отверстіями и видно, что служили не для одной цѣли. Все это было свезено откуда-то, чтобы устроить помостъ для кумирни. Кумирня эта ремонтировалась и при насъ и настоятель, видя, что мы интересуемся надписями, указалъ намъ на плиты, привезенныя для фундамента, на которыхъ были монгольскія надписи. Нынѣшніе ламы, какъ мы убѣдились, самымъ безцеремоннымъ образомъ обходятся съ камнями и памятниками, попадающимися въ развалинахъ древняго времени. Исторію они не воскрешаютъ по историческимъ памятникамъ, а сочиняютъ ее, приноравливаясь къ требованіямъ ламаизма. Въ этомъ такъ же мы убѣдились, осматривая кумирни. Вторая кумирня въ монастырѣ была кумирня Цзу, древняя по постройкѣ и стилю. Здѣсь находился знаменитый кумиръ Гомбогуръ, привезенный изъ Тибета, который спасъ Эдерни-Цзу во время нашествія Олётовъ. Это самая ходячая легенда среди монголовъ, разнесенная богомольцами и сочиненная, конечно, ламами. Кумирня, гдѣ былъ Гомбогуръ, состояла изъ ограды, воротъ и затѣмъ возвышеннаго каменнаго помоста, къ которому вела лѣстница. Надъ лѣстницей была крыша. Затѣмъ на помостѣ располагались часовни и кумирня. Во мракѣ здѣсь мы увидѣли вызолоченныхъ бурхановъ и въ томъ числѣ Гомбогура. Помостъ называется высокой дорогой храма. Верхъ кумирни украшенъ былъ вызолоченнымъ

ганжиромъ или цилиндромъ, а такъ же надъ портикомъ было «колесо вѣры». Впустившій насъ лама указалъ на золоченный *ганжиръ* и сказалъ шопотомъ, что это *шишакъ* со *шлема Абатая*. Принимая во вниманіе вѣсъ ганжира и его высоту въ ростъ человѣка, мы позволили себѣ выразить наивное удивленіе, но ловкій лама тотчасъ же нашелся и объяснилъ, что шишакъ и долженъ быть великъ, такъ какъ *Абатай-Ханъ* былъ *богатырь* (этотъ богатырь жилъ всего въ XVI в.). Мы не удивлялись уже послѣ поясненіямъ ламъ, такъ какъ недалеко намъ показывали камень, гдѣ конь Абатая оставилъ слѣдъ копытъ и т. п. Гораздо болѣе заняла насъ древняя часовня Субурганъ. Здѣсь, кромѣ привезенной такъ же гранитной ступени, обращали на себя вниманіе два исписанныхъ камня. На одномъ камнѣ надписи были съ двухъ сторонъ, онѣ напоминали монгольское письмо; 2-ой камень представлялъ какую-то восточную надпись съ права на лѣво. На верху былъ рисунокъ дракона. Встрѣчая и въ другихъ частяхъ монастыря такіе монументы и памятники, можетъ быть привезенные откуда нибудь, мы не имѣли времени и возможности дѣлать копіи съ надписей, не зная языка. Мы получили показаніе ламъ, что А. М. Позднѣевъ видѣлъ эти памятники и по всей вѣроятности оцѣнилъ и снялъ копіи. Имѣя предшественникомъ болѣе знающаго, болѣе ученаго оріенталиста, намъ не было надобности копировать эти камни. Мы сняли только въ одномъ мѣстѣ 2 строки съ древняго камня. Онѣ оказались арабскими. Впослѣдствіи намъ пришлось не разъ пожалѣть, что мы не имѣли фотографіи. Третья историческая кумирня монастыря была *Бэдо-Лабрёнъ*. Здѣсь 13-го іюля и была пантомима воиновъ-стрѣлковъ. Кумирня эта сдѣлана изъ прекраснаго кирпича, отличается архитектурой. Надъ дверями портикъ, украшенный колесомъ вѣры, на крышѣ три ганжира и два выдающіеся столба, украшенные мертвой головой, и трезубцы. Кумирня съ придѣлами *Оширъ-дорэ* и *Даширъ-оче*. Около находится помѣщеніе или дворъ Гегена Намынь-Дорджа. Передъ этимъ дворомъ мы увидѣли древнюю гранитную курильницу, чрезвычайно изящной работы. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ ея древнемъ происхожденіи.

Въ центрѣ монастыря между кумирней Цзокчинъ-дуганъ и кумирней Цзу находятся часовни, субурганы и выставлены священные предметы, привлекающіе поклоненіе богомольцевъ. Среди нихъ мы нашли такъ же камни, монументы съ древними надписями, но сильно пострадавшіе, такъ какъ ламы поставили на нихъ свои діаграммы. Здѣсь же находится каменный левъ и каменная собака *безъ ноги*. Ламы и преданія поясняютъ, что это собака Абатай-хана, которой онъ отстрѣлилъ ногу на охотѣ. За что ханъ отстрѣлилъ ногу собакѣ, мы не получили разъясненія. Точно такъ же трудно было понять, почему она у ламаистовъ явилась священной и возбуждаетъ поклоненіе. — развѣ только въ вознагражденіе за то страданіе и

ущербъ, которые причинены были ей ея повелителемъ. Другое преданіе болѣе ясно говоритъ о заслугахъ собаки. Она залаяла и пробудила обитателей монастыря во время нападенія Олётовъ, стало быть оказала услуги не менѣе римскихъ гусей. Очень не мудрено, что послѣ этого подвига оказалась у нея перебитой нога, такъ какъ съ другой стороны всякое покушеніе пробуждать людей, когда выгодно, чтобы они спали, не всегда одобряется, а напротивъ. Богомольцы Эрдени-Цзу воздаютъ уваженіе какъ собакѣ, такъ и льву, кстати сказать, чисто китайскаго образца. Они выполировали своими спинами священные камни и статуи. Для изысканія древностей, мы обошли монастырь и во многихъ мѣстахъ встрѣтили плиты, гранитные обломки жернова и одинъ пьедесталъ съ животнымъ, очень остроумно сдѣланнымъ надъ отверстіемъ въ камнѣ. Эти обломки употреблялись ламами и монахами для подставокъ въ фундаментѣ деревянныхъ келій. Любопытнымъ былъ конечно вопросъ: откуда они доставались?

Въ этотъ день мы посѣтили настоятеля и Гегена, молодого монгола, чтимаго какъ святого ввиду переселенія въ него святой души какого-то гегена. Настоятель монастыря былъ не общителенъ и очень высокомѣренъ. Мы дали ему подарки и могли добиться только права осматривать монастырь. Вообще ламское духовенство въ Монголіи совершенно иначе держитъ себя, чѣмъ наши ламаисты. Самымъ умнымъ и образованнымъ казался старый лама, нашъ хозяинъ *Бутэ-Зайсанъ-Банзыръ*. У него была буддійская начитанность, онъ много видалъ; къ сожалѣнію онъ такъ любилъ ламайскія изукрашенія и легенды ламскаго изображенія, что всегда трудно было отличить, гдѣ вычитанная имъ исторія, гдѣ преданіе, гдѣ миѳъ и исторія. Ламы, какъ мы сказали при объясненіи исторіи Эрдени-Цзу, нисколько не стѣснялись сочиненіями. Точно такъ же ламство своими вымыслами снабдило и исторію монголовъ. Они придаютъ громадное значеніе Абатай-хану и Темиръ-хану, какъ буддистамъ, а остальные монгольскіе ханы играютъ у нихъ меньшую роль. Точно такъ же у ламъ есть обыкновеніе припоровлять всѣ историческія событія къ своимъ монастырямъ, поэтому всѣ разсказы ихъ подлежатъ строгой критикѣ и провѣркѣ.

16-го іюля. Г. Смысловскій въ эти дни снялъ планъ Эрдени-Цзу, а мы распрашивали ламу Бутъ-Зайсана-Банзыра о развалинахъ близъ Эрдени-Цзу. Онъ сообщилъ, что дѣйствительно около монастыря есть остатки валовъ и слѣды зданій древняго города. 16-го іюля мы попросили его сопутствовать намъ на экскурсію и выѣхали за ворота Эрдени-Цзу. Тотчасъ же за монастыремъ, кромѣ древнихъ субургановъ и могилъ, священныхъ для монастыря лицъ, мы нашли и древнѣйшіе остатки валовъ, т. е. не высокихъ отъ 1 арш. до 2-хъ высоты тянущихся насыпей на значительное разстояніе. За валами видны были остатки насыпей и ямъ. Эти насыпи и ямы

покрыты были кирпичемъ, черепицей и остатками гранита. Лама сознался, что отсюда перевезена значительная часть гранитныхъ пьедесталовъ, которые пошли въ фундаменты келей и кумирень. Несомнѣнно, что это были остатки древняго города, довольно значительнаго, но меньшаго чѣмъ Хара-Балгасунъ. Валы тянулись отъ С. къ Ю. приблизительно на 1 версту 200 с.; отъ З. къ В. на 2 версты. Затѣмъ мы прослѣдили канаву, гдѣ была ирригація. Она шла на 3 версты отъ Орхона. За этимъ каналомъ встрѣчалось множество «булашей», молотильныхъ катковъ. Ихъ насчитывали здѣсь до 20. Стало быть здѣсь находились и пашни. Итакъ около Эрдени-Цзу такъ же было древнее поселеніе. Находимыя древности и характеръ ихъ должны показать, къ какой эпохѣ это поселеніе или городъ относились. Для точности изслѣдованія, не предрѣшая вопроса, мы положили снять планъ какъ монастыря, такъ и окружающихъ его старыхъ валовъ около Эрдени-Цзу, подобно тому, что сдѣлали около Хара-Балгасуна [1]).

Передъ отъѣздомъ изъ Эрдени-Цзу, наканунѣ мы обозрѣли сосѣднія горы и теченіе Орхона. Здѣсь въ вершинѣ онъ загибается къ западу и входитъ въ болѣе тѣсныя ущелья. Въ горахъ мы нашли керексуры. Кромѣ того въ окрестностяхъ Эрдени-Цзу посѣтили китайскій кирпичный заводъ, выдѣлывавшій кирпичи для кумирень. Кирпичъ былъ трехъ сортовъ. Обжогъ кирпича замѣчательно хорошій и образцы его сходились съ тѣми, которые мы видѣли на развалинахъ. Въ предпослѣднюю ночь я тщательно разспросилъ стараго ламу, что онъ зналъ о прошломъ Эрдени-Цзу и въ 8 ч. утра 17-го іюля поспѣшилъ за своими спутниками, выѣхавшими на Кокшинъ-Орхонъ. Передъ отъѣздомъ лама Зайсанъ-Банзыръ сообщилъ, что и на Кокшинъ-Орхонѣ также есть слѣды развалинъ, называемые Талынъ-Дербульджа и сохраняющіе остатки строеній. Изслѣдовать Кокшинъ-Орхонъ, т. е. старый Орхонъ, было нашей цѣлью, какъ и вернуться на другую сторону новаго Орхона къ Угей-нору. Орхонъ считается у монголовъ священною рѣкою потому, что онъ спасъ Эрдени-Цзу отъ Олётовъ по повелѣнію Гомбогура (идола), разлившись и потопивъ непріятеля, какъ потопило когда-то Чёрмное море Фараоновъ. Въ Орхонъ бросали прежде золото и деньги и прекратили это, когда китайскій принцъ, переѣзжая, замочилъ въ немъ одежду. Проѣхавъ часа 2 по долинѣ верстахъ въ 8, мы остановились на урочищѣ близъ Кокшина, гдѣ была станція. Здѣсь я

1) Что касается древнихъ остатковъ города около Эрдени-Цзу, то его существованіе можетъ быть отнесено къ другому періоду, т. е. къ XVI ст., т. е. времени Абатай-хана и Темира. Такое объясненіе и дано было намъ въ Эрдени-Цзу ламами. Всѣ древности, кромѣ того находимыя въ Эрдени-Цзу, чисто китайскаго стиля и показываютъ позднѣйшее происхожденіе.

узналъ, что С. А. Пирожковъ уже нашелъ остатки валовъ недалеко отъ стоянки.

Отправившись послѣ обѣда, я увидѣлъ четыреугольное пространство шаговъ въ 500, съ небольшими возвышеніями, валами въ 1,2 арш. высоты; по срединѣ канава; кругомъ былъ ровъ. Можетъ быть это былъ родъ крѣпости. На второй день недалеко отъ этихъ валовъ мы нашли и остатокъ разоренныхъ, построекъ съ разбросанными дикими камнями, кирпичемъ, черепицей; холмы примыкали къ валу и представляли какъ-бы основаніе хижинъ или домиковъ. Здѣсь среди холмовъ попадались *«було»* (молотильные катки), жернова, испещренные узорами, съ двойными отверстіями — все это свидѣтельствовало о поселеніи на Кокшинъ-Орхонѣ. Такія развалины находятся между Эрдени-Цзу и Кокшинъ-Орхономъ въ двухъ мѣстахъ и носятъ названіе *Талынъ-Дербульджe* и *Дайтынъ-Хото*. По другому показанію Ханзы-Хото. Разсказываютъ, что здѣсь была китайская печка и развалины приписываются китайцамъ [1]).

Возвращеніе изъ Эрдени-Цзу по Кокшинъ-Орхону.

17 іюля вечеромъ мы составили совѣтъ о дальнѣйшемъ пути съ моими спутниками. Хотя изслѣдованія развалинъ отъ Угей-Нора до Эрдени-Цзу, какъ и по Джирмантѣ, дали намъ достаточно матеріала и на остатки древностей мы насмотрѣлись достаточно, но любознательность наша еще не насытилась. Мы только здѣсь почувствовали, какой обильный матеріалъ находился кругомъ. Хотя природа и протянувшіяся столѣтія многое уничтожили, но тѣмъ важнѣе было по оставшимся слѣдамъ торопиться отмѣтить то, что еще сохранилось. Путь по Кокшинъ-Орхону могъ представить особый интересъ, такъ какъ Кокшинъ-Орхонъ не наносился до сихъ поръ на карту, во-вторыхъ по распросамъ мы узнали, что не далѣе какъ на слѣдующей станціи, на урочищѣ Кошо-Цайдамъ, находятся какіе-то загадочные памятники, фигуры людей и надписи, которыя монголы прочесть не могли. Все это возбуждало любопытство. Въ то же время мысли наши витали все еще около оставленнаго нами облюбленнаго Хара-Балгасуна. Я говорилъ, что мы съ грустью оставили камни съ надписями. Зная, что они могутъ имѣть интересъ, я однако колебался взять ихъ. Теперь я открылъ

---

1) По указанію нашего оріенталиста В. П. Васильева, у китайцевъ была крѣпость на Кокшинъ-Орхонѣ. Тоже сообщилъ намъ въ извлеченіяхъ китайскихъ annalовъ и профессоръ Школы Восточныхъ языковъ въ Парижѣ Деверіа.

спутникамъ свой планъ новаго предпріятія. Во время пути къ Эрдени-Цзу, мы купили прибавочную лошадь. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы перегрузить весь багажъ на лошадей, а верблюда употребить для перевозки камней къ Угей-Нору. *Съ этою цѣлью я предложилъ* работникамъ-монголамъ, Федору и ламѣ Дундуку, въ преданности котораго мы увѣрились, взять лошадей, верблюда и воротиться на старую дорогу, пойти мимо Хара-Балгасуна и почью взять два отмѣченныхъ камня на верблюда. Все это должно быть сдѣлано съ надлежащей осторожностью. Мы же пойдемъ по Кокшинъ-Орхону и соединимся всѣ на Угей-Норѣ. Федоръ Осокинъ взялся выполнить это предпріятіе съ удовольствіемъ. Приготовившись еще совершить одно нелегкое дѣло и окончить съ честью начатую экспедицію, я чувствовалъ, что въ это короткое время я соединилъ однимъ интересомъ людей самыхъ различныхъ, случайно собранныхъ: мускулистаго работника и ламу, христіанина и монгола, иностранцевъ и русскихъ около одной не совсѣмъ обыденной цѣли. Мы говорили часто о судьбѣ исторической Монголіи, какъ о живой страницѣ человѣческой исторіи.

Въ этотъ вечеръ мы отдыхали, выполнивъ часть задачи, а передъ нами рисовался идиллическій пейзажъ кочевой Монголіи. Аулы, пригнанныя и связанныя стада овецъ, которыхъ доили монголки въ то время, когда на спинѣ покорныхъ животныхъ лежали и нѣжились монгольскія дѣти, какъ на живыхъ качеляхъ. Нашъ монголъ Федоръ, вспомнивъ дѣтство, игралъ на монгольской свирѣли. Нашъ лама Дундукъ лѣчилъ спину у своего любимца верблюда купленнымъ въ Эрдени-Цзу у китайца лѣкарствомъ. Слышался смѣхъ широколицыхъ, но добродушныхъ монгольскихъ дѣвицъ, шутившихъ съ молодымъ монголомъ-ямщикомъ, котораго мы подрядили проводникомъ.

Въ одной изъ юртъ несчастная старуха-монголка играла на губномъ стальномъ инструментѣ молитвы, а гдѣ-то вторилъ буддійскій речитативъ; а кругомъ стлалась чисто монгольская степь и горы Эрдени-Цзу въ послѣдній разъ стояли предъ нами, освѣщенныя лучами заката.

18-го іюля мы оставили урочище и простились съ нашими работниками, отправивъ ихъ другой дорогой, сами же втроемъ, т. е. г. Смысловскій и С. А. Пирожковъ пошли внизъ по Кокшинъ-Орхону. Долина Кокшина представляла ровную и сухую степь. На 12 верстѣ мы переѣхали рѣчку Наринъ-голъ, составляющую лѣвый притокъ Кокшина. На картѣ Пѣвцова Наринъ обозначенъ самостоятельной рѣкой, впадающей въ Угей-норъ, но ясно, что это недоразумѣніе и Нариномъ названъ Кокшинъ, который вѣрнѣе нанесенъ на опросной картѣ Г. Н. Потанина, съ тою разницею, что онъ впадаетъ не въ Орхонъ, а въ Холу—притокъ Угей-нора. Проѣзжая далѣе по долинѣ, мы замѣтили множество протокъ и болотъ

между Орхономъ и Кокшинъ-Орхономъ. Улусы попадались въ долинѣ часто: не успѣвали исчезнуть изъ вида одни аулы, какъ появлялись другіе. Проѣхавъ часа три, мы встрѣтили сопку Точильду. Близъ береговъ Кокшина паслись стада. Переправившись вбродъ чрезъ Кокшинъ, мы поднялись на небольшой перевалъ къ востоку, откуда видна была вся долина Орхона и Кокшина. Мы были на параллели Хара-Балгасуна и замѣтили его черныя стѣны. Онъ находился верстахъ въ 15 отъ насъ. Перейдя чрезъ перевалъ, на возвышеніи и новомъ подъемѣ мы встрѣтили часовню и нѣсколько келій. Это былъ *Хахарѣ-Хурымъ*. Сдѣлавъ еще перевалъ, мы замѣтили небольшую группу юртъ, къ которымъ направлялся нанятый проводникъ. Когда мы спросили его, гдѣ урочище *Кошо-Цайдамъ*, онъ отвѣтилъ, что недалеко за горою и предложилъ остановиться въ юртахъ. Юрты были крайне бѣдны. На вопросъ нашъ проводнику, почему онъ не ведетъ насъ прямо на урочище, мы получили отвѣтъ, что тамъ негдѣ оставить лошадей, нѣтъ юртъ, а отсюда съѣздить на озеро недалеко. Сначала мы не подозрѣвали хитрости проводника, но вскорѣ онъ началъ настоятельно проситься домой и рѣшительно не желалъ провожать насъ до самаго Кошо-Цайдамъ. Такъ какъ это было неисполненіе договора, то мы съ нимъ поспорили, при томъ здѣсь юрты оказались до того бѣдны, что нельзя было найти проводника и не на кого было оставить нашихъ вьючныхъ лошадей, такъ какъ въ юртахъ были только женщины и рѣшительно не видно было мущинъ-хозяевъ. Проводникъ оказался упрямымъ, потребовалъ разсчета и сейчасъ же уѣхалъ. Мы остались совершенно на произволъ. Только впослѣдствіи мы разъяснили себѣ, почему проводникъ не хотѣлъ или не могъ подвести насъ къ самому урочищу. О цѣли нашего разыскиванія могильниковъ и камней онъ зналъ. Когда онъ уѣзжалъ, получивъ плату, то сказалъ только С. А. Пирожкову, что камни надо искать по восточную сторону озера. Оставшись одни, мы начали пріискивать кого нибудь, чтобы сторожить лошадей, и съ трудомъ нашли старика, совершенно изнеможеннаго и въ заключеніе не въ мѣру выпившаго «айрыку». Какъ бы то ни было, мнѣ не хотѣлось терять времени и я предложилъ С. А. Пирожкову ѣхать немедленно со мною за перевалъ къ озеру. Я сгоралъ нетерпѣніемъ видѣть фигуры или монастыри; можетъ быть это каменныя бабы, думалъ я. Интересовали меня и надписи. Сѣвъ на лошадей, мы поднялись на перевалъ и передъ нами открылась котловина, окруженная горами. Въ срединѣ ея было озеро, какъ бы раздвоенное отъ В. къ З. На перевалѣ были обнаженія горной породы (сланцевъ). Къ удивленію около озера мы замѣтили цѣлый рядъ юртъ, тогда какъ проводникъ увѣрялъ, что здѣсь нѣтъ монголовъ. Не желая однако до времени служить предметомъ любопытства, мы поѣхали по берегу озера по восточной сторонѣ, но никакихъ признаковъ камней или керексуровъ не замѣчали.

Встрѣченный пастухъ отрицалъ самое существованіе здѣсь камней съ надписями и монументовъ. Ясно, что онъ скрывалъ и боялся свидѣтеля пастуха. С. А. Пирожковъ, служившій переводчикомъ, сообщилъ, однако, что монголъ совѣтуетъ идти по направленію къ юртамъ, хотя это не было въ нашихъ намѣреніяхъ. Подъѣзжая къ этимъ юртамъ, я замѣтилъ одинъ выдающій на $^1/_2$ арш. изъ земли камень, ясно поставленный и врытый здѣсь, но на немъ ничего не оказалось. Встрѣченная толпа конныхъ монголъ начала закидывать насъ вопросами: откуда мы, куда идемъ и т. д. На вопросы же наши о камняхъ и изображеніяхъ точно также отвѣчала отрицаніемъ ихъ существованія. Очевидно было, что монголы не хотѣли указывать. Это было досадно. Но я рѣшилъ не оставлять это мѣсто, пока не найду статуй. Вопросъ былъ во времени. Я передалъ С. А. Пирожкову, что мы пріѣдемъ сюда завтра, и съ монголами не желалъ больше разговаривать. Видя наше неудовольствіе и холодность, монголы начали записывать и спрашивать, зачѣмъ намъ, однако, понадобились эти камни и надписи и прочтемъ ли мы ихъ, если откроемъ? Мы прибѣгли къ хитрости и отвѣтили, что во всякомъ случаѣ у насъ найдутся люди, которые прочтутъ. Тогда коварные монголы на минуту остановились, переглянулись и, не говоря намъ ничего, быстро понеслись по равнинѣ. Мы послѣдовали за ними, догадавшись, что любопытство взяло верхъ надъ упрямствомъ и памятники будутъ указаны. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ мы остановились среди густой травы. Въ одномъ мѣстѣ выглядывалъ камень; когда я слѣзъ съ лошади, подошелъ къ нему, то мнѣ прежде всего бросились въ глаза, начертанные на боку рунические знаки. Далѣе, ступивъ шага 3 впередъ, мы были изумлены, увидя громадный обелискъ или плиту, разбитую на три части, а именно до 350 сант. длины, до 131 сант. ширины и въ 52 с. толщины. Она состояла изъ твердаго сѣраго камня, сильно выѣтрившагося, но сохранившаго на верху барельефъ, изображавшій какъ бы сплетшихся драконовъ, чешуя которыхъ была ясна, и была испещрена руническими и китайскими надписями. Руны были тѣ-же, какъ на минусинскихъ камняхъ, хотя нѣсколько знаковъ было новыхъ. Весьма важно было, что надписи были двуязычныя. Кромѣ этого обелиска или каменной таблицы вблизи лежали обломки львовъ; одинъ левъ изъ сѣраго мрамора, затѣмъ 2 фигуры изъ бѣлаго мрамора безъ головъ, изваяніе въ халатѣ изъ сѣраго мрамора, тоже безъ головы, и въ заключеніе громадный монументъ изъ гранита съ отверстіемъ внутри, изображающій какъ-бы пьедесталъ. Все это помѣщалось на плоскомъ возвышеніи и холмѣ, и напоминало могилы. Предстоящій камень съ рунами напоминалъ предстоящіе камни керексуровъ. Отъ этого могильника монголы повели насъ къ другому. Проскакавъ $^1/_2$ версты, мы увидѣли такое же возвышеніе, предстоящій камень съ тамгой или

символическимъ знакомъ, затѣмъ подобную же первой, громадную плиту — монументъ, всю испещренную рунами и такъ же изваянie или фигуру безъ головы съ жезломъ въ рукѣ; сзади могильника находился опять монументъ, какъ-бы пьедесталъ; кромѣ того было подобіе каменной бабы болѣе грубаго изваянія. По общимъ признакамъ тотъ и другой могильники были схожи. Видно, что большія плиты или монументы стояли прежде вертикально, на оригинальныхъ подставкахъ изъ камня, которыя уцѣлѣли. Все это придавало весьма грандіозный видъ этимъ необыкновеннымъ могильникамъ. Осмотрѣвъ въ этотъ день только два этихъ могильника, мы увидѣли, что стоитъ остановиться для нихъ. Количество надписей было такъ велико, что снять ихъ въ одинъ день было невозможно. Поэтому мы рѣшили завтра переѣхать сюда для работъ, а пока, ввиду поздняго времени, возвратиться къ своему лагерю. Было уже темно и мы съ С. А. Пирожковымъ съ трудомъ нашли оставленный лагерь. Ночевали въ убогой юртѣ нищей старухи шабинацы, гдѣ не нашли даже молока.

19-го іюля утромъ мы съ вьюками переѣхали чрезъ перевалъ къ озеру и остановились въ юртѣ монгола, который намъ вчера встрѣтился. Монголы, скрывавшіе сначала таинственное кладбище, теперь совершенно примирились съ нами и все время не безпокоили насъ любопытствомъ, такъ что на могильникахъ мы могли работать совершенно свободно. Мы взяли съ собой чайникъ и чаю, чтобы не возвращаться въ юрты до вечера. Не смотря на недостатокъ инструментовъ и фотографіи, мы старались снять что возможно и точнѣе измѣрить и скопировать эти замѣчательные памятники. Работу раздѣлили такимъ образомъ: я рисовалъ общій видъ могильниковъ, измѣрялъ монументы, камни и фигуры, измѣрялъ шагами разстоянія, а С. А. Пирожковъ принялся дѣятельно списывать надписи. Мы выбрали руническія надписи на второмъ могильникѣ, гдѣ онѣ лучше сохранились, но первый камень сильно выѣтрился и могли быть безпрестанные пробѣлы. Руны легче поддавались списыванію, чѣмъ китайскіе знаки. При осмотрѣ памятниковъ оказалось, что рунами была сплошь исписана одна сторона, при чемъ строки шли вертикально, а не горизонтально, хотя постоянно отдѣляемыя двоеточіемъ слова доказывали, что это было звуковое письмо для горизонтальнаго чтенія. Наше дѣло было однако какъ можно болѣе снять этихъ строкъ. На оборотной сторонѣ памятника, лежавшаго кверху рунами, находились, какъ видно, китайскія надписи или китайскіе іероглифы, но камень всей тяжестью лежалъ на землѣ и на пьедесталѣ и только изъ небольшой ямки можно было видѣть эти знаки. Камень былъ страшной тяжести (до 400 пуд., какъ послѣ мы вычислили), чтобы поднять его. Пришлось ограничиться такимъ образомъ только возможнымъ. Въ этотъ день мы заняты были описаніемъ этихъ двухъ могильниковъ, но скоро

въ нѣсколькихъ саженяхъ, шаговъ за 400, я нашелъ и третій могильникъ. Онъ былъ нѣсколько иной, на такомъ же плоскомъ возвышеніи стояли 4 плиты. Плиты были $1\frac{1}{2}$ ф. высоты наружу могилы и приставленныя другъ къ другу имѣли видъ гробницы. Камни были украшены рѣзьбой, изображающей симметрическій узоръ цвѣтовъ. Впереди могильника были львы и предстоящій камень съ символическимъ знакомъ. Кромѣ того при изученіи подробностей мы замѣтили, что отъ предстоящаго стоячаго камня шелъ рядъ камней далѣе на значительное разстояніе — это было подобіе той аллеи указательныхъ камней, какія встрѣчаются на кереѣсурахъ, только все это было здѣсь въ бо̀льшемъ размѣрѣ. Разстояніе между указанными камнями равнялось отъ 5 до 14 и болѣе шаговъ. Камни были или небольшіе, выдающіеся изъ земли, или сланцевыя плиты около аршина длины и лежащія поперегъ. Счетъ этихъ камней и измѣреніе ихъ увеличили работу. Но за то могильники и памятники теперь представлялись во всемъ своемъ великолѣпіи. Могилы съ аллеями камней, съ возвышавшимися таблицами, со львами у подножія, огромными монументами, съ надписями, какъ и гробницы съ узорами цвѣтовъ, — все это обнаруживало извѣстную роскошь и показывало, что могильники принадлежали выдающимся людямъ. Кое-гдѣ мы находили остатки кирпича и черепицы, но трудно сказать были-ли это остатки зданія или ограды. Почва была мягкая и весьма удобная для раскопокъ. Мы могли мѣстами только обнаружить на верху могильника врытыя статуи. Всѣ эти принадлежности могилъ находились, однако, въ безпорядкѣ и носили слѣдъ разоренія. Монголы нынѣ однако относятся къ этимъ древнимъ памятникамъ, какъ видно, съ уваженіемъ, что обнаруживается изъ поставленныхъ корытцевъ, камешковъ *обо*, раскиданныхъ около фигуръ и около львовъ, а такъ же изъ слѣдовъ прикосновенія. Монголы трутся около камней до того, что они шлифуются.

20-го іюля мы продолжали работы. Несмотря на то, что время шло, мы не могли оставить могильниковъ, не докончивъ съемку надписей. Подъ палящимъ солнцемъ мы продолжали занятіе цѣлый день. С. А. Пирожковъ въ этотъ день окончилъ 40 строкъ рунической надписи. Снималъ онъ, накладывая бумагу и строго провѣряя буквы. Такъ какъ онѣ носили одинъ характеръ и безпрестанно повторялись, то копированіе этимъ облегчалось. Буквы были врѣзаны весьма глубоко и поэтому ясно сохранились на 2-мъ могильникѣ. Съ другой стороны вывѣтриванье весьма твердой породы до того, что выступала вкрапленная другая порода, показывала, что камни подвергались атмосферическимъ вліяніямъ цѣлыя столѣтія. Измѣреніе мраморныхъ истукановъ или фигуръ показало, что они были 95 сант. высоты, изображали фигуры сидячихъ людей со сложенными ногами, при чемъ правая нога заходила на лѣвую. Фигуры, если не были шлифованными, то

весьма тщательной отдѣлки. Гранитные монолиты были въ 243—232 сант. длины, 232—215 с. ширины и около 100 сант. высоты [1]). На фигурахъ сохранились украшенія. Такъ напр. высѣченный поясъ носилъ узоръ блях. Въ заключеніе мы нашли 4-ый могильникъ около озера. Онъ представлялъ такъ же 4 плиты или гробницу, изукрашенную цвѣтами, и предстоящій камень. Прослѣдивъ камни, сопутствующіе и указальные, мы убѣдились, что они шли на востокъ до перевала. Стоячій камень около юртъ Тумбу, который мы видѣли въ первый день, принадлежалъ къ этой серіи. Протяженіе этой аллеи было около 3-хъ верстъ. Первая аллея направлялась ко 2-му могильнику. По всему было видно, что памятники эти, представляя извѣстное изящество и высоту искусства въ ваяніи, которое далеко превосходило каменныхъ бабъ, носили, однако, родство съ древними керексурами. Это видно было по стоячимъ, по сопутствующимъ камнямъ, какъ и по аналогіи четыреугольныхъ плитъ въ видѣ гробницы съ четыреугольными керексурами. Кромѣ того здѣсь между статуй лежало подобіе *каменной бабы* со сложенными на груди руками. По положенію статуй видно, что буддійскій культъ имѣлъ здѣсь свое вліяніе. Поджатыя ноги статуй, какъ и у буддъ, *ходакъ* въ рукахъ одной статуи и пр. убѣждали такъ же въ этомъ. Львы и драконы показывали вліяніе Китая и южной культуры. Ясно, что эти могильники были у какого-то культурнаго народа, обладавшаго искусствомъ и эстетическими потребностями.

Принимая во вниманіе раіонъ, въ которымъ они находились, и сосѣдство керексуръ, есть основаніе признать, что они принадлежали одному племени. Форма монумента была совершенно похожа на разбитый монументъ или обелискъ близь дворца Хара-Балгасунъ; на тѣхъ и на другихъ были руны, а затѣмъ двуязычныя надписи. Положеніе могильниковъ на Цайдамѣ въ 16 верст. на параллели Хара-Балгасуна не показывало отношенія этого кладбища къ древнему городу (Харбалгасуну-Каракоруму) [1]). Подобные могильники и монументы могутъ быть приписаны только Тукюэ или Уйгурамъ. Открытіе руническихъ надписей въ центрѣ Монголіи проливаетъ новый свѣтъ на ихъ распространеніе въ Азіи [2]). Гипотеза о ихъ

1) Обо всѣхъ памятникахъ, воздвигаемыхъ въ Каракорумѣ, мы собрали литературу. Здѣсь были каменныя таблицы съ особыми письменами, гдѣ была исторія Каракорума. Эти камни видѣлъ персидскій путешественникъ въ XIII в. Они лежали около дворца (см. d'Ohsson Hist. des Mongols, p. I). У Менгу-ю-му-цзи говорится о памятникѣ со статуей Тукюэскому хану Кюй-Тегина, брату Бике-кэхани, поставленному китайскимъ императоромъ Минъ-Хуанъ въ 713—742 г. (см. Потанинъ. Путешест. въ С.-В. Монголію. Примѣч. къ легендамъ, стр. 841, переводъ Васильева). Наконецъ былъ памятникъ въ память побѣдъ Киданӗй, поставленный Апаки.

2) Индо-европейскій шрифтъ азбуки, давно напоминающей финикійское, готское, греческое и др. письмена, можетъ также найти сближеніе съ древними надписями Пиндзи, приведенными Сендаромъ. Такая азбука могла быть перенесена съ буддизмомъ.

финскомъ происхожденіи и родствѣ со скандинавскимъ языкомъ колеблется; надписи эти идутъ изъ Монголіи до Тарбагатая[1]) и принадлежатъ какимъ-то племенамъ, завоеванія которыхъ были отъ Каракорума до Исыкъ-Куля, а сношенія простирались до Китая и Индіи[2]). Конечно снять всѣ надписи съ могильника № I и обратныя китайскія письмена на могильникѣ № II предстоитъ будущей экспедиціи. Работы еще много.

21-го іюля мы оставили урочище Кошо-Цайдамъ и направились къ Угей-Нору. Мы шли съ 6 ч. утра до 2-хъ ч. дня до озера. Дорога шла горными перевалами и по плоскогорьямъ. Она была такъ же однообразна — горы голыя, мѣстами видны обнаженія горныхъ породъ. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли выступы бѣлаго камня, подобнаго мрамору. Въ ложбинахъ лежали небольшіе озерки съ мутной соленой водой, а такъ же встрѣчались и болотистые солончаки. Растительность степная, скудная; въ низинахъ попадались блѣдныя незабудки. Послѣдній перевалъ къ озеру былъ Уланъ. Съ него открылся прекрасный видъ на Угей. Вдали видны были волны синѣющихъ горъ, у ногъ — широкое свѣтлое озеро, дѣвственное озеро Монголіи, гдѣ монголъ доселѣ не ловитъ рыбы, а птица живетъ безъ преслѣдованія. Озеро испещрено заливами, а на В. отъ него расположено другое озеро Баганъ-Норъ, когда нибудь соединявшееся съ первымъ. Съ высотъ мы видѣли обширную равнину, гдѣ струились Кокшинъ-Орхонъ и протоки Хола и Нарынъ сливались свѣтлою полосою. Вообще, около Угея при слитіи рѣкъ мы видимъ болотистую мѣстность. Можетъ быть когда нибудь самое озеро было больше. По крайней мѣрѣ масса выщелачивающихся и высыхающихъ озеръ Цаганъ-Норовъ даетъ основаніе догадываться, что водные бассейны были шире и распространеннѣе, а стало быть и долины плодоноснѣе. Обогнувъ озеро, покрытое стаями дичи, мы подъѣхали къ переправѣ и узнали, что наши возвратившіеся работники-монголы и Федоръ Осокинъ были уже на озерѣ близъ юрты матери Оромбо-Гегена. Наша палатка ждала насъ около юртъ. Такъ какъ мы боялись подмочить вьюки при переправѣ чрезъ Холу, то я поѣхалъ вбродъ первый, чтобы позвать людей.

---

1) Одновременно г. Ивановскій во время путешествія къ Торгоутамъ въ Тарбагатаѣ встрѣтилъ тѣ же руны на скалахъ Тарбагатайскихъ.

2) Снятыя нами 40 строкъ рунъ литографированы и переданы многимъ ученымъ, между прочимъ Сенару, Опперту, профессорамъ Кордье, Девериа и др. Французскіе профессора обѣщали изложить свои соображенія и догадки. Г. Девериа высказался, что письмена эти принадлежатъ вѣроятно Тукюе во время распространенія ихъ владычества до Персіи. Г. Доннеръ въ Гельсингфорсѣ и Броунъ въ Лондонѣ пробовали разбирать монгольскія слова. Г. Кохъ по китайской надписи видитъ памятникъ Тукюэскому хану. По снятіи надписей профессоромъ Гейкелемъ, разобранныя синологами Федоровымъ и Поповымъ, онѣ оказались дѣйствительно Тукюэскими надписями на памятникѣ Кютеле.

Выскочивъ на берегъ и поднявшись на перевалъ, я понесся къ нашей бѣлой палаткѣ. Первое слово, которое я кинулъ встрѣчавшему меня Федору, было: «Здѣсь ли камни?» — «Здѣсь, здѣсь!» — весело отвѣчалъ онъ, и я дружески взялъ его за руку, сойдя съ лошади. Два огромныхъ камня съ надписями были въ палаткѣ тщательно завернуты въ войлокъ. Люди исполнили инструкцію: они подошли передъ вечеромъ къ Хара-Балгасуну, остановились на отдыхъ, и когда наступила ночь, навьючили камни и пустились въ путь. Верблюдъ оказалъ громадную услугу. На этомъ наши научныя экскурсіи были закончены.

22-го іюля мы вышли съ Угей-Нора, проведя сутки въ юртѣ матери Оромбо-Гегена, почтенной старухи, весьма гостепріимно насъ принявшей. Обратный путь нашъ слѣдовалъ на Ургу мимо того же Хадасына. Какъ разъ около Угей-Нора мы встрѣтили попутчиковъ — это былъ монгольскій конвой съ начальникомъ-монголомъ, который везъ изъ Улясутая преступниковъ въ Ургу. Кортежъ былъ оригинальный: впереди на верблюдѣ везли скованнаго монгола. Онъ былъ привязанъ къ верблюжьему сѣдлу. Другого преступника везли закупореннымъ въ глухой ящикъ, гдѣ было 2 отверстія: на боку для пищи и внизу для испражненій. Ящикъ былъ связанъ скрѣпами и желѣзомъ и былъ на колесахъ. Преступникъ никогда не выпускался. Это были убійцы какихъ-то торговцевъ; ихъ возили, чтобы уличить и показать мѣсто гдѣ они спрятали трупы. Трупы были спрятаны въ норы сурковъ. Офицеръ и конвой были очень любезны къ намъ и мы не разставались съ ними до Урги. Мы спросили, что ожидаетъ преступниковъ? Ихъ ожидала смертная казнь въ Ургѣ, но передъ этимъ они долго еще протомятся.

23-го іюля мы остановились на урочищѣ Боронъ-Корде, гдѣ видно было 5 керексуровъ на склонѣ и по сторонамъ озера. Здѣсь же видѣли выходы лавы. Съ 23-го на 24-е ночью была гроза и буря, разогнавшая нашихъ лошадей. Ночь была дѣйствительно бурная. Монголы суевѣрны и Федоръ разсказывалъ, что, отыскивая лошадей, онъ слышалъ плачъ дѣтей. На вопросъ, откуда они могли взяться, — онъ отвѣчалъ: «мертвые». Говорятъ также, что покойники въ такія ночи пугаютъ всадниковъ. Къ одному пастуху онъ заскочилъ на сѣдло и они носились цѣлую ночь. Въ огражденіе себя отъ несчастій и злыхъ духовъ, монголъ ставитъ на перевалахъ и опасныхъ мѣстахъ обо.

24-го іюля мы были не доходя Хадасына, видѣли опять керексуры и выходы лавы. Керексуры были сдѣланы изъ лавы.

25-го іюля на урочищѣ Чинъ-Тологой. Чинъ-Тологой сопка съ обономъ. Затѣмъ поднялись въ горы и сдѣлали 5 перевалovъ. Прошли Сучжи и озерко Баракшинъ. Затѣмъ слѣдовалъ опять перевалъ и горное плато. Эти горы совершенно голыя поражали своимъ видомъ: ни одного дерева, ни

одного источника. На высотѣ жутко; вы чувствуете, что васъ окружаетъ гибельная, безплодная пустыня, которая давитъ своею безжизненностью и молчаніемъ.

26-го іюля мы переправились чрезъ Толу, гдѣ обычный монгольскій перевозъ съ долбленными ботами для экипажей. Лошади идутъ вплавь.

27-го переходъ въ горы. Мѣстность возвышенная; вечерами холодно. Станція безводная; горы конусообразны; дорога идетъ плоскогорьемъ. Мы шли безустанно съ монгольскимъ конвоемъ. Поднимались въ 3 ч. ночи и почти до 11 ч. вечера; затѣмъ въ 2 ч. ночи насъ снова будили монголы и шли часовъ до 11 утра безъ отдыха. Такимъ образомъ 28 іюля мы достигли Урги. Съ веселымъ чувствомъ мы увидѣли съ перевала ея окрестности и въ полдень я поѣхалъ впередъ съ монголами, чтобы приготовить помѣщеніе и квартиру для идущаго за мной каравана и людей. Мы ѣхали по равнинѣ. Мѣстность была оживлена; тянулись верблюды и всадники, монголы, китайцы, вездѣ попадались монгольскія палатки (майханы), торговцы, товары и стада отдыхающихъ верблюдовъ. Все напоминало приближеніе торговаго города. Урга показалась вдали. Она имѣла видъ монгольскаго куреня или монастыря, но около нея мы видѣли китайское укрѣпленіе. По равнинѣ попадались такъ же развалины прежнихъ лагерей со времени дунганскаго возстанія. Остатки развалинъ обнаруживали глинобитныя стѣны, которыя мы видѣли и на старинныхъ городкахъ, стало быть это былъ китайскій способъ укрѣпленій.

Мы выѣхали на базаръ, гдѣ насъ окружила любопытная толпа. Проскакавъ мимо воротъ съ субурганами, мы выѣхали изъ куреня мимо пестрыхъ кумиренъ, и монголы указали намъ русское консульство. Но оно было замѣтно и такъ, — какъ красивое каменное зданіе съ золотымъ крестомъ.

Нашъ генеральный консулъ Я. П. Шишмаревъ, снабдившій насъ передъ отъѣздомъ въ Монголію открытымъ листомъ, привѣтствовалъ наше возвращеніе, интересовался добытыми результатами и гостепріимно предложилъ намъ остаться отдохнуть въ консульствѣ, а потомъ обѣщалъ устроить все къ отъѣзду въ Кяхту. Переходъ въ европейскую обстановку и къ покою былъ очень быстръ послѣ утомительнаго безпрерывнаго движенія безъ дневокъ и самой лихорадочной подвижности, съ которой мы совершали экспедицію, имѣя ввиду недостатокъ времени. Съ 10 іюня до 28 іюля въ 48 дней мы сдѣлали до 1200 в. съ экскурсіями. Въ общемъ намъ приходилось дѣлать 30 в. безъ дневокъ.

Разстоянія къ свѣдѣнію путешественниковъ: отъ Кяхты до Угей-Нора по прямому маршруту 450 в. До Хара-Балгасуна $53\frac{1}{2}$ в. По Джирмантѣ до верховьевъ Орхона 90 в. и обратно. До Эрдени-Цзу отъ Хара-Балга-

суна 30 в. и на Угей-Норъ обратно 80 в. Въ 8 дней безостановочнаго пути мы достигли Урги и полагаемъ, что здѣсь разстояніе около 300 в. Конечно, всю эту дорогу отъ Кяхты по почтовому тракту до Урги и потомъ почтовымъ же трактомъ къ Угей-Нору можно сдѣлать скорѣе, но это будетъ ѣзда на перемѣнныхъ лошадяхъ.

Осмотрѣвъ *Ургу* и ея базаръ, мы воспользовались случаемъ видѣть въ Ургѣ китайскій праздникъ и церемонію въ честь хана *Эрлика*. Вечеромъ Маймачень былъ иллюминованъ, убранъ фонарями и близь лавочекъ приставлены жертвенники съ рисомъ и свѣчками. Около кумирни въ сумерки раздалась музыка и показалось шествіе: китайскіе полицейскіе верхами, власти, старшины; затѣмъ шелъ убранный конь *Эрлика;* конные монголы везли его печать и хартіи, завернутыя въ четыреугольныя связки изъ шелка. Затѣмъ шли мальчики съ дудочками, музыканты, замаскированные воинами актеры и даже участвовали въ процессіи колодники съ деревянными колодками на шеѣ, — это разные конокрады, судимые въ Ургѣ. Въ процессіи несли и носилки съ Эрликомъ-кумиромъ, завернутымъ въ желтую мантію. Передъ каждой лавкой, по мѣрѣ шествія, зажигали фейерверки и свѣтящіяся искры эффектно освѣщали шествіе.

Подъ конецъ Эрликъ былъ возвращенъ въ кумирню и передъ нимъ была сожжена китайская бумага, а такъ же совершено поклоненіе старшины Урги и власти. Роль жреца выполняли китайцы въ черныхъ мантіяхъ и шапочкахъ довольно скромнаго вида. Во время церемоніи въ кумирнѣ они только стучали въ желѣзную чашку палочками. Пѣнія не было; его замѣняла шумная, скрипучая и визжащая китайская музыка. Въ этой церемоніи мы не видѣли ничего религіознаго. При всей торжественности обстановки это былъ скорѣе увеселительный праздникъ. Китайцы и ихъ наложницы въ Ургѣ, какъ и Монголы, участвовали въ шествіи со смѣхомъ, шутками. Ничего подобнаго ламскому мистическому служенію, ничего подобнаго монгольско-буддійскому благоговѣнію и простиранію предъ божествомъ. Характеръ китайскихъ религіозныхъ празднествъ иной. И въ немъ сквозитъ раціонализмъ и индифферентизмъ китайцевъ.

31-го іюля мы выѣхали изъ Урги въ Кяхту на протяжныхъ съ однимъ обратнымъ ямщикомъ въ экипажѣ, а люди наши — рабочіе отправились послѣ. Дорога отъ Урги на Кяхту представляла часто горы и перевалы, покрытые прекраснымъ лѣсомъ, и характеръ этой мѣстности болѣе пріятный, чѣмъ въ голой Монголіи. Но что насъ удивило, такъ это то, что средства сообщенія между Кяхтой и Ургой самыя патріархальныя. Частные люди ѣдутъ на своихъ лошадяхъ обозами съ роздыхами въ полѣ. Станцій до сихъ поръ нѣтъ. Станціи китайскія въ юртахъ и зимовкахъ монголовъ, но по этимъ почтовымъ станціямъ ѣздятъ только чиновники.

хана въ Хара-Балгасунѣ. Вдову же его олётку взялъ съ собою и привезъ домой. Вмѣстѣ съ нею онъ взялъ для свиты 8 чел. монголовъ, 1 дѣвушку,— горничную ханши. Когда они ѣхали, то обѣ женщины сознались другъ другу, что онѣ беременны. Зная, что если родится у ханши сынъ, то его олёты убьютъ, она уговорилась съ горничной, дѣвушкой, у которой родилась дочь, перемѣниться дѣтьми. Когда онѣ пріѣхали, одинъ олётъ сказалъ: «Если у ханши сынъ родится, голову ему отрубятъ, если дочь — голову ей будутъ чесать». Тогда ханша показала дѣвочку. Сына, между тѣмъ, женщины отдали старику-монголу и поручили ему свезти его въ Хара-Балгасунъ въ Монголію. На дорогу женщины надоили молока изъ своихъ грудей въ брюшину, чтобы кормить младенца дорогой, затѣмъ положили его въ сундучекъ и отправили.

Когда монголъ привезъ ребенка въ Монголію, на горѣ Архомбурь было 5 человѣкъ охотниковъ. Они спросили монгола: «Кого ты привезъ?» — «Я привезъ, отвѣтилъ онъ, сына Темиръ-хана». Въ эту ночь выпалъ снѣгъ и охотники поймали 5 волковъ, 4 лисицы и 3 соболя въ капканы. Тогда охотники сказали: «Это правда, это нашъ государь». Ребенка отдали монголкѣ, другой вдовѣ Темира, на воспитаніе. Чрезъ три года младенецъ почувствовалъ силы. «Я поѣду воевать къ олётамъ», сказалъ онъ — «за что они убили отца?». Въ этой войнѣ онъ разбилъ олётовъ и отнялъ свою мать.

У Темуръ-хана, продолжалъ Бутъ-Зайсанъ разсказъ на другой день, было 3 сына: Абатай-Сайнъ-Ханъ-богатырь, Уккухтъ-хотъ и 3-ій Ирехе-Мергенъ-Сайнъ Хонтайдже. Ирехе-Мергенъ построилъ себѣ *городъ на Толѣ*, Уккухтъ-ханъ построилъ городъ *Хорхотъ* на Кокшинъ-Орхонѣ, Абатай-Сайнъ-ханъ поселился въ Эрдени-Цзу и привезъ съ собою изъ Тибета кумира Гомбогуръ. На перевалѣ *Бурхынъ-буксынъ-даба* онъ не могъ его перевезти, и перерубилъ пополамъ, потомъ перевезъ по половинѣ.

Абатай-ханъ имѣлъ 3 ханши и построилъ для нихъ 3 кумирни, которыя существуютъ и нынѣ. Онъ снялъ съ себя *шишакъ* (шлемъ) и поставилъ на крышу одной кумирни Голъ-Цзу, т. е. кумирни своей первой жены. Шишакъ этотъ въ ростъ человѣка и сынъ Абатая не могъ его носить. У кумирни Ользи-хутукъ онъ поставилъ свою юрту. У Абатая былъ сынъ *Гомбо-Тушетъ-ханъ*, лицо свѣтлое какъ молнія. Онъ жилъ въ Эрдени-Цзу 25 лѣтъ и отъ него родился сынъ Богдо-Лама. У него былъ братъ Убегенъ-ханъ-Церенъ-дорджи. Его мать называлась Хандье-*Дженсъ-Хандама*. Она умерла и ее похоронили въ часовнѣ близъ Эрдени-Цзу, которая до селѣ сохранилась. Въ Ургѣ находится большая юрта въ кумирнѣ. Богдо-Лама перенесъ ее, переселясь туда съ родомъ Шебъ (?).

Убегенъ-ханъ Церенъ-Дорджи хотѣлъ воевать съ Китаемъ. Онъ собралъ 18,000 войска и пришелъ къ китайцамъ, но китайскій императоръ

сказалъ ему: «Не будемъ воевать, а будемъ жить въ мирѣ». У Убегенъ-хана былъ сынъ *Бурханъ-ханъ*, названный такъ потому, что былъ кроткаго права и святой жизни. У Бурханъ-хана былъ сынъ Дорджи; это и есть нынѣшній Тушетъ-ханъ.

Таковъ былъ разсказъ Бугъ-Зайсана-Банзара о древностяхъ Эрдени-Цзу, гдѣ съ ламайскими объясненіями и изобрѣтеніями слился древній мифъ и разныя преданія.

Исторической подкладкой и поясненіемъ можетъ служить слѣдующее: Тоганъ-Темуръ-ханъ царствовалъ въ Китаѣ съ 1332 по 1368 г. Изгнанный изъ Китая въ 1370 г., онъ основываетъ городъ Барсъ-хото по Толѣ и потомъ переселяется въ Хоринъ въ 1372 г. Изгнанный изъ Китая, онъ привезъ мастеровъ и строитъ городъ, подобный Куку-хото. Объ Абатаѣ говорится, что для постройки монастыря въ 1585 г. онъ такъ же вызываетъ мастеровыхъ изъ Китая для построекъ.

О томъ, что владѣнія Ирхе-Мергена-Хонтайджи находились на Толѣ то же согласно съ историческими повѣствованіями; ему слѣдовательно принадлежалъ и оставшійся замокъ.

Что касается Хара-Балгасуна, то возвратившійся Тогонъ-Темуръ-ханъ, какъ говоритъ преданіе, жилъ и въ немъ. Здѣсь жила послѣ него жена. Хара-Балгасунъ существовалъ уже, какъ видно изъ преданія, ранѣе и здѣсь были готовыя зданія и поселенія. Кому же они принадлежали и отъ кого остались? Отвѣтомъ можетъ служить одно историческое показаніе, что «Темуръ вернулся въ *Хорин*». Все это должны разъяснить, однако, памятники и надписи, находимые какъ близъ Хара-Балгасуна, такъ и въ Эрдени-Цзу.

Н. Ядринцевъ.